

Александр БУШКОВ
Владимир Величко

Зубы судьбы

сибирский
детектив

Александр БУШКОВ
Владимир Величко

Зубы судьбы

сибирский
детектив

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2015

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 90

Исключительное право публикации книги
Александра Бушкова и Владимира Величко
«Зубы судьбы. Сибирский детектив» принадлежит
ОАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения
без разрешения издателя считается противоправным
и преследуется по закону.

Книга печатается в авторской редакции

Бушков А., Величко В.
Б 90 **Зубы судьбы. Сибирский детектив. Повести. Рас-
сказы. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 288 с.**
ISBN 978-5-373-07458-2

«Зубы судьбы» — книга, продолжающая серию своеобраз-
ных «сибирских секретных материалов» Александра Бушкова.

В этот раз вместо легенд и чудных, не поддающихся объяс-
нению историй, собранных под обложкой «Сибирской жути»
и «...Борьбы с неведомым», Бушков обращается к криминаль-
ной хронике недалекого прошлого. И устраивает на примере,
кажется, загадочных преступлений, виртуозный сеанс разобла-
чения. Королем криминального жанра помогает в этом его зем-
ляк — судебно-медицинский эксперт, в прошлом — психиатр,
Владимир Величко.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-373-07458-2

© Бушков А., 2014; Величко В.,
2014 (текст)
© ОАО «ОЛМА Медиа Групп»
(издание), 2015

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ВОРОНА

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи несытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Андрей Белый

Глава 1

Ей снился какой-то странный сон. Сначала большая белая, покрытая снегом поляна, которая вдали переходила в стену из стволов белых же берез, а уж над ними громоздились зеленые шапки летней изумрудной листвы. Она стояла посреди этой белой поляны и не могла понять: «Почему же это листья у берез зеленые, а на поляне снег?» Она стояла и думала... Потом наклонила голову и внимательно посмотрела вниз: нет, это был не снег! Это было сплошное море распутившихся одуванчиков. Они таким густым слоем покрывали землю, что неудивительно... И тут же она почувствовала, что у нее мерзнет левая нога, мерзнет сильно, очень сильно. Тогда она решила, что это все-таки снег – ведь так сильно нога не может на летнем-то лугу замерзнуть. Она стояла и думала над этим. Потом мыслям стал мешать какой-то далекий и надоедливый звук, который все приближался и приближался. И вскоре она поняла, что это ворона, что это ее крики мешают думать о ноге. «Почему же нога так мерзнет?» – недоумевала она. Да еще эти крики... Они были как набат, стучащий прямо над головой. И только тогда она поняла, что крики вороны... нет-нет, не вороны, а Ворона – огромного и совершенно черного! Что удивительно, она не видела его, но твердо знала, что это именно так – большой, черный и страшный. И в этом истошном крике она вдруг стала разбирать одно слово: «Никогда!». Это слово так и било по

голове: Никогда... никогда... nevermore... никогда... nevermore... Она, прежде чем повернуться и убежать от этого страшного голоса, заткнула пальцами уши и попробовала сделать шаг, но почему-то ноги не слушались: «будто в снегу завязли... нет, нет... не в снегу, во льду». Она, прежде чем с силой выдернуть ногу, еще успела подумать: «Это же одуванчики... Какой лед?» и резко выдернула ногу из ледяного плена... Еще успела почувствовать страшную, нечеловеческую боль, и все стало темно и тихо. Только все более и более далекие вскрики Ворона: nevermore... nevermore... more... ore... – сопровождали ее оторвавшуюся от дикой боли голову, улетающую далеко-далеко – туда, где за черными облаками было черное небо!

Юра Догоняйло был мрачен, ибо и сегодняшней день сулил сплошные неприятности. Его бизнес потихоньку, но неуклонно катился к закату. Из пяти маленьких магазинчиков-павильонов и двух больших, двухэтажных у него осталось только три маленьких. И доходы от этих... торговых точек уменьшились за пару лет очень существенно, и нехватка денег стала катастрофической. Да к тому же активизировались разные вымогатели, вроде пожарных, санэпиднадзора, ну и еще парочки захребетников. И если раньше он легко откупался, то за последний год они стали принципиальными и неподкупными. А на устранение недостатков требовались деньги, и немалые! И ему пришлось закрыть еще один магазинчик. Да и товары... Раньше до двух третей всех товаров составляла «некондиция» – то есть товары с просроченными сроками реализации, а то и вообще некондиционные, ибо на базах они стоили копейки, а у себя он продавал их по цене наикачественнейших товаров. Его поругивали, его порой откровенно материли, но покупали, и денежки капали неплохие. А недавно он из-за этого налетел на такой штраф, что до сих пор икает. И его все чаще и чаще стали посещать мысли – рас-

продать остатки бизнеса и уехать работать по специальности – инженером на Севера. А что? Там у него есть могучий покровитель – вместе учились и сейчас он совладелец...

– ...тебя долго еще ждать? – злобно прокричала из прихожей жена. – Уже совсем обленился. Если так будешь и дальше работать, то...

– Закрой пасть! – коротко бросил он ей и, залпом допив холодный кофе, вышел во двор.

Глянув на машину, он поморщился, испытал еще один моральный удар. Если полгода назад на этом месте стоял черный красавец БМВ Х5, то теперь он вынужден кататься на этом... на этой... короче на «ниве», которую по недоразумению обозвали еще и «шевроле». – Дрянная машина! – злобно сказал он вслух и открыл дверцу.

– Там возле ворот опять трется твой соратник по капиталистической молодости. На «технарь», поди, клянчить пришел. Слушай, – с деланным удивлением спросила она, – а вдруг он пришел с серьезным деловым предложением? – И, не выдержав тона, прыснула в кулак: – ну, например, как выгодно купить бутылку водки, – и уже не сдерживаясь рассмеялась в полный голос, и при этом ее золотистые волосы, выбившись из-под шапочки, упали на лицо:

– А если без смеха, – откидывая с лица волосы, сказала она, – я тебе что говорила? Забыл? Так я напомним! Я говорила, чтоб этот алкаш, – и она ткнула в сторону ворот, – не смел при мне появляться. Говорила?

– Заткнись, – тихо, но яростно произнес он, и супруга замолкла, тонко чувствуя грань, через которую ей переступать не следовало: «Попробовала бы она так сказать хотя бы год назад! Тонко, тварь, чувствует, что дела мои швах», – и, открыв ворота, выехал со двора. На улице, у ворот и вправду сидел его друг детства Ванька Миль. Юра поморщился. И отказать спившемуся другу он не мог, но деньги, деньги... Он только сейчас осознал, что лишних денег – даже на бутылку – у него тоже нет.

Юра вылез из машины закрыть ворота:

– Иван, я сейчас вернусь. Подожди меня. Что-нибудь придумаю.

– Да я не за этим, – щелкнул Иван пальцем по горлу, – у меня есть кое-что для тебя.

– Посиди. Десять минут посиди. Я только мымру свою отвезу. Не уходи, хорошо?

Когда через полчаса он вернулся, Иван смирно сидел на скамеечке.

– Пошли, – коротко бросил он и провел кореша в маленький домик у ворот – когда-то здесь в три смены дежурили дворники. – Ну, что у тебя? – спросил Юра, вытаскивая из кармана плоскую бутылочку коньяка. Но Иван только мельком глянул на нее и отодвинул подальше. Потом посмотрел прямо в глаза другу, спросил:

– Помнишь Третьего?

– Еще бы... И что с того?

– Я его вчера видел! Здесь видел, в нашем Городке видел.

От этих слов Юрку даже пот прошиб:

– Такими вещами не шутят, Иван! – напряженным голосом сказал он и резко поднялся со стула, который с грохотом опрокинулся на пол. – Если ты врешь...

Иван тоже встал и, глянув на подобие иконы, висящей в углу у низенького потолка, перекрестился, бросив одно только слово.

– Клянусь!

Хозяин отвернулся к окошку и задумался. Через пару минут он решительно сказал:

– Значит так! Оснований тебе не верить у меня нет, и я не знаю, зачем и для чего он здесь... но уж точно не для того, чтобы вернуть украденное. Точно не для этого. А поэтому нам надо поставить все на свои места. Или он вернет, или он...

– Слушай, Юра, – тихо ответил Иван, – ты это сказал

таким тоном, что... И глаза у тебя стали как тогда, пятнадцать лет назад, когда ты... того, который захотел... ты его тоже...

– Хватит! – рявкнул Юрий. – Ты со мной?

– С тобой-то я с тобой, – задумчиво ответил приятель, – вот только у тебя, Юра, не возникает такой вопрос: зачем он приехал? Вернуть то, что украл? Или ностальгия замучила? Могилкам родных поклониться приехал? И вообще – ты знаешь, где и как он жил эти пятнадцать лет? Ты знаешь, кто он такой? И кто за его спиной может стоять?

– Да, знаю! Сначала он осел в Испании, а позже перебрался в Англию. Года три назад его состояние оценивали почти в тридцать миллионов! Долларов! А вот зачем он сюда приперся, это действительно вопрос, – сказав это, он снова сел напротив Ивана, отвинтив пробку с бутылочки, разлил по стаканам коричневую жидкость и, подняв свой, жестко сказал:

– По большому счету мне плевать – есть у него деньги или их нет. Я ему просто хочу в глаза посмотреть! – и плеснул содержимое в рот. Подышав в кулак, твердо сказал:

– ...и, посмотрев, взять свое! Вернуть!

Иван внимательно взглянул на друга и медленно продолжил:

– А, увидев и взяв, – грохнуть? Ты, Юра, все еще в начале 90-х. Это ведь тогда предательство друзей ради денег было в диковинку! Но сейчас-то мы понасмотрелись на все это – на обман и «кидалово» близких друзей! И сейчас это норма поведения. – И, медленно выщедив коньяк, закончил:

– Не надо, Десятый! Не надо...

– Что? Что не надо, – внимательно глядя на Ивана, спросил Юрий.

– Сам знаешь, что я имел в виду, когда говорил...

– Ну не надо и не надо, – перебил его Юрий. – Пошел он... Руки еще марать, – и чуточку помолчав, спросил:

– Так в какой, говоришь, он гостинице? – и, подхватив с диванчика свою кепку, бросил:

– За мной!

«Нива», надсадно завывая двигателем, осторожно и медленно – будто на ощупь! – пробиралась по крутой дороге вверх по горе, туда, в карьер. Однако, несмотря на два ведущих моста и великолепную резину, старенькая машина то и дело пробуксовывала и, казалось, что еще чуть-чуть, и она покатится назад. Но сидевший за рулем водитель отлично знал такие машины и чувствовал их каждой клеточкой своего тела. Да и дорога была знакомой, бывал он здесь, бывал!

– Как там наш... гость? – не оборачиваясь, спросил он своего спутника.

– Да отдыхает, – глянув вниз, ответил тот, – устроился уютненько. Спит! Даже зависть берет! – и снова поставил ноги на спину человека, лежащего между передними и задними сиденьями «нивы». Наконец машина, оборвав натужный рев двигателя, покатила по мелким камешкам карьера к убогому вагончику, что темнел у снежного склона. Там, заглушив двигатель, водитель, потянувшись, сказал:

– Ну, все, финиш. Тащим борова в избушку, – и энергично выскочив из салона, откинул на руль спинку своего сиденья.

В вагончике они кинули тело на пол, и водитель, отдуваясь, сказал:

– Наручникиними сними с одной руки и один конец вон к тому кольцу пристегни. Пусть отдыхает. Он минут тридцать должен еще спать. А мы пока огонек в печурке запалим.

Когда упомянутая «буржуйка» стала отдавать теплом, пленник зашевелился, закашлялся и открыл глаза:

– Ви кто есть такой? Я подданный Ее Величества... а вы есть бандит!

– Ой, Вань, гляди какие карлики, – пропел водитель «нивы», – они и по-русски уже плохо говорят, и сами уже не бандиты... как будто деньги не он украл. – И, подскочив к пленнику, рывком поднял его с пола, поставив на колени, и коротко, почти без замаха ударил по лицу. Пленник, как подкошенный, рухнул на пол у стены.

– Надеюсь, теперь он русский язык вспомнит и перестанет дурака валять. А если нет, – водитель взял с пола массивную березовую палку с сучьями, – мы его еще поучим. Нам терять нечего, да и по родным березкам он, кажись, соскучился, – насмешливо сказал водитель пленнику и, подняв березовую дубинку повыше, спросил: – ну, соскучился?

Пленник, опираясь свободной рукой об пол, сел у стены и уже нормальным голосом сказал:

– Чего вы хотите и кто вы такие? Вернее, я знаю чего. Вопрос в другом – как вы хотите деньги получить и сколько?

– Кто мы такие – тебе знать не обязательно, а как и сколько – ты реши эту нехитрую задачку сам. Вот четыре карты VISA – каждому по две. Вот ноутбук. В нем есть мобильный модем... Я проверял, работает вполне хорошо, – и, повернув ноутбук экраном в сторону пленника, спросил:

– Так сколько ты нам перегонишь долларчиков – тех долларов, которые ты украл? Да, да – украл у нас!

Пленник, ничего не отвечая, настороженно поблескивал глазами в полутьме вагончика.

– Что молчишь? – спросил второй похититель.

– Да, ведь вопрос-то не в том, сколько и как я их вам отдам, – довольно спокойно ответил пленник, – а вопрос в том, что когда деньги придут, вы меня и пристукнете – вон тем же дрыном.

– А зачем нам потом руки марать об тебя? Когда деньги будут на моем счете, кто мне помешает перевести их на несколько других счетов. Их никто не найдет, а если и найдет, то уж точно – ничего не докажет.

– А если я найму... братков? Пообещаю им половину из тех денег, что они отберут у вас?

– Ну и нанимай. Не видали мы братков? Это во-первых... А во-вторых – какой смысл? Ты нам отдашь миллион! Заметь: миллион на двоих. А за сколько ты толкнул то, что принадлежало не только тебе? А? Забыл? Вот если бы мы с тебя «лимонов» десять стрясли – тут бы все можно было ожидать. Так что оцени нашу скромность. Хотим и сами получить кое-что и не хотим, чтобы тебя «жаба» потом толкала на глупые поступки.

– Думай! – сказал Вымогатель и, включив ноутбук, кинул на клавиатуру пластиковые карточки. – Пять минут думай. Потом начнем кости тебе ломать. Да и еще: сообщение о поступлении денег на счет придет на мобилу. Так что – сам понимаешь! Все, время пошло.

Ровно через пять минут Водитель встал и, взяв наперевес дубинку, больше похожую на нетолстое бревно, двинулся к пленнику. Тот хмуро глянул на него и, пододвинув ноутбук, застучал по клавишам. Так пролетело часа два. Пленник что-то сосредоточенно писал, ждал, снова писал, а двое тюремщиков внимательно смотрели – один сзади, другой спереди. Наконец раздался первый сигнал мобильного:

– Это деньги пришли. Смотрите кому, – устало, но с улыбкой сказал пленник.

Так продолжалось еще с час. Когда раздался сигнал в четвертый раз, пленник, устало откинувшись, сказал:

– Я свое дело сделал. Теперь ваша очередь.

– Да. Согласен, – хмуро ответил Водитель, разглядывая светящийся экранчик мобильного телефона, – сейчас отстегну от стены, – и пошел к пленнику, позвякивая клю-

чами. Оказавшись за его спиной, он вдруг молниеносно повернулся, резко взмахнул рукой, послышался тупой стук, шумный всхлип, переходящий в протяжный стон, и пленник повалился лицом вперед, прямо на ноутбук, и тут же его тело завалилось набок и, глухо стукнувшись, упало на пол.

– Вот и не угадал, вот и не угадал... – весело пропел убийца, – и не дрыном, и вовсе не дрыном! – И, кинув на пол молоток, сказал:

– Вот мы и в расчете, квиты! – сказал убийца и посмотрел на своего напарника, который, сняв вязаную шапочку и тряхнув головой, разметал по плечам золото длинных волос.

Женщина – это была женщина! – довольно равнодушно посмотрела на лежащего человека, из-под головы которого текла красная – даже в полутьме красная! – кровь и скапливалась у ее ног в круглую лужицу.

– И никаких моральный потрясений, как мне кажется? – спросил убийца, испытующе глядя ей в глаза, а потом, перешагнув еще дергающееся тело, подошел к ней и, обхватив голову ладонями, стал целовать ее глаза, щеки, со сладостным стоном впился ей в губы. Этот поцелуй над трупом длился долго, пока он не подхватил ее на руки и не положил на кушетку. И там, сначала в полном молчании, а затем все более бурно и энергично произошло то, о чем еще пять минут назад никто из них и не думал. Все кончилось внезапно: ножки кушетки подломились, и оба любовника-убийцы оказались на полу! И там, глядя друг на друга, они рассмеялись. Через пару минут она сказала:

– По-моему, мы с тобой ненормальные! Убийство, секс и смех! Точно ненормальные.

– Может, и так! Зато богатые. Вот это и говорит о том, что ты не права. Ненормальные – не разбогатеют. А у нас с тобой миллион долларов! Вслушайся только в это: Миллион! Долларов! И мы – нормальные, запомни это!

– И что дальше? – спросила она, приводя в порядок одежду и настороженно глядя на него.

– Ты думаешь, что я и тебя...

– Ну, предположим, что ты меня уже, – сказала она, усмехнувшись, – как теперь я мужу буду в глаза смотреть? – спросила она и, глядя друг на друга, они рассмеялись. Потом, собравшись, она спросила:

– А что с ним? Его же искать будут?

– Ничего подобного! Нет, искать его будут. Точно будут, но... не найдут. Мы его отправим вплавь по реке, да подо льдом. И куда унесет его до весны вода – никому не ведомо. Так что грузим и едем. Вот полиэтиленовый мешок. Взялись...

Глава 2

Рабочий день начинался как обычно. К девяти утра все сотрудники были на работе, как всегда собрались в приемной руководителя Следственного комитета и, прохаживаясь, с недоумением посматривали друг на друга. И их можно было понять: никогда еще руководитель не опаздывал. Как минимум за полчаса до начала рабочего дня всегда был на месте, а сейчас...

– А может, он в город уехал? – спросил следователь Алексей Леонов.

– Да какой город... Я ему уже два раза звонила на мобильник, и ничего. Один раз сбросил, а теперь он вообще недоступен! – сказала секретарь, хотела еще что-то добавить, но вдали хлопнула входная дверь, и они поняли – руководитель прибыл:

– Вот, не только мне все время опаздывать, но и... – начал было Алексей, но распахнулась дверь и вошел Антон Калманович – руководитель межрайонного отделения Следственного комитета. Был он невысок, быстр в движениях. Его волевое лицо ничего не выражало:

– Заходим, – сказал он, открывая кабинет, – быстрее, быстрее! – и, когда все зашли, он, не садясь за стол, сказал:

– У нас ЧП. Два, три часа назад наша следователь Анна Середа попала в ДТП по дороге в Петровский район... – начал он и недовольно поморщился, когда громко ахнула молодая следователь Ольга Косова и при этом так крутанула головой, что веер ее волос ярко вспыхнул золотом под лучами утреннего солнца из окна.

– Так, – пожевал он губами, – все эмоции в сторону, а ты, Ольга, для укрепления нервов, срочно мотай в больницу, в реанимацию. Анну туда только что доставили. Там выясни, что с ней, и мне перезвони. С собой возьми полицейского, а лучше оперативника. Быть там неотступно, пока... В общем, пока не скажу.

Потом, повернувшись к своему заму Валентину Бабурину, сказал:

– Мы с тобой едем на место аварии – там пока дорожно-патрульная служба. «Важняк» из города, наверное, уже выехал. Да еще и из соседнего района приедет следователь...

– Постой, постой, – недоуменно перебил его Валентин, – а при чем здесь «важняк»?

– ...«важняк» еще не самое главное. Из Управы едет еще и служба собственной безопасности, – мрачно добавил Калманович, – и, чуть помолчав, сказал:

– Середа в реанимации, и что с ней, я еще толком не знаю, но будем надеяться на лучшее. Косова выяснит и доложит. Дело в другом – мало того, что следователь в реанимации, а дело в том, что в ее машине обнаружен труп. Вот потому-то все в городе и переполошились.

– Во как! – с удивлением сказал Валентин. – Что за труп? Установили?

– Пока нет, – ответил Калманович, набирая чей-то номер, – мужчина средних лет, открытая черепно-мозговая травма.

– Дмитрий Иванович, – сказал Антон в трубку, – срочно собирайся, у нас беда... ах знаешь уже?.. так... так... какой прогноз?.. черт побери! Мы с Валентином минут через десять за тобой заедем. Собирайся! – и, положив трубку, сказал:

– Наш экспертный Огурчик, оказывается, уже в курсе произошедшего. Только что из реанимации пришел. У Анны закрытый перелом левого бедра и ушиб головного мозга тяжелой степени, ну и много ссадин и поверхностных ран. Пока она без сознания. О прогнозе доктора говорят с осторожностью. Все, поехали! Нам надо бы все осмотреть до приезда начальства.

– Интересно... – сказал в раздумье доктор Огурцов, разглядывая валявшуюся метрах в пятидесяти от дороги разбитую машину Анны, – абсолютно ровное место, прямая дорога. И она никогда не гоняла бездумно – 100 км/час – предел того, что она себе позволяла. А ведь смотри, Валентин, как далеко улетела машина. Здесь сотней километров и не пахнет.

– Ивич, займись лучше своим прямым делом! – нетерпеливо сказал подошедший руководитель СК. – Пошли труп осматривать, а?

– А я, между прочим, своим прямым делом и занимаюсь – обстоятельства причинения повреждений изучаю. А труп не убежит... Где, он, кстати? – спросил доктор, и они втроем полезли по снегу к покореженной, валяющейся вверх колесами машине следователя Середы.

Когда Огурцов со следователями подошли, то увидели труп мужчины, лежащий на снегу рядом с авто. Его вытащили сотрудники дорожно-патрульной службы в надежде, что он еще жив. Но, увы, увы!

– Ну, что? Начнем? – спросил доктор, – кто писать будет?

– Да пока никто. Мы – не имеем права, полиция – тоже.

С минуты на минуту подъедет следователь из соседнего района, он и проведет осмотр, – сказал Калманович и, глянув в сторону дороги, продолжил: – да вот, кажется, он и приехал. Так что, начинайте.

– А вы?

– А я вокруг поброжу, осмотрюсь. Может, что и найду.

Следователь Косова и участковый Гуртовой прибыли в больницу уже через двадцать минут. В приемном покое им дали халаты, они переоделись, а потом, глядя друг на друга, произвольно, несмотря на всю серьезность момента, рассмеялись. Если миниатюрная Косова могла обернуться полами белого халата минимум два раза, то на довольно-таки дородном опере он едва-едва застегнулся. Ну и рукава, соответственно, усугубляли комическую картину! Так, поглядывая друг на друга и улыбаясь, они поднялись на этаж реанимации. Как и ожидалось, их сразу же перехватила церберша в звании санитарки реанимационного отделения и, не слушая никаких доводов, к палатам с больными не пропустила. Вскоре подошел врач-реаниматолог и провел их в ординаторскую:

– Ну, что я вам могу сказать? Основное – это черепно-мозговая травма, хотя переломов костей черепа не обнаружили пока. Перелом левого бедра – это поправимо. В целом, прогноз – скорее благоприятный, чем неблагоприятный. Так что будем лечить, будем ждать. Из города сегодня нейрохирург приедет, соберем консилиум...

– Доктор, а можно хоть одним глазком на Анну Ивановну глянуть? – спросила Ольга.

Врач чуточку поколебался, а потом сказал:

– Ладно... пойдете, я вас отведу, но вы только сквозь двери... одним глазком, хорошо? – и, уже ведя Ольгу по коридору, он, как бы про себя, сказал:

– Тем более что она без сознания... контакту не доступна.

У высокой белой, сплошь из стекла и пластика двери врач остановился и, ткнув пальцем вглубь комнаты, сказал:

– Вот, смотрите, но туда ни ногой! – и, повернувшись, пошел к себе, в ординаторскую.

Гуртовой, мельком глянув в палату, быстро догнал врача, и они ушли, о чем-то разговаривая. Ольга же стояла и смотрела на коллегу, старшую по возрасту и званию и с первого взгляда ничего особого-то и не было видно: «Разве что скелетное вытяжение, а так... ну, лицо бледное, ну, щеки ввалились... Да и то, не уверена», – так думала следователь Следственного комитета лейтенант Косова. Когда вернулся врач-реаниматолог, Ольга встрепенулась и спросила:

– А мне кажется или она на самом деле временами что-то бормочет?

– Да, – мельком глянув в палату, сказал доктор. – Она все про Ворона какого-то повторяет...

– Ворона? – удивленно глядя в палату, переспросила следователь.

– Ворона? – тоже удивился подошедший участковый.

– Да, про Ворона. Но вы не думайте ничего такого. Просто это известное стихотворение Эдгара Алана По про Ворона, который влетел в комнату, и что бы поэт у него ни спросил, тот отвечал одним словом: – Никогда! Вот и ваша коллега то слово «Ворон» повторяет, то слово «Никогда», а пару раз слышал, как она это слово произносила на английском: «Nevermore!» Вот и все.

Ольга прошла по длинному коридору реанимационного отделения, спустилась на первый этаж. Внизу она позвонила Калмановичу и доложила о состоянии пациентки. Тот молча выслушал информацию и разрешил ей ехать на работу.

То ли оттого, что следователь был немолод, а потому обстоятелен и крайне нетороплив, то ли оттого, что Огур-

цов никак не мог сложить в единое целое обнаруженные на трупе повреждения и обстоятельства, при которых они могли быть получены, но осмотр затянулся надолго.

Но конец бывает всегда, везде и всему – в том числе и такому увлекательному делу, как осмотр трупа на месте. Когда хмурый Огурцов складывал свой экспертный чемоданчик, подошли Калманович с Валентином и перебросились парой слов со следователем. Затем Антон спросил Огурцова:

– И каковы, доктор, ваши мысли по поводу?..

– ...и без повода, – хихикнул, как всегда смешливый, Валентин.

Огурцов долго не отвечал, щурясь, разглядывая взошедшее, не по-весеннему яркое солнышко, затем неохотно сказал:

– Мое мнение – сугубо предварительное, конечно! – заключается в том, что гражданин, который померши лежит на снегу, – и Огурцов махнул рукой на то, что еще недавно было импортной и довольно престижной легковушкой, – никакого отношения к разбитой машине не имеет!

– Поясни, – недоверчиво сказал Калманович.

– Хорошо. Вот его повреждения: вдавленный перелом теменной кости, кровоподтек под левым глазом и вот, – Огурцов снял с тела покрывало и продемонстрировал руки мертвого человека. На уровне запястий там отчетливо виднелись циркулярные и неравномерные ссадины...

– И на что это, по-вашему, похоже?

– На следы от наручников? – сухо спросил Калманович, – откуда?

– Не знаю откуда, знаю, что наручники были! И лаборатория это подтвердит. А откуда? – спросил Огурцов и сам же ответил: – Ну, может, следователь Середа в своей машине перевозила арестованного в наручниках?

– Ну, ерунды-то не говори, – хмуро ответил Руководитель.

– А почему ерунды? – уже улыбаясь, спросил Огурцов.
– Мало ли какие делишки могут подчиненные за спиной начальника обтяпывать?

– Ты что городишь, – злобно сверкнув глазами, буквально прорычал Антон, впрочем, тут же взял себя в руки и, погасив эмоции, спросил: – А почему труп не имеет отношения к машине? Поясни.

– Ладно, поясню. Вот смотрите, какие повреждения обнаружили в больнице у Анны Ивановны: множественные ссадины кожных покровов, мелкие ранки, обширный след от ремня безопасности, не говоря уж о переломе и черепно-мозговой травме – то есть, глядя на нее, сразу скажешь, что ее месило в мясорубке многократно перевортываемой машины, А у него, – и Огурцов показал на труп мужчины, – всего-то ничего. Не похоже, что они вертелись в одной машине. Ну и еще одно – трупные явления у мужчины не совпадают по времени с аварией. Он умер раньше, чем была авария. Вот мое мнение. Да, и еще, – спохватился Огурцов, – в затылочной области у него вдавленный, по сути дырчатый, перелом кости почти правильной квадратной формы. То есть воздействие предмета типа молотка. Ищите, обо что он мог так удариться. Найдете – значит, ударился. Не найдете – значит его молотком, ну, или чем-то похожим, шарахнули по голове! Благо свойства и размеры перелома подозрительно подходят под форму бытового молотка.

– Вот так-так, – переглянулись руководитель и его заместитель, – но это значит...

– ...это значит, что приехало областное начальство, – и кивнул в сторону дороги, где тормозили два микроавтобуса с красной полосой по борту и надписями «Следственный комитет РФ». – Пошли... сдаваться? – обратился он к коллегам.

И они отправились к начальству, а доктор Огурцов, неторопливо уложив свои вещи, пошел к машине, на которой и приехал.

– Где врач? – вдруг услышал он зычный и явно начальнический голос. – Где Эксперт?

Доктор Огурцов оглянулся и увидел в метрах десяти группу людей в погонах и среди них полковника. Лицо его было красным и злым. Он смотрел в сторону Огурцова:

– Эксперт, доложите о результатах осмотра и своих выводах!

– А вы, простите, кто? – вежливо спросил Огурцов.

– Это заместитель руководителя... полковник юстиции... – ответил кто-то из свиты. – Вы должны доложить...

– Я ничего и никому – в том числе и вам, полковник, – не должен, а докладывать о трупе? Свое мнение о трупе, повреждениях и причине смерти я сообщил в соответствии с УПК процессуальному лицу – следователю. И он это зафиксировал на бумаге, так что у него и спрашивайте, и прочитайте, – мрачно ответил Огурцов и, повернувшись, ушел в машину.

Доктор Огурцов терпеть не мог подобного хамского обращения и зачастую отвечал адекватно, хотя порой жалел об этом и тогда думал: «Лучше бы ты промолчал, Дима, все полезней для нервов, а может и для зарплаты». Однако, раз за разом сталкиваясь с проявлениями начальнического высокомерия, все повторял снова.

Следующее утро началось со звонка. Мужчина, представившийся следователем СК из области, категорически запретил вскрывать труп погибшего без его присутствия. Это было неприятно, так как ломало все планы, да и была высока вероятность, что он приедет за пять минут до конца рабочего дня. Для страховки Огурцов перезвонил Калмановичу и узнал, что такой «важняк» на самом деле существует и что дело взаправду передали ему. Огурцов чертыхнулся, разделся и пошел пить чай. Но не успел он сделать и пары глотков, как позвонили из реанимации и сказали, что больная Середа пришла в сознание. Огурцов, бросив все дела, помчался в реанимационное отделение. У

постели Середы уже сидел ее муж – полицейский из отдела, тоже старый знакомый Огурцова. Он с большим неудовольствием встретил появление Огурцова:

– И зачем приперся? Ей отдыхать надо.

– Ну, во-первых, проведать и сказать, что все будет хорошо и потом... – он, взглянув на Анну, начал было:

– Ну, ты молодец, неплохо выглядишь, – но Анна его перебила:

– Ага, ври больше. И я ничего не помню...

– Что? Совсем, совсем?

– Да, совсем ничего. Помню, как утром вышла из подъезда и... все. Пришла в себя в реанимации, а муж, – она показала на мужа, – сидит рядом, И в памяти все стерто... уже вспоминать пыталась, но глухо. Только помнится поле белых одуванчиков и мерзнущая нога... и больше ничего! И при чем здесь одуванчики?

– Ладно, твои коллеги придут и все тебе расскажут...

– А мне муж уже все рассказал, – ответила она и кокетливо поправила свои пышные русые волосы, – но я понятия не имею, кто мог со мной ехать в машине.

– И ладно, и успокойся. Разберутся. Ты только не волнуйся, – и, помахав рукой, ушел к себе в отделение.

Вернувшись к себе, он увидел следователей районного комитета – Калмановича и Бабурина. Вопреки ожиданиям, они выглядели весьма спокойными и с явным удовольствием пили халявный чай.

– А что цветом? Размотали вчерашний случай?

– Да, ну его, этот случай! Его другие пусть разматывают. А нам достаточно того, что Анна пришла в себя, что угрозы для ее жизни нет и что труп из машины, к ней отношения не имеет. Вот и радуемся!

– А что по вскрытию? Когда приедет ваш «важняк»?

– Сейчас эксперт-криминалист приедет, качественно пальчики откатает и начнем... благословясь, а то ведь работы много?

– Да не то чтобы много, но... То есть личность пока не установили?

– Не-а, не установили. Пошли?

Когда вскрытие уже заканчивали, приехал тот самый «важняк». Вопреки сложившемуся после утреннего разговора мнению, приехавший оказался вполне нормальным и адекватным мужчиной, без всякой заносчивости. Он очень внимательно выслушал результаты исследования трупа, задавая очень грамотные вопросы, рассмотрел все фотографии и, забрав все то, что судмедэксперт изъясил у трупа, – увез в Город, в различные лаборатории Бюро для проведения дополнительных исследований. И потекла лабораторная и оперативная работа.

Глава 3

Поскольку случай с аварией был не рядовым – как-никак следователь Следственного комитета был участником – то сначала все, в том числе и Огурцов, подверглись массовой атаке журналистской братии. И если судмедэксперту было проще всего – делай крайне тупое выражение лица и посылай всех к... следователю, назначившему экспертизу. А вот следователям приходилось чуть ли не часами отбрехиваться от назойливых «акул пера». И хорошо, если на десяток абсурдных (если не сказать хуже) вопросов задавался один, требующий адекватного ответа.

Кстати, благодаря журналистам и неординарности произошедшего, все дополнительные лабораторные исследования проводились вне всякой очереди. На четвертый день – то есть в пятницу, вечером к доктору Огурцову домой заехал руководитель СК Калманович. Он привез результаты кое-каких дополнительных экспертиз и попросил их изучить как следует и подумать, что там и как:

– А в десять утра давай, Иваныч, у тебя в отделении соберемся и подумаем над этим случаем. Ты не против?

Доктор был против или, вернее сказать – не в восторге от этого предложения, но деваться-то некуда, надо хоть чем-то да помочь. Ночь он почти не спал, и уже под утро к нему привязалось стихотворение про того самого ворона, которое твердила и твердила Анна. Почему он об этом вспомнил, доктор Огурцов понять не мог, а потому открыл книгу и перечитал его несколько раз.

Наутро Доктор Огурцов в отделение пришел заранее – невыспавшийся и хмурый. Позевывая, он поставил чайник, прибрал лишние бумаги и, когда все сделал, пришли Калманович с Бабуриным. Разлив чай-кофе, первым взял слово следователь и коротко рассказал о том, что следствие уже «нарыло» и что еще никак не «нарывается».

– В общем, самая главная проблема, – сказал Калманович, – в том, что труп мужчины до сих не опознан...

– ...Да что вы говорите, а я и не знал! – впервые за утро ухмыльнулся судмедэксперт Огурцов. – Он же у меня в холодильнике лежит, и никто его не забирает. Кому как не мне...

– Прошу тебя, Иваныч, не перебивай, ладно?

– Извини... продолжай!

– ...до сих пор не опознан, – повторил следователь, – а поскольку результаты лабораторных исследований дают однозначный ответ о времени наступления смерти, – как ты тогда и говорил, – то и выходы на возможных убийц этого неустановленного мужчины сильно затрудняются. Оперативники прочесали все вокруг и ничего... – и тут его снова перебили. Это был Куров, буквально ворвавшийся в отделение. Увидев собравшихся, он радостно сообщил:

– А я труп привез.

– Ну и разгружай в холодильник. Чего сюда-то? И с чем он, кстати?

– Да, алкаш... – начал было Куров, но Бабурин с удивлением его переспросил:

– Алкаш? А почему алкашей капитан лично в морг возит?

– Ну, в общем-то да, алкаш, но... я знал, что вы все здесь, а кроме того, алкаш не просто спиртом, а метиловым спиртом обпился, вот я и... – но его перебил Огурцов. Разглядывая паспорт алкаша, он как-то задумчиво спросил:

– Вам фамилия Иван Миль ни о чем не говорит? – и, услышав отрицательные ответы, положил паспорт и, сев в уголок, на свое любимое низкое креслице, как-то растерянно оглядел всех троих и потом тихо сказал:

– Ребята, я, кажется, знаю фамилию убитого!

Все воззрились на него с недоумением:

– Какого убитого? – чуть не хором спросили присутствующие.

– Ну, того, что в машине Середы обнаружили.

– Да? – недоверчиво спросил Калманович, – и кто он такой?

Огурцов, не говоря больше ни слова, встал, пробежался по кабинету туда... обратно и, встав спиной к окну, спросил:

– Знаете, что меня мучило все эти дни? – и, не дожидаясь ответа, сказал:

– Меня мучили слова, которые твердила Анна Серeda в реанимации, помните:

*Кто под гнетом рока злого слышал, словно приговор,
Похоронный звон надежды и свой смертный приговор
Слышал в этом «Nevermore¹».*

Это строки из стихотворения английского поэта. И в нем она постоянно твердила слово Ворон! А теперь вопрос на засыпку: кому-нибудь фамилия – повторяю, не слово, а фамилия – Ворон, что-то говорит?

Все трое задумались, с недоумением глядя друг на друга.

¹ Строки из стихотворения Эдгара А. По. «Ворон», перевод М. Зенкевича.

– А, впрочем, вы в те года – это начало 90-х – еще маленькими были...

– Да, да, да! – хлопнув себя по лбу, сказал Валентин. – Был когда-то мафиози с такой кликухой. Он то ли без вести пропал, то ли его грохнули... не помню точно. Но такой был, правильно, Иваныч!

– Это были три друга: Сергей Ворон, Иван Миль и... Юра Догоняйло... да-да, наш теперешний и всеми уважаемый бизнесмен. Они тогда провернули какую-то могучую сделку, и Ворон их кинул! Тогда они сорвали не просто приличный куш, а очень большой. Как в то время судачили, речь шла о миллионах долларов. Вот с ними-то Ворон и испарился. Сейчас они его нашли и... умер Миль. Так что, ноги в руки, господа правоохранители, и догоняйте Догоняйлу, или его кто-то раньше догонит, а если вы не догоните, то он скроется, как тогда Ворон.

– Молодец, Иваныч! – сказал Калманович и похлопал доктора по плечу: – Надо же, такой талант в морге пропадает, – бросил он напоследок и Огурцов остался один.

С этой памятной субботы прошла ровно неделя, во время которых ни следователи Следственного комитета, ни опера уголовного розыска не появлялись, а по телефону – когда Огурцову удавалось дозвониться – отвечали сухо и односложно:

– Работаем!

Однако городок-то был маленьким и слухами полнился. А они были одной направленности: владелец многих магазинов Догоняйло ударился в бега, поскольку пытался убить следователя Середу, и что именно он убил Ваньку Миля, и еще много чего интересного услышал за эти дни Огурцов.

А потом настал момент истины, и Огурцов узнал все. Его в пятницу вечером пригласили в Комитет. Там, за накрытым столом, собрались следователи, начальники полиции и уголовного розыска...

Первым взял слово Калманович:

К моменту развала СССР им было по 23 года. До того, как состоялся путч 1993-го года, ребята себя попробовали и в бизнесе, и в рэжете. Даже в Польшу-Турцию челночили. В общем, они искали свое место в нарождающемся капитализме. Тогда же наиболее предприимчивые стали скупать те или иные «объекты недвижимости». Иван и Юрий тоже выкупили неплохое здание, где хотели открыть ресторан. Хотели, но не смогли, потому что из города нагрянул Серега Ворон – их бывший одноклассник. Они с первого по седьмой класс вместе учились, были друзьями. Но потом он с родителями переехал в Город. И вот явился. Да явился не просто так, а с идеей – купить каменный карьер. Тот располагался в двух десятках километров от Городка.

Вы спросите: «А зачем парням карьер?». А все просто! В том карьере были залежи великолепного гранита. Гранита, сравнимого с лучшими мировыми образцами. И они этот карьер приобрели и стали единственными владельцами с полными правами: разрабатывать, продавать, покупать и прочее. Да, когда они его покупали, им пришлось даже пострелять, так как кое-кто тоже хотел на него лапу наложить. И одно время они для конспирации звали друг друга не по именам-фамилиям, а по номерам. Так Ворон был третьим, Иван седьмым, а Юрий десятым. Почему? А кто его знает. Просто выдумали и все. Наугад! Все же они пацанами еще были, играли в шпионов. Опущу кое-какие подробности, типа убийства конкурента и его помощника – там руку, скорее всего, именно Юра приложил. Потом они наладили связь с итальянцами, и те, приехав, оценили гранит, подтвердив, что он и вправду мирового уровня. Уже никто не узнает, за сколько его продали, но известно, что деньги должен был принять от итальянцев Ворон. Как – не суть важно. Важно, что он просто их прикарманил, взял себе и... исчез. Исчез на полтора десятка лет, даже

больше. А потом приехал в Городок. Зачем, спросите вы? А все очень просто: Ворон привез отступные своим по-дельникам, или если сказать по культурному – настало время возвращения долгов! Вот только на свою беду он столкнулся с Иваном. И Ворон его не узнал, ибо спиртное, принимаемое внутрь немалыми дозами и длительное время, почище пластической операции меняет лик человека. А вот Иван Миль – узнал. Подробности того, как Ворона похитили, как пытали, – мы еще не знаем, но скоро узнаем. Вчера Догоняйлу задержали в Москве при попытке вылететь из страны и сейчас его этапируют в Городок. Мы нашли ноутбук, на котором есть следы крови – это Иван Миль позарился, забрал его себе, но с Ивана уже не спросишь. Мы нашли место, где пытали Ворона. Там в вагончике кровь. И когда его убили – ты правильно сказал, Иваныч, молотком! – то труп повезли, видимо, на реку. Под лед спустить. Но, выехав на тракт, увидели ту аварию. Было еще темно, на дороге никого... Вот они в машину труп и затолкали, посчитав, что все это схавают. Мы нашли и «ниву», в которой перевозили труп, и капли крови в ней. Мы нашли емкость из-под метилового спирта. Ее Ивану Милю дал, скорее всего, Юрий. И все деньги забрал себе.

Некоторое время все молчали, вяло поедая шашлыки. Потом снова налили и кто-то спросил:

– А я не понимаю, почему Анна Середа все про Ворона да про Ворона говорила?

– А кто это может сказать? – подумав, ответил доктор Огурцов. – Что мы знаем о тайнах глубинной психики? Скорее всего, она на секунду вынырнула из забвения в тот момент, когда труп заталкивали в машину. Вот и услышала эту фамилию – Ворон. Она и запала в подсознание, а потому все повторяла и повторяла ее – то есть именно она назвала имя убитого и тем самым подтолкнула следствие на правильный путь. Так что не забудьте отметить ее за-

слуги в раскрытии этого преступления – ну что, еще по одной? – спросил Огурцов и вдруг хлопнул себя по лбу:

– Да, а что с автотехнической экспертизой? Готова?

– Да... – ответил начальник полиции Гарькавый, – там лопнула тяга рулевого управления. Заводской брак. – И, сказав: – За здоровье всех присутствующих! – выпил.

После этого раздались характерные звуки сталкивающихся бокалов, довольные вздохи выдохи и усевшись, дружно взялись за шашлыки. Но через пару минут в кармане у Калмановича заиграла мелодия из «Ликвидации»...

– Начальство, – добродушно сказал он, вытаскивая мобильник из кармана, – да, да, сейчас, – и, сунув телефон в карман, бросил: – Сейчас приду. Начальство хочет посоветоваться, зовут к стационарному телефону, – и, улыбнувшись, вышел.

Советовались они долго и гости уже стали роптать, ибо подошло время «повторить», а без хозяина это как-то это не принято было делать

– Щас я его, – сказал Валентин и встал, но дверь открылась и вошел Калманович. При виде его все примолкли, даже доктор Огурцов. Лицо руководителя межрайонного СК было неузнаваемым и от прежнего, благодушно-довольного выражения ничего не осталось. Он молча прошел к столу и налив полный фужер коньяку, выпил одним залпом. Посидев пару секунд, он, обведя глазами собравшихся, тусклым голосом сказал:

– Вчера в Москве задержали Догоняйлу...

– Так мы об этом знаем, – начал было Артем, но руководитель цыкнул на него и закончил:

– ...а сегодня – отпустили. Его алиби подтвердил... Сергей Ворон, подданный Ее Величества королевы Великобритании. Они вместе улетали в Москву. Вот так!

Глава 4

Несколько секунд все молчали, переваривая столь неожиданное известие. Обстановку разрядил доктор Огурцов. Отложив шашлык, он внезапно засмеялся и проговорил:

– Ну и картинка! Все как у Гоголя: Господа, к нам едет Ревизор!

– Ну и чего ты ржешь, Дмитрий Иванович? С тебя-то взятки гладки, ты ушел и забыл обо всем. А вот к нам точно приедут ревизоры... в полковничьих погонах и такую ревизию устроят, что... – Валентин, не закончив фразу махнул рукой и глянув на руководителя, спросил:

– А подробности есть?

– Какие там подробности? Если коротко, то дело было так: утром Миль сообщил о Вороне и Юра решил с ним разобраться, Но не успели они выйти из дома, как Ворон сам подкатил к дому Юры. После получасовой ругани, стучания кулаками в грудь и разрыванием до пупа рубашки, Ворон сообщил, что привез деньги – два миллиона долларов, но они хранятся в банковской ячейке в Москве. Ворон отдал Догоняйле доверенность на пользование ячейкой, но тогда решили, что надо лететь вдвоем. И они улетели, а Миль остался. Так что алиби у Догоняйлы и у Ворона – стопроцентное, потому, что самолет уже в 19 с копейками был в воздухе.

Некоторое время все молчали, потом кто-то из следователей растерянно спросил:

– Да, ладно вам – улетели! А кто же был в гостинице тем вечером? Кого опознала дежурная в гостинице? Ведь Ворона? И из гостиницы он выходил в 21 час? Это куда деть? А по вашим словам он в это время уже над Уралом пролетал? И чей, тогда труп, был обнаружен возле машины Середы? И почему решили что он – Ворон?

– Вот в том то и дело! Ни кто убит, ни кто убил – неиз-

вестно. А поэтому итог нашей работы – возвращение к истокам, к началу – когда нашли труп и Анну Середу без сознания... Кстати, как ее дела? – глянув на Огурцова, спросил Калманович.

– Дела? Да нормальные у нее дела. Из реанимации перевели в хирургию. Все по плану, поправляется.

Капитан Куров почти никогда не ходил из дома на работу по дороге, никогда не ездил на автобусе. Он всегда шел напрямик. Сначала по тропке через березовую рощу, затем по продуваемым всеми ветрами пологому каменистому склону горы. Дальше его путь пролегал через пешеходный мосток, что шел по верхнему краю плотины. Там, капитан почти всегда останавливался то на минутку, а то и на полчаса. Он любил здесь стоять и смотреть вниз, на падающие с трехметровой высоты потоки воды. Там очень хорошо думалось – и о работе и о жизни, обо всем! Вот и сейчас он стоял и глядя на серые весенние воды, вспоминал Ворона – сколько веревочки ни виться, все равно конец будет. Уж сильно много он горя принес тогда, в 90-е! А сколько он убил, скольких разорил? Вот пусть теперь полежит в сырой земле и подумает. Мысли в голове капитана как-то прыгали с одной на другую – сегодня ему почему-то не думалось. И он пошел дальше. На окраинной улице он пошел по обочине и через пяток минут рядом затормозила машина и, оглянувшись, он увидел районного судмедэксперта Огурцова:

– Я в Комитет еду... садись, довезу. Милиция... тьфу ты, – полиция-то рядом!

Капитан секундочку подумал и сел – ему сегодня не понравилось, как падала вода и поэтому дальше идти не хотелось и еще, он знал, что день сегодня будет нехороший!

Когда поехали, Куров спросил:

– А вы-то зачем в Комитет? Ведь суббота, выходной.

– А там привези Ворона и надо его осмотреть...

– Постойте, доктор! Какого Ворона? Куда привезли? – удивленно и даже встревоженно спросил капитан, всем телом развернувшись к эксперту, – его ж убили и похоронили...

– Да в Москве задержали Догоняйлу, а с ним был Ворон.

– Не может быть... я же сам его... мертвым видел... – растерянно проговорил капитан.

– Вот и мы вчера тоже удивились! Причем удивились – это мягко сказано, – произнес Огурцов, и после этого оба замолчали. У здания полиции, капитан, коротко поблагодарив Огурцова, ушел, а еще через пяток минут и Огурцов уже парковал машину у здания комитета. Пройдя по длинному коридору, он зашел в кабинет руководителя

– Ну, что, – спросил Калманович, увидев доктора, – получилось?

– Так точно, товарищ подполковник! Ваше задание выполнено. Информация доведена до объекта К., – шутовски ответил Огурцов и, сев на диван, спросил:

– И еще мне показалось, что Куров... как минимум причастен к убийству, – и пояснил почему. – А что у вас?

– Ночь не спали, – с довольным видом ответил он, но зато теперь знаем, кто убитый.

– Что, Ворон накаркал? И чье же имя он прокаркал?

– Чуть попозже. Валентин подойдет...

– А вот кто убийца, еще не знаю, – сказал Калманович, протягивая кружку Огурцову. Тот, взяв ее, недовольно сказал:

– Ты ж знаешь, я кофе не пью.

– Ничего, мы же у тебя давимся твоими чифирями, а ты у нас кофеом отравись.

Пока они пили кофе, из душа пришел Валентин и тоже припал к напитку. Глотнув пару раз, он сказал:

– Когда в 1995 году Ворон уехал, он оказался в Швей-

царии. Именно там находился банк, где на счету лежали деньги за проданный гранит. И было их порядка пяти миллионов. И что интересно, Ворон их, по сути, и не зажил. Просто ему подвернулась возможность удачно вложить их в дело. Что самое удивительное, его никто не «кинул». Он тогда заработал еще миллион. И так пошло-поехало. У него объявилась хорошая предпринимательская жилка. Он богател, хотя в голове – как он утверждает! – у него всегда были мысли, что вернется и отдаст долг. Вот только еще одно дело проверну, – думал он, – потом еще и это дельце, потом и то... Так незаметно пролетело пятнадцать лет и, наконец, он решил отдать долги. Честно отдать, и прилетел в Москву. В Сбербанке приобрел ячейку, куда и вложил два миллиона, а у нотариуса оформил доверенность на имя Догоняйлы, и тут случилось... случайность, которая, по сути, спасла ему жизнь – Валентин поставил пустую кружку и, пройдясь по просторному кабинету, рассказал:

– Когда мистер Ворон вернулся из банка в свою гостиницу – не самую фешенебельную, надо сказать! – сидящая в холле женщина заорала, показывая на Ворона, что якобы это он украл и убежал, задерживайте его! Недоразумение быстро разъяснилось, перед Вороном извинились, а на следующий день задержали того воришку. Он внешне оказался очень похож на Ворона – в смысле, на человека, а не на пернатую тварь, – поправился Валентин!

– Это еще неизвестно, кто из них тварь – Ворон или... ворона? По-моему... – встрял Огурцов, но Валентин улыбувшись, продолжил:

– И вот тогда у Ворона мелькнула ослепительная идея!.. – но тут Валентин снова прервал рассказ, потому что пришел начальник полиции Гарькавый.

Поздоровавшись, он сказал:

– Двоим возможным фигурантам, информация донесена. Будем ждать реакции...

– Ну, так вот, – продолжил Валентин, – это был двойник Ворона. Строго говоря, и не двойник, но похожий на Ворона человек, очень похожий. Я не буду отвлекаться на побочные детали, рассказывать, как Ворон освободил во-ришку-двойника, но думаю, все и так поймут: миллионер... деньги... пострадавшая пенсионерка. Он исходил из того, что за полтора десятка лет его все позабыли, а наличие двойника даст ему возможность для маневра – мало ли что? Двойник – мы его Дубль назвали – поселился в самую лучшую гостиницу, а Ворон – в захолустную. Поселившись, Дубль стал светиться в общественных заведениях и выспрашивать про Догоняйлу.

– А зачем? – спросил Доктор. – Ну, приехал бы...

– Ворон привык быть осторожным и захотел составить мнение о своих бывших друзьях, как говорится, из независимых источников. Приехал и составил. Кстати, кого из двоих Воронов видел Миль, мы уже никогда не узнаем. Но вот то, что Дубля увидел еще и Некто – это точно. Увидел и решил поквитаться. Мы сегодня всю ночь вычисляли тех, кто и хотел бы, и мог бы посчитаться с Вороном. Таких оказалось пять человек...

– И один из них Куров? – спросил Огурцов.

– Да, как ни прискорбно, он – сотрудник правоохранительных органов, – ответил Гарькавый и, помолчав, сказал задумчиво:

– Вот только доказательств-то нет!

– Да-а-а, – протянул Калманович, – в городах ставят видеорегистраторы, а в нашей дыре...

– Стойте, – прерывая полковника, вскочил Огурцов, – надо срочно выяснить, кто в тот вечер дежурил в гостинице, всех, имею в виду, а не только дежурную.

– Ну, выясним, это не проблема и что? – чуточку брюзгливо спросил руководитель Комитета.

– Выясняй! Если там дежурила медсестра Елена Маргацкая...

Около десяти минут Калманович звонил по нескольким номерам и потом сказал:

– Маргацкая! И что? – глядя на доктора, повторил он свой вопрос.

– А то! Елена в свою смену носит видеорегистратор и держит его включенным. С ней пару лет назад случился один эксцесс, и тогда она не смогла доказать свою непричастность к... а, впрочем, сейчас речь не о том! Едем срочно к ней.

Глава 5

Когда уехали за камерой, Огурцова ненавязчиво и вежливо выставили, сказав: – Слушай, Иваныч а не пора ли тебе домой валить, а? Мы уж здесь сами, как-нибудь, – и Огурцов отбыл, ибо все эти разборки ему уже надоели, да и супруга пару раз звонила, «вежливо» напоминая о том, что сегодня суббота и что он... – ну, вы сами понимаете, что она говорила, да? Остаток дня пробежал незаметно, никаких новостей не поступало. И только когда он собрался баиньки, в дверь позвонили. Это был Антон Калманович: серый и шатающийся от усталости, от чего вид его напоминал слегка поддатенького человека.

– Иваныч, не могу ехать, засыпаю, налей крепкого, крепкого чая... да я дальше поеду.

Огурцов провел его на кухню и поставил чайник, приготовил заварку, достал какие-то травы: – Может, останешься, поспишь?

– Нет, нет... домой. Две ночи не спал, – и, сделав несколько резких движений, сказал:

– В общем, видео мы нашли, но хренового качества: человек, который встретил у гостиницы лже-Ворона, в кадр попал лишь однажды, когда усаживал в «ниву» этого самого лже... Придется запись посылать криминалистам, на компьютерную обработку.

– А что? Качество дрянь?

– Да нет, просто достоверно сказать, кто усаживает в машину Дубля – невозможно. По фигуре, движениям – это капитан Куров. Разглядели номер машины, но это тоже тупик! Этот номер пропал пару лет назад с машины, стоящей на штрафплощадке после аварии. Но, вот, что интересно...

– О, спасибо, – принимая исходящую паром большую кружку с чаем, Антон, погрузив у нее свой нос, шумно отхлебнул: – Благостно, – сказал он, отпив несколько глотков, – но, что самое интересное, «Капитану» помогал еще один человек – это женщина!

– О как, – удивился Огурцов, – Она что, в коротюсенькой юбчонке там прыгала?

– Да нет, не в юбчонке... К сожалению! Они оба были в темных и широких одеждах. Просто, когда они затолкали Дубля в машину, она сначала сняла шапочку, и мы увидели – блондинка с довольно длинными волосами. А потом женщина села сзади, они уехали.

– И... кто она такая тоже не видно?

– Нет, она ни разу лицо в сторону окна гостиницы не повернула, – Антон помолчал, прихлебывая из кружки и нехотя сказал: – Мы условно решили, что убийца – капитан Куров, и поэтому в поисках мотивов прошлись по его прошлому: а не было ли у него пересечений с Вороном в те далекие 1990-е, и выяснили любопытную деталь.

Оказывается, именно отец Курова работал директором каменного карьера, который в 1995 году выкупали Ворон с Догоняйло. У них только фамилии были разные. И отец Курова был против передачи карьера в частные руки, у него были шансы эту сделку... короче от его слова, вернее подписи, многое зависело...

– ...и его сбила машина, – сказал Огурцов, – я это помню, я же его и вскрывал.

– Да, сбила. В самый подходящий момент сбила. Но

ты, наверное, не знаешь, что одновременно с отцом Курова получил тяжеленную травму и отец Анны Середы?

– Нет, не знал, а почему...

– А потому, что отца Анны сразу же увезли в областную реанимацию, и умер он только через неделю в городе.

– А Анна блондинка, – задумчиво сказал Огурцов. – Да ну! Не может быть! – немного подумав, добавил он. – Сколько ей тогда было?

– Она 1980 года, значит... Слушай! – внезапно хлопнул себя по лбу Калманович, – ведь это случилось 12 августа 1995 года! А это день рождения Анны! Я только что врубился!!! Она ведь никогда не празднует свой день рождения! Она нам так и сказала однажды: «У меня нет дня рождения!»

– Ну, дела-а-а, – протянул Огурцов, вытаскивая их холодильника бутылку с чем-то темно-коричневым: – Ты не думай, это не кофе, тебе поэтому не предлагаю, тебе еще за руль.

– Ну, ты в своем репертуаре, Иваныч! Спасибо, что предупредил. А то я уж кинулся, так и подумал, тупой, что кофе от меня в холодильник прячет!

– И что теперь будет? – наливая стопочку, спросил Огурцов.

– Да хреново будет! Начальство, журналисты... И мне и Гарькавому... Могут и снять!

Вскоре, допив крепчайший чай и заметно взбодрившись, Антон засобирался. Огурцов пошел вниз проводить. Когда подошли к машине, Огурцов сказал:

– Ну, ладно, предположим месть как мотив – прокатывает, но не забывай, что похитили-то миллионера, они ведь не знали, что это дубль – и для чего-то в вагончик увезли – ты сам это говорил! Что они там делали? Издевались? Но следов пыток нет на нем. Морально уничтожали? А может, приставив нож к горлу, трясли с миллионщика заодно и деньги? Прежде чем молотком отоварить по башке, а?

– Кристально мыслишь, товарищ судмедэксперт! Это мы тоже обмозгуем. Во вторник или среду приедут Ворон с Догоняйлой, они теперь лучшие друзья, и мы на эту тему их поспрашиваем... – и сев в машину, уехал.

Капитан Роман Куров сидел в своем маленьком кабинете за совершенно пустым и идеально чистым столом. Сидел и ничего не делал. И это было непривычно! Никто не прибегал за советом, никто не давал никаких поручений, да и к начальству каждые полчаса не звали, как это всегда бывало, не дергали и по другим делам. И еще! Он заметил, что сотрудники вроде и здороваются, но смотрят как бы мимо капитана, сквозь него... Или странно скользят взглядом. Он, в который уже раз подумал: «Неужели всплыло что-то... Ведь сказал же Огурцов, что убит вовсе не Ворон! У него хватило ума не пытаться выяснять об этом. Оно вроде бы и ничего серьезного – все ж он опер, но... И опять, глядя на стенку, он подумал – а не пойти ли ему в Комитет и написать явку с повинной? И в который раз подумал, что такое признание – будет означать одно – он раскаивается! Да, но ведь убит случайный человек, не Ворон – зашептал его внутренний голос, но он тут же сказал себе: и в этой смерти Ворон виноват! Он снова, как и в те года загубил человека, подставил вместо себя, отправил на смерть вместо себя возможно невинного человека. Затем снова, уже в тысячный раз, наверное, он прошелся по тому дню, вечеру и ночи и успокоился – он нигде не наследил. У них зацепок нет! Правда, как опытный опер он понимал, что всегда есть нечто, за чем уследить невозможно. Вот взять те же деньги, которые мнимый Ворон якобы перечислил на его карточки. Он в последнюю минуту засомневался и не засветил себя в банке, ибо узнал, что такие суммы, что он обозначил мнимому Ворону в том карьере, перечислить было невозможно. А, значит, и это была ловушка!

И снова капитан вспомнили своего отца. Эх, батя, батя! Ты был коммунистом – настоящим коммунистом, старой закалки и не захотел поступиться своей совестью, не захотел торговать государством, не смог отдать то, что принадлежало народу в частные руки. Он считал, что только государство... но его сбила машина. Насмерть. И Ворон стал хозяином карьера. А теперь... Н-е-ет! Он, капитан Куров, не простил ему своего отца и никогда не простит! Придет время...

И тут его мысли прервал телефонный звонок. Он по привычке схватил трубку служебного, но тут же, чертыхнувшись, аккуратно ее положил и нажал на кнопку мобильного:

– Капитан Куров слушает.

– Слушай, капитан. Меня забудь. Была любовь, ее уж нет и никаких мне дел, – понял я о чем? – не шей! У тебя доказательств нет...

– Ты чего это? Будто иголкой кольнули в известное место!

– Это тебя, идиота кольнули... И именно в то место, которым ты думаешь, то есть в ж... Это же надо таким лопухом оказаться. Ду-у-рак! Никогда ты не станешь майором! И не звони мне больше, – смачно сказала она и ее голос растаял.

Капитан помрачнел еще больше. И она ушла! И момент выбрала умело – он и трепыхнуться не посмеет. Сейчас не посмеет, – усмехнулся капитан. – А может, мне тоже плюнуть на все и тоже смотаться куда подальше? – подумал он. Недаром вода на плотине сегодня плохо текла и неправильно падала. Она ему не понравилась! А она еще ни разу не обманула его. Он встал и, проверив сейф, собрался на выход, но открылась дверь и зашел майор Капустин, его непосредственный начальник:

– Ты что сегодня сидишь один, как в берлоге, – хохотнул майор. – Планы строишь или...

– Да чего-то тишина у нас, вот сижу и жду, гадая: за-тишье перед бурей какое или забыли обо мне?

– Радуйся, дурашка, – опять засмеялся майор, – не ча-сто в нашей работе такое безделье встречается. Вон, наши лейтенанты молодые уже всосали бутылку на троих и, су-дя по настроению, побежали добавлять. Ну, я им в поне-дельник добавлю... бутылкой, – снова коротко хохотнул он, – да так добавлю, что надолго запомнят. Ты домой? – спросил он Курова и, увидев его кивок, сказал: – Ты меня подстрахуй на завтра, лады? А то, не дай Бог, какая кража века случится, а оперов нет. – И пояснил: – в город хочу съездить. Прикроешь часов до четырех дня? я к этому времени должен уже вернуться.

Когда они спускались по лестнице, навстречу попался невзрачный мужичок. Правда вся его невзрачность куда-то пропала, когда он цепко и внимательно глянул на опе-ров:

– Слушай, – спросил Куров, посмотрев вслед незна-комцу, – а чего это оперативники ФСБ уже который день здесь шляются?

– Знаешь, я не в курсе... Ну, почти не в курсе. Здесь еще и служба собственной безопасности СК пашет. Они напрямую к Горькавому заявили. А он прикрепил к ним наших молодых, но уже опытных... Васю и Петю. Еще знаю, что это как-то с той аварией связано, ну, где Ворон... Ну и еще, – сказал Капустин оглядываясь, – вроде все стрелки показывают на Анну Середу, что якобы она замешана. Только т-с-с, – прижал он палец к губам и, пожав капитану руку, сел в машину и укатил.

Капитан Куров немного постоял, задумчиво глядя вслед уходящей машине, и привычным путем, через водо-падик, отправился домой. Что-то он сейчас ему скажет?

Рабочая неделя для доктора Огурцова началась бурно. Экспертных исследований дожидались три очень серьез-

ных «автодорожки», да и побитые за выходные дни граждане тоже наличествовали в немалом количестве. Поэтому, когда доктор Огурцов впервые глянул на часы, время перевалило уже далеко за полдень. И только тогда он вспомнил о том, что обещал сходить и поговорить с Середой.

– Как бывший психиатр, поговори, – попросил Калманович, уезжая от него поздно вечером в субботу, – прокрути еще раз ее состояние и прислушайся к себе, действительно ли у Анны... эта... как ее... ретроградная амнезия – или она... лукавит? А в понедельник поговорим.

И Огурцов обещал. И не сходил! В воскресенье к нему приехали родственники, а когда вечером он все ж пошел, Анна спала. Он тогда решил сделать это прямо с утра в понедельник, но понедельник начался бурно... Огурцов стал лихорадочно снимать халат, переобуваться – надо сделать то, что обещал! – но зазвонил телефон. Он глянул на экранчик – Калманович! – и только открыл рот, сказать что он, но Антон его перебил;

– Это потом! Срочно приезжай, дело есть. Неотложное.

Когда он подъехал к зданию Комитета, увидел стоящий напротив входа роскошный, новенький «лексус». В салоне кто-то сидел, но кто, видно не было – тонировка мешала. Длинный коридор Комитета был пустой, а дверь в кабинет руководителя была открыта. Вопреки ожиданиям. Калманович не трудился в поте лица, а сидел и довольно безразлично смотрел в окно.

– И что случилось такое важное, что...

– Ну, во-первых, капитан Куров неожиданно написал рапорт об увольнении. Мало того, он отказался от прохождения обязательной медкомиссии и с завтрашнего дня он уже не работает. А, во-вторых, я и сам думаю о том же – то ли и мне рапорт начальству забабахать, то ли ждать когда меня выгонят...

– С чего вдруг?

– С чего? А с того! Ты же знаешь, что всю неделю у нас работали оперативники из нашей службы безопасности и двое оперов из ФСБ – в деле иностранец фигурирует. Так вот, к сегодняшнему утру, они кое-что нарыли, а именно нашли свидетеля – дедушку, которого черт вынес на улицу еще в пять утра.

– И что? – спросил нетерпеливо Огурцов. – Мало ли...

– Этот дед живет на выезде из Городка, там, где начинается дорога в Перовский район. Так вот, он видел, как сразу после пяти утра в сторону Перово прошла иномарка и назвал ее номера.

– И?..

– И это номера машины Середы.

– Ну и что такого? Она сама сказала, что поехала как раз в это время...

– ...а около шести со стороны Перово въехала машина, дед сначала подумал что это «нива», но потом разглядел, Это был черный «корандо»! И номер у него такой – и он протянул бумажку Огурцову. – Не знакомы тебе эти цифирки? – спросил Антон.

– Цифры незнакомы, – ответил Огурцов, – а вот машина? Такая же у твоей Ольги Косовой, вернее, у ее мужа, Ивана.

– Правильно! Есть у мужа Ольги Косовой такой джипер. Так вот, этот глазастый дед – я читал его показания! – рассказал, что машина остановилась у водоклонки, водитель пошел руки мыть. Следом вылезла женщина невысокого роста, яркая блондинка и тоже сполоснула руки. Кто бы это мог быть, как думаешь?

– Да, ну... подозревать Ольгу Косову – это все равно что... – сказал доктор и махнул рукой, – а вот, кстати: в это время – 5-6 часов утра еще темень стоит. Как же дед разглядел и блондинку, и номера?

– Там же два магазина через дорогу, забыл? Дед за ними по ночам приглядывает, там всегда свет горит. Так что

понимаешь теперь; в коллективе следователей нашего отделения уже двое на подозрении. И в чем? В убийстве. Как думаешь – после такого оставят работать? Или...

– Или, или... что ты расплакался? Работай. Нужно еще доказать их причастность: подумаешь, въехали? Это ничего не значит, Мало ли кто и куда въезжает! Нечего раскидывать... – и пройдясь по кабинету, продолжил: – Итак, есть уже две блондинки, которые могут быть причастны к убийству. Но я в это не верю, потому что все доказательства, вернее даже не доказательства, а предположения – носят чисто умозрительный характер и ни на чем не основаны.

– Но ты не понимаешь, Иваныч – это «первоначальное накопление капитала», как у нас говорят, А потом начнут мотать дальше.

– Короче все остается по-старому: был бы человек, а статья найдется. Так?

– Нет, не так, – начал было Калманович, но его перебили громкие, женские крики и изощренный мужской мат, раздающийся с улицы. Когда Огурцов с Калмановичем выбежали в коридор, увидели что женщина – блондинка, отметил Огурцов, со всех сил держит дверь, но, поддаваясь грубому напору снаружи, дверь приоткрылась, мелькнул мужской кулак и крик резко оборвался. Женщина повалилась спиной на пол и замерла. Когда они подбежали, судмедэксперт Огурцов увидел на лице женщины кровь и наливающийся синевой кровоподтек под глазом. В это время снова открылась дверь и вбежавший мужчина, не переставая сыпать матом, сильно пнул лежащую женщину, однако подбежавший охранник и руководитель СК умело завернули грубияну руки и уложили его на пол, рядом с женщиной.

– Кто это... что это было? – ошарашенно спросил Огурцов.

– А это прибыли на допрос дружные и любящие друг друга муж и жена Догоняйло!

Мужчина, лежащий на полу с завернутыми руками, дернулся, было и, взревев, снова выдал такой залп нецензурщины, характеризующий их дружную семью, жену и всю ее родню, что даже Калманович слегка смутился и крикнул охраннику:

– Хватит, вызывай наряд! Посидит суток десять, авось остынет – Иваныч, что с ней?

– Да, по-моему, все в порядке. Они уже глазыньки открыли, лежат, моргают, – сказал Огурцов, помогая ей подняться с пола. Но когда он повел ее показывать, где находится туалет, женщина стала снова заваливаться и, если бы не Огурцов, – снова бы упала. В итоге – ее увезли в больницу.

Глава 6

В этот день больше ничего не произошло, а на следующий доктору Огурцову снова было не до полицейских дел. Своих, экспертных было с головой. И только часа в четыре приехали на черном «корандо» Калманович с Бабуриным, за рулем сидел Иван. Когда оба следователя вылезли, Антон командным тоном приказал заехать ему через час, и Иван укатил, вид его был весьма виноватым и даже подобострастным. А ведь доктор Огурцов знал его как весьма строптивного и уверенного в себе человека.

– И на чем вы его подловили? Или скажем так – что он сделал?

– Так в том-то и дело что он ничего не сделал. И благодарен нам за это, – улыбнулся Валентин. Потом, посерьезнев, сказал:

– Просто у него есть твердое алиби, а та блондинка, что с ним умывалась у колонки, была вовсе не его жена, не Ольга. Ты уж извини, но кто она такая пока не скажем! Обещали. Низзя!!

– А-а-а, – с понимающим видом сказал доктор, – пре-

любодеи! Так вот почему он так лебезит! П-о-нятно, – протянул Огурцов.

– Да-с, они самые. Ольга, конечно, не знает и не узнает.

Таким образом, осталась одна блондинка, Анна! – спросил Огурцов.

– Получается что так, – сказал Валентин. – У нас еще были виды на жену Догоняйлы, – кстати, она по своим размерам, – если можно так сказать! – больше всех походит на ту, что посадила в машину лже-Ворона. Мы вчера долго разговаривали с новоиспеченным миллионером, и в ответ на то, что мы не стали его привлекать за хулиганство, рассказал, почему у них пошла вражда, – сказал Валентин и закашлялся, хватив рюмку чего-то прозрачного...

– Ты что, решил угробить меня, Иваныч – я ж просил спирт развести!

– Привыкай, – ответил Антон, выпив то же самое и шумно подышав, продолжил:

– В то утро, когда Миль пришел и сказал про Ворона, это подслушала Догоняйлина жена. У нее нюх на тайны – о-го-го, какой, да и нос не в свое дело сунуть – это ее хлебом не корми! Юра ее утром отвез на работу, но она, быстро схватив такси, приехала следом и подслушала их разговор... И настучала об этом... кому ты думаешь?

– А что тут думать-то? Курову, скорее всего!

– Правильно! Она была с ним на связи уже давненько, еще до замужества...

– То есть она и есть та блондинка? – азартно спросил Огурцов.

– Увы, нет. Она с ним имела какие-то отношения, потому что он когда-то спас ее от тюряги за махинации в столовой. И она все эти годы постукивала ему. Но когда она сказала про Ворона, Куров решил его похитить и рассудил так, что такой богатея, как Ворон, будет естественно жить в лучшей гостинице, и именно там он нашел лже-Ворона. А Миль повез дружка в захолустную, где и жил

настоящий миллионер. Вот так одному Ворону опять повезло, а двойнику – нет!

– И вы твердо уверены, что Куров с женой Догоняйлы... кстати, как ее звать?

– Марго! Но, увы – для нас, увы, не для нее! – это не она. Она только Курову сообщила и все. По ее словам, она сообщила потому, что знала, как он хотел увидеть Ворона. Знала и про его отца, но понятия не имела, что он хотел его убить. И она в ту ночь у матери ночевала, потому что боялась одна в своем большом доме оставаться – Юрка-то улетел. И свидетели, подтвердившие ее алиби, – железобетонные.

– Так что? Остается Анна?

– Может, и она, но она согласна пройти детектор лжи. Легко и без колебаний согласилась, Вот завтра приедет Ворон, Ворон кое-что расскажет. И тогда, я думаю, задержим Курова. Хотя улики против него слабоваты, надо прямо сказать, – озабоченно проговорил Калманович, после чего они уехали.

Роман Куров поднялся совсем тихо, стараясь не потревожить жену. Собрал одежду и на цыпочках пошел на выход, но Катя все равно проснулась:

– Ты куда в такую рань, – приподняв голову, спросила она.

– Да по делам... надо пораньше... кое-что сделать.

– Завтрак...

– Хорошо, хорошо, – ответил он и вышел из спальни, тихонько притворив дверь. Пройдя в ванную, залез под душ: горячий... прохладный... холодный. Затем докрасна растерся полотенцем и глянул в зеркало – надо ли бриться? Однако вид его был вполне, вид был ничего, щетина была незаметна. Он потрогал свое фирменное родимое пятно на щеке – идеально круглое и ровно в один сантиметр в диаметре. Такое было у него, у бати, было оно и у

деда, которого он, Роман Куров, никогда не видел, ибо тот погиб 9 мая 1945 года в Берлине. Вздохнув, он еще раз оглядел лицо: то ли что-то выглядывая на нем, то ли советовался с самим собой. И вдруг вслух прочел:

*Холмы – это вечная слава.
Ставят всегда напоказ
на наши страданья право.
Холмы – это выше нас.
Всегда видны их вершины,
видны средь кромешной тьмы²...*

... и сам искренне удивился! Откуда они всплыли в памяти? С чего вдруг – капитан не знал. Но тут же вспомнил, что племянница, гостившая у них прошлым летом, – своих-то детей Куровым Бог не дал! – все лето ходила по их большой квартире и читала вслух разные стихи. Капитан сильно удивился – почему он запомнил их? Горестно вздохнул, подумав: а ведь сейчас он сам спустится на равнину со своих холмов и... Смерть это только равнины, жизнь – холмы, холмы!

Надо бы узнать, кто их написал, подумалось ему. Выйдя на улицу, он двинулся по старой тропке, через речку, через водопад, так было и привычнее, и быстрее. Подойдя к плотине, он по мостику дошел до водопада и остановился, глядя вниз, туда, где бушевала набирающая весеннюю силу вода. Потом он вытащил маленький и плоский сверточек и бережно развернул его. Это были погоны. Его погоны, каждый с четырьмя звездочками. Он подержал их в руках, разглядывая со всех сторон, огладил и ошупал каждую из звездочек и потом разжал пальцы. Погоны завертелись, улетаая вниз, и навсегда канули в мутной, холодной весенней воде. Еще секунду постояв, он резко развернулся и решительно пошел в Городок.

² Фрагмент стихотворения Иосифа Бродского «Холмы».

А в это же время доктор Огурцов вышел из дома и отправился на работу. Ему хотелось сделать неотложную работу и хоть краешком глаза глянуть на живого долларового миллионера – такая вот детская мысль закралась в его голову еще с вечера. А руководитель Следственного комитета Калманович в это время только проснулся и лежал, думая о Вороне и о том, как правильно построить его допрос. А вот травмированная Анна Серeda не спала, потому что наложенное скелетное вытяжение сбилося и дежурный врач, осмотрев ее среди ночи, вызвал хирурга, и в это самое время они ее везли в операционную. И только Валентин Бабурин ни о чем не думал – он, вечная засоня – спал и видел сон о том, как... ну, об этом не будем, это его личное дело.

Судмедэксперт неотложные дела сделал довольно быстро и через пару часов уже подъезжал к Комитету, у входа в который стоял черный «ленд ровер».

«Значит, Ворон прилетел, и я успел», подумалось ему. Припарковав свой «шевроле-авео» рядом с заграничным монстром, доктор заглушил двигатель и прошел в приемную руководителя. Сев на стул, он из полуоткрытой двери слышал последние слова Ворона:

– ...и когда вы выясните, на чье имя зарегистрированы карточки, куда мой невезучий двойник якобы перечислял деньги, вы получите убойную улику... ну, вот и все, где подписать?

Антон что-то ответил, и доктор снова услышал голос Ворона:

– ...записано верно... прочитано... ну вот и подписал... – и тут же открылась дверь и вышел Ворон. Он почти не изменился и был вполне узнаваем. Проходя, он глянул на Огурцова, сказав:

– Здравствуйте, доктор! – и, улыбнувшись, пошел по коридору. Антон, вышедший следом, на пару секунд задержался у секретарши, что-то сказал ей, поздоровался с

экспертом и не более чем через пять секунд вышел вслед за Вороном. И тут же раздались глухие щелчки. Не сразу поняв, что это выстрелы, доктор все же выскочил в коридор и отшатнулся, потому что рядом с его головой в деревянный косяк двери что-то грохнуло и его щеку обожгло щепкой. Схватившись рукой за ушибленное место, он глянул вперед. Там он увидел то, что на долгие годы отпечаталось в его голове: Антон Калманович, опустившись на одно колено, держал в руке пистолет, направленный в открытую дверь. Потом пистолет дернулся... раз... другой и одновременно раздались щелчки, а на улице, метрах в десяти от входа, стал падать на спину человек. А на пороге уже лежал тот, кто только что прошел мимо, – бывший гражданин Советского Союза, России и даже Великобритании, ставший в одночасье никем, ставший просто трупом, фамилия которого еще совсем недавно была Ворон!

Глава 7

История эта наделала много шума и, выплеснувшись на экраны центрального телевидения, едва не привела к международному скандалу. В Городок нагрянуло ФСБ и трудилось, не покладая рук, в поте лица, выявляя... Правда то, что они выявляли и выявили ли, для широких слоев общественности осталось неизвестным. Кроме того, Городок трясли и представители Следственного комитета из самой Москвы. Итоги этой тряски до этих самых широких слоев общественности тоже не донесли. А еще консул Ея Величества Королевы почтил своим присутствием – на целых два часа почтил! – наш захолустный сибирский городок. Правда, консула мало кто видел, ибо здоровенные хлопцы, охраняющие приближенную к телу персону, не подпустили к ней даже мэра Городка, на что тот смертельно обиделся и «всю ночь со среды на субботу» заливал обиду «легкими спиртными напитками». Когда же

страсти немного поутихли и все вернулось в привычное русло, стало известно, что дело об убийстве гражданина Ворона передали в ФСБ, объединив его с делом об убийстве лже-Ворона. Убийца же – бывший сотрудник полиции Р. К. Куров выздоровел, так как пуля из пистолета Калмановича попала в ногу, раздробив коленный сустав. Лечили его в закрытой больнице для спецконтингента. После его излечения, начались активные следственные действия, длившиеся очень недолго, ибо когда следователи ФСБ, потирая руки, кинулись изымать банковские карточки и предъявлять их как главную улику, оказалось, что открыты они были давно и совсем на другие фамилии, а потому привязать их к Курову было невозможно. После этого дело об убийстве лже-Ворона выделили в отдельное производство и оно плавно вернулось на «дослед» в подразделение подполковника Калмановича. А какому, извините, начальству нужен явный «висяк»? Курову светил червонец, а то и больше, и все дело шло к триумфу правосудия, но он – триумф – так и не настал. Бывший капитан уголовного розыска внезапно умер в камере. Как говорили, от острого инфаркта миокарда. Судмедэксперт Огурцов к исследованию трупа отношения не имел, ибо экспертиза тела проводилась в Областном бюро судебно-медицинской экспертизы.

Женщину-блондинку так и не нашли. Следователь Середа пролежала в больнице чуть не три месяца – перелом срастался очень плохо. После выписки она прошла тест на «детекторе лжи». Его результат так же остался неизвестен, но, коль она приступила к работе, то видимо, все было в порядке. Вот только доктор Огурцов знал, что у человека, перенесшего тяжеленную черепно-мозговую травму, – он всегда недостоверен. Особенно вскоре после травмы.

Примерно через месяц после выписки, Анна приступила к работе и по делам пришла в отделение Огурцова. Там, обговорив кое-какие экспертные дела, они сели поболтать.

Вот тогда он и обратил внимание на далеко не цветущий вид Анны:

– Болеешь еще, что ли? – спросил он, разливая чай.

Анна немного засмушалась и, чуточку поколебавшись, сказала:

– Ты – врач и надеюсь: все между нами останется? – и, увидев кивок доктора, продолжила: – Понимаешь, Дима, у меня уже четырехмесячная беременность...

Доктор быстро мысленно посчитал и спросил:

– Надеюсь, вы с мужем ребенка еще перед аварией со-стряпали, а не после? Не в больнице же? Не тогда же, когда ты про Ворона бредила? – с некоторым удивлением спросил доктор.

– Да ну, скажешь тоже. Последний раз у нас это было месяца за полтора до аварии. Он на учебе же был, помнишь? И приехал, когда я уже в реанимации отдыхала.

– То есть ты с кем-то...

– Ты что, с ума сошел? Не была я ни с кем...

– А что тогда? Ветром надуло?

Анна некоторое время молчала, а потом неохотно ответила:

– Ты знаешь, я понятия не имею о том, как я забеременела. Остается думать, что кто-то в больнице... когда я была без сознания...

Вот примерно такой разговор состоялся у судмедэксперта Огурцова и следователя Анны Середы, перенесшей совсем недавно тяжеленную травму. Вскоре Анна ушла в декретный отпуск и в положенный срок родила мальчика. Младенца доктор Огурцов увидел, когда тому был уже месяц. Вернувшись домой после вечеринки, он долго вспоминал странное родимое пятно на щеке мальчика. Такое же – или очень похожее – он видел еще у кого-то! Вот только у кого. У кого?

А потом он вспомнил! И после этой догадки, озарившей голову доктора ранним утром, его целый день трясла

нервная дрожь, закончившаяся только к вечеру, да и то, после принятия «лекарства». Правда, доза для прекращения нервной тряски потребовалась повышенная. И все равно; с тех пор его не покидает одна мысль: «Неужели это все-таки Анна? Неужели это она...» А еще он ждет: кто следующий догадается про родимое пятно, ибо он рассказать о своих догадках не может – *medicinae secretum!*

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ...

Что ты значишь, скучный шепот?
Что тревожишь ты меня?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня...

Александр Пушкин

Доктор Огурцов отошел от окна, на половину затянутого тонким и замысловатым рисунком изморози, протянул пустую кружку лаборантке и сказал, показывая пальцем в окно:

– А все-таки какой эффект, а? Раньше в 35-градусные морозы и стоять-то здесь было холодновато, а теперь... Вон, даже и холодом-то особо не тянет, – и доктор любовно погладил пластиковую ручку.

– Леночка, мне полкружки, не больше... и сахару не надо! Да, да – совсем не надо.

Взяв просимое, доктор Огурцов отхлебнул полглоточка и снова вспомнил, сколько нервов и времени он затратил летом, чтобы добиться установки этих окон. Потом, устроившись у компьютерного столика, довольно сказал:

– Ну что, коллефтифчик, сегодня, похоже, отдыхаем? В морге никого, посетителей с подбитыми глазами и набитыми мордами тоже не видать, акты и заключения все закончены...

– Еще два акта осталось со вчерашнего дня, – строго сказала медрегистратор.

– Ну, два, это не... три! – улыбнулся Дмитрий Иванович. – К концу дня осилим.

– Ага, осилите, как же, – сказала стоящая у окна лаборантка, – вон какой-то дедулька идет... с палочкой! Вот вам и первый посетитель. А там, глядишь, и еще подтянутся!

– Злая ты, Евгения Ивановна! Умеешь опошлить бла-

городный порыв коллектива честно посачковать, – с легкой досадой заметил Огурцов, – только размечтались, а она тут как тут: посетитель! посетитель! – а потом, помолчав пару секунд, с надеждой спросил:

– А может, не к нам, а?

Однако буквально тут же стукнула входная дверь, и в облаке морозных клубов в коридор зашел давешний хромой дедулька. Доктор Огурцов вышел в коридор:

– Вы на освидетельствование? Документы, направление...

– Что, Дима, не узнал? – спросил вошедший. Доктор пригляделся и с удивлением воскликнул:

– Господи, Владимир Генрихович... Какими судьбами?

– Узнал, узнал! – слегка заикаясь, хрипловатым тенорком ответил вошедший и, сняв шапку, спросил: – Чайком угостишь?

– Конечно! О чем разговор, – засуетился доктор и, помогая снять шубейку, спросил: – а может, чего покрепче?

– Нет, Дима, я свое уже отпил. Восьмой десяток менял – и, усевшись на диван, взял принесенную лаборанткой кружку, с наслаждением обхватив ее озябшими ладонями.

Это был доктор, раньше работавший в их больнице. Он лет пять назад уехал к дочери и внукам в город, и с тех пор они не виделись. Сегодня Владимир Генрихович Магель впервые приехал в Городок, в больницу, где он отработал более сорока лет. Подождав несколько минут и дав гостю оглядеться. Огурцов спросил:

– Ну, а сюда-то какими судьбами? У вас же здесь вроде никого не осталось.

– Да, никого... Разве что на кладбище! Но туда сейчас не пробраться. Снега все завалили, замели.

Они еще попили горячего черного напитка, потом Огурцов, поднявшись, сказал:

– Я на секунду! – вышел из кабинета и вернулся не че-

рез секунду, конечно, а через минутку. В руке у него была бутылка коньяка:

– Давай, дядя Володя, по капельке, а то как-то непривычно так сидеть, – и в принесенные же рюмочки накапал совсем по чуть-чуть. Выпив, старый доктор спросил:

– Я у тебя посижу с часок, отдохну?..

– Да хоть пять часиков!

– Дождусь машины и назад, в город, к внукам! А ты-то, Дима, как поживаешь? Все трупы режешь?

– Ну, ты, дядя Володя, как будто не видишь? – ответил Огурцов и вдруг замолчал, а потом нерешительно проговорил:

– Все хотел тебя спросить... Еще когда ты работал, хотел...

– Ну, ну, – поощрительно сказал старый доктор, – спрашивай.

– Да, понимаешь, еще в те далекие времена ходили слухи про твою работу в экспертизе, и что у тебя здесь что-то случилось... То ли ты кого-то зарезал, то ли...

– ...меня? – хохотнул старый доктор и тут же, посерьезнев, как-то задумчиво и удивленно пробормотал:

– Надо же?.. Сколько лет прошло, а помнят! А что помнят – никто и не знает толком. А те, кто знал, уж те далече!

Потом Владимир Генрихович хлопнул себя по коленям, покряхтывая, поднялся с диванчика и сказал:

– Ну, что ж, коль «опчество» настаивает... а оно настаивает? – переспросил он и остро глянул на собеседника.

– Ну, можно сказать, и так! Настаивает! С помощью смазки в пять звездочек... настаивает!

Владимир Генрихович мельком глянул на пресловутые звездочки и, махнув рукой, приказал:

– Выкинь-ка ты эту дрянь подальше... звездочки эти... и подай мою сумку.

Из нее он извлек две маленькие бутылочки-«четушки» и, любовно оглядев их, сказал:

– Эта – на кедровых орешках, а эта, – он поставил одну и взял другую, – на горных травах и чесноке настояна. На диком таежном чесноке! – уточнил он.

– Спирт? – спросил Огурцов.

– Еще чего? Сам ты спирт! Самогон натуральный! Двойной перегонки. Ты пробуй, пробуй, – глядя на Огурцова, – нечего вынюхивать...

– Да запах очень приятный, – сказал Огурцов, налив капельку в стаканчик, вдохнул запах и, улыбнувшись, сказал:

– Правда, тайгой пахнет, – и плеснул содержимое в рот. Посидев с закрытыми глазами еще пару секунд, сказал:

– Да, теперь я согласен, коньяк – дрянь, – и, вздохнув, спросил:

– Так кого ты, дядя Володя, зарезал...

Владимир Генрихович задумчиво прошелся по кабинету, постоял у окна и, обернувшись, спросил у Огурцова:

– Что, так и говорят – зарезал?

– Ну, да! Вот недавно слышал, как санитарка в больнице кому-то рассказывала, что давным-давно один врач зарезал другого... В общем, слышала звон, да не знает где он, так?

– Да! – коротко ответил тот. – Значит, надо рассказать... раз до сих пор такие сплетни ходят, хотя особо-то и рассказывать нечего, – и задумчиво произнес, – особенно после 90-х...

– Ну, не тяни кота за... хвост, не начинай с середины.

– Ладно, не буду тянуть бедного котика за... хвост! В общем, была середина 60-х годов, и работали в районной больнице два хирурга. Один заведующий – врач с почти десятилетним стажем, другой салага, отработавший всего-то пару лет. То есть только-только «оперяться» начал. Этим салагой, как ты, Димитрий, понимаешь, был я, – при этих словах рассказчик замолк, потом сладко зажмурился и, глотнув крепкого чая, продолжил:

– Ну, так вот, работали мы дружно, со временем не считались и под руководством заведующего – Цирулькевич его фамилия была! – я быстро набирался опыта, а по-сему всю свою дальнейшую врачебную жизнь связывал, естественно, с хирургией. И все бы ничего, но к нам прислали третьего хирурга. И это было нормально, потому что нагрузка была приличная, и мы втроем проработали еще пару лет. И все было нормально, работали дружно, но Цирулькевич собрался уезжать из нашего городка к себе на родину, и вот тогда-то начались дразги. И все потому, что наш третий хирург захотел стать первым – в смысле, заведующим отделением. И он начал действовать. В частности, бегать по райкомам и райисполкомам, распространять про меня... ну, скажем так, недостоверные слухи. А поскольку он был членом, – Генрихович хохотнул, – партии, а я членом естественно, не был, поэтому к нему во властных структурах прислушивались. И ему, дурачку этакому, было невдомек, что меня должность эта насколько не интересовала! Это было не мое, но он считал, что это не так, что я вру, что меня надо непременно опередить. Ну, он и опередил, стал заведующим. А мне это было до «фонаря». Вот только вся работа в отделении свалилась на меня. Как говорится, пахал сутками, пахал один, потому что Антоша только руководил.

– А тут еще и судебка... – начал, было, рассказчик, но замолчал и, посмотрев на Огурцова, спросил:

– Рассказывать, при чем здесь судебная медицина, или сам знаешь?

– Рассказывай, если не торопишься.

И старый доктор, присев на диванчик, коротко сказал:

– Штатный судмедэксперт Олег Палыч Вербин уволился, но экспертные дела стоять не могут, вот и стали следователи назначать экспертизы по трупам другим врачам. А кому, в первую очередь? Естественно тому, кто тоже «режет» – то есть хирургу. Подписывал я свои заклю-

чения – не судмедэксперт такой-то, а врач-эксперт. И зарплату получал так: за каждый вскрытый труп – пять рублей. Вскрыл десять – получил пятьдесят. Ну и так далее.

Так прошло два года, за которые я порядочно вымотался, устал. Все-таки и вся неотложная хирургия была на мне, да еще следователи постоянно «висели» то с утопленниками, то с убийствами, то еще с какой-нибудь хренью.

– Так что, ваш заведующий вообще не оперировал?

– Нет, почему не оперировал? Оперировал, но как? Через пень-колоду с почти постоянными осложнениями. Впрочем, он был силен как организатор. И хирургического отделения ему показалось мало. И тогда он пришел ко мне. И сказал примерно так:

– Владимир Генрихович, я убедился, что вы камня за пазухой держать не будете, поэтому давайте действовать сообща: вы мне помогаете стать главным врачом, а я вас переведу на должность заведующего поликлиникой. План у меня уже есть, и если вы мне поможете – мы добьемся своей цели. Примерно так – если коротко – он мне сказал.

– Представляю, что ты ему ответил! – улыбнулся Огурцов.

– Да ничего особо-то и не говорил – просто послал его... далеко-далеко, где кочуют туманы... – Старый доктор улыбнулся, вспоминая дела давно минувших дней. – В тот раз, – продолжил он свой рассказ, – Антоша просто ушел, попросив меня не рубить сплеча и хорошенько подумать. А через пару дней все и произошло.

– Что все?

– Все – это и значит все! – улыбнулся Владимир Генрихович, – но он, гад, увернулся от моего ножа и остался жив! Все – не состоялось!

Доктор Огурцов оторопело посмотрел на рассказчика:

– Так значит, это правда... – начал было он, но Генрихович его перебил: – Так Антоша написал в своем заявлении в прокуратуру.

– Фу, ты! – выдохнул Огурцов. – А на самом деле?

– А на самом деле было так: дня через два он пришел в морг, когда я кого-то вскрывал. Он зашел и, встав сзади меня у открытой двери, – благо лето было – снова взялся меня уговаривать, обещать, предлагать...

– ...Короче «по ушам ездить»! Это теперь так называется, – сказал Огурцов, заметив непонимающий взгляд Генриховича.

– По каким ушам – прямо по мозгам! И вот он нудит и нудит – а у меня вскрытие не из простых, мне думать надо. Я ему и так и эдак, а он не уходит, и в какой-то момент я рывкнул на него – типа: отвали, не мешай и пристукнул кулаком по краю секционного стола. А в этом месте как раз лежал большой секционный нож, и рукоятка его выступала за край стола. Вот я и угодил прямо по ней.

– И?.. – с неподдельным интересом спросил Огурцов.

– ...Нож перевернулся и, вращаясь, полетел назад, угодив острием в бедро Антоши, – ответил Генрихович, – вот и весь инцидент. Я, конечно, извинился, кровь остановили, наложили стерильный тампончик – рана-то не глубокая была – и он ушел в хирургию. Было, конечно, неприятно, но ничего страшного не произошло – так считал я. А вот он считал наоборот и на следующий день написал заявление в прокуратуру, где указал, что хирург Магель всеми правдами и неправдами рвется в главные врачи и принуждал помогать ему в этом. И когда Антоша «благородно отказался», этот сумасшедший – то есть я! – схватил нож и попытался добиться согласия угрозами, махал ножом, но Антон увернулся и убежал. Правда, Магель успел слегка поранить его ножом, поэтому прошу привлечь означенного Магеля к уголовной ответственности...

– Так и написал?

– Ага! Всех особенно умилили его слова: «Благородно отказался!»

– И что дальше? Чем закончилось?

– Да все это чуть трагедией не закончилось. Нож-то был грязный, прямо со вскрытия трупа, и у Антоши началась флегмона мягких тканей бедра. Он упустил время и, когда флегмона разгорелась, Антона увезли в областную больницу. Ногу ему спасли, конечно, но меня привлекли по причинению менее тяжкого телесного повреждения. Экспертизу, делали в областном Бюро.

– И что? Неужели дело в суд ушло? – несколько недоуменно спросил Огурцов.

– Да нет. Доказухи-то никакой не было: его слова против моих. Дело прекратили, потом возобновили, потом опять прекратили. В общем, нервы мотали чуть ли не год. И все кончилось тем, что я плюнул на все! И на любимую хирургию, и на судебную медицину, и ушел в рентгенологи, в темноту рентгенкабинета.

– А Антоша?

– Антоша все-таки стал главным врачом. Собственно, он и вынудил меня уйти в рентгенологи. Кстати, об этом ничуть не жалею.

Некоторое время они молча и как-то сосредоточенно пили чай. Один доктор «переваривал» услышанное, другой вспоминал рассказанное. Через пяток минут в кабинет зашла Евгения Ивановна и, обращаясь к Владимиру Генриховичу, сказала:

– Вам только что звонила женщина... Люда Воклюк – так она назвалась.

– Она, что, все еще здесь? – с удивлением спросил он. – Не уехала? – И, быстро взглянув на лаборантку, спросил еще:

– Что сказала?

– Она просила без нее не уезжать, что скоро будет.

– Да я пока не еду... С часок вам еще надоедать буду.

И они снова замолчали... Потом доктор Огурцов несколько разочарованно сказал:

– И это вся история? У-у-у... А слухов-то было, слухов!

– Нет, там еще кое-что было.

– Так рассказывай, продолжай! – воскликнул Огурцов.

– Да, дело в том, что это уже не совсем обо мне, это о тогдашней власти, – и он, упираясь ладонями в колени, слегка покряхтывая, встал и подошел к окну:

– Понимаешь, Дима, когда пик моего хождения по следователям и прокурорам достиг своего предела, я стал понимать, что меня не выпустят. Как тогда говаривали: «Был бы человек, а статья на него найдется». И вот, когда дело собирались передавать в суд, у меня возникло стойкое «очучение», что меня точно посадят. И не условно... Пусть ненадолго, но – сидеть! Но все случилось иначе, совсем иначе, – тут он замолчал было, потом, спохватившись, бодро продолжил:

– Как-то утром пришел в отделение секретарь первичной партийной организации больницы и сказал, чтобы я срочно собирался, что нас ждет первый секретарь райкома товарищ Санькин и добавил, что там будут и прокурор, и главный врач. Не буду долго расписывать да разукрашивать весь разговор – ни к чему это. Просто, когда мы пришли, первый секретарь нас подробно выслушал – и меня, и Антошу, и прокурора, и еще какого-то хрена. Уяснив ситуацию, он довольно долго сидел, не поднимая головы. Потом оглядел нас всех и сказал прокурору:

– А не кажется ли вам, товарищ прокурор, что вина доктора Магеля не доказана. И вообще: зачем жизнь человеку ломать. Не больше ли он пользы принесет народу в своем отделении как врач? Идите и подумайте о том, что сделано и что еще надо сделать! Правильно сделать! – многозначительно уточнил он и добавил: – Больше вас не задерживаю.

– И мы ушли... Дело прекратили – сдали в архив. Вот этот-то момент меня окончательно отвратил от коммунистических идей. Я был молодой да прямолинейный и считал, что если заслужил, то должен ответить. И что меру

наказания – или не наказания! – должен назначать только суд, а не партийный чиновник.

– Да-а-а... – протянул Огурцов. – Его освободили, а он еще и недоволен остался. Ну, Владимир Генрихович...

– Да не в этом дело, а дело в том, что...

– Да, понятно, понятно – не разжевывай, – с усмешкой перебил его Огурцов, – и чем все это закончилось?

– Чем? – задумчиво переспросил Владимир Генрихович и после непродолжительного молчания сказал:

– Да ничем. Все пошли работать, и меня ни следователи, ни прокуратура больше не тревожили. Примерно через месяц прислали уведомление, что уголовное дело по обвинению гражданина такого-то – то есть меня – прекращено... за отсутствием состава преступления. Тем все и закончилось. Антон остался работать главным, а я рентгенологом. Ну и еще года полтора работал в судебке, пока Петя Чернышевский – дипломированный судмедэксперт – не приехал и окончательно меня не заменил. Но до этого был один случай, тоже с партийным начальством связанный, – рассказывать?

– Ну да! Ведь время еще есть... И, я так понимаю, это основное, ради чего ты начал рассказы свои, нет?

– А ты знаешь, Дима, – чуточку подумав, ответил рассказчик, – может, ты и прав. Даже, наверное, прав. Слушай.

– Примерно через полгода после... того дела, мне как врачу-эксперту назначают экспертизу по «живому лицу». Экспертиза банальная – мужика сбила машина, от чего у него образовался открытый перелом большеберцовой кости. То есть это тяжкие телесные повреждения. Менты принесли мне медицинские документы, и я уже приготовился их исполнить, как... в отделение пришел секретарь первичной партийной организации больницы и сказал, чтобы я срочно собирался, так как нас ждет секретарь райкома! Только не первый, как в тот раз, а третий секретарь.

Он назывался – секретарь по идеологии. Ну, пришел я к ней, к секретарю этому...

– Секретарше, – поправил Огурцов, – это же женщина была?

– А вот ни фиги не секретарша! Там была такая властная женщина, что и сидеть-то в ее присутствии было как-то стремно, – усмехнулся Генрихович, – и продолжил:

– И состоялся у нас такой разговор. Она просила провести экспертизу по перелому этой кости и оценить его не как тяжкие, а как менее тяжкие. Я, услышав это, тупо переспросил:

– В смысле? Как же я это сделаю?

Она тоже усмехнулась и ответила как, в знаменитом фильме:

– А вы, доктор, напишите, что перелом был не открытым, а закрытым...

Я тогда открыл было рот, но она, по-матерински улыбаясь, внушительно-задушевым голосом, сказала:

– И товарищ Санькин вас об этом просит. Очень просит! Вы понимаете? Вас просит первый секретарь райкома! – значительно сказала она.

– Я опять хотел что-то вякнуть, но она снова опередила меня и попросила не спешить, а хорошенько подумать. И еще добавила, что виновник аварии – директор крупнейшего в районе совхоза, член бюро райкома и что ему гораздо страшнее будет наказание по партийной линии, что он на всю жизнь запомнит это. Потом сказала, многозначительно глядя мне в глаза:

– И вообще: зачем жизнь человеку ломать, правда? Не больше ли он пользы принесет народу в своем совхозе? Ведь так? Ведь вы это знаете? – и, не дав мне сказать и слова, отправила домой.

И я пошел и всю дорогу думал, что попался. Все во мне восставало против того, чтобы делать липовую экспертизу, я не хотел этого, и я никогда такого не делал. И в то же время мой внутренний голос ехидно шептал:

– Ну надо же, какой законник выискался. А где ты, законник, был, когда тебя пожалели, когда твое дело прекратили, а? Что ж ты тогда-то не протестовал, не кричал, что это несправедливо, что эксперта – то есть тебя, голубчика – надо судить за тот случай? Своя рубашка ближе к телу, да? Эх, ты...

В общем, думал я до вечера и, в конце концов, сделал так, как меня попросили. И такой бы отдал эту экспертизу, но... Но утром позвонил зампрокурора и попросил срочно зайти к нему – якобы уточнить кое-какие обстоятельства из того, старого дела. Это был реальный и не очень тонкий намек на прошлые толстые обстоятельства. Гнусный, надо сказать, намек. Вот он-то все и решил! Я разозлился, поврал сделанное ранее фуфло и напечатал так, как надо: дал тяжкие телесные повреждения.

– И?.. – заинтересованно спросил Огурцов.

– А никаких «и». Мое заключение спокойно забрали и чуть позже отправили в Город на комиссионную экспертизу. Вот там-то и было «и». Одним легким движением руки тяжкие повреждения превратились... в менее тяжкие. Вот и все! И я остался в дураках.

Они немного помолчали, попивая чай, а потом Владимир Генрихович сказал:

– Для чего я тебе это рассказал? А вот для чего. Я долгие годы считал: какие же сволочи были эти партийные руководители, поэтому с восторгом воспринял крушение коммунистов в 91-м и откровенно злорадствовал. Но в середине 90-х, разглядев, что вытворяли демократы, я снова возлюбил невинных «овечек» – первых, вторых и третьих секретарей райкомов.

– Вот и вся история, – сказал старый доктор и налил из одной из «четушек» по полной себе и доктору Огурцову и, выпив, добавил: – А тому директору совхоза объявили выговор по партийной линии...

МАЛЬФОРМАЦИЯ

Человек в самом себе носит
самого страшного из своих врагов.

Ж. Ламетри

Глава 1

– Смотри, смотри, Марковна – Катька-то, Катька, а? Какого жирного кота подцепила...

– А что, молодец дефка, – ответила собеседница, глядя на проехавший мимо их лавочки иностранный тупорылый автомобиль. На его переднем сиденье рядом с «фирмачом» горделиво восседала их же деревенская девчушка, которая до последнего времени была не дура выпить да и погулять, но сейчас... Сейчас она ехала с видом королевы: смотрела только пред собой и никаких таких односельчанок в упор не замечала. Была она молода, только-только до тридцатника дотянула и хороша какой-то своей ядерной красотой взрослой женщины, но еще не утратившей своеобразного очарования наивной деревенской юности. Ну и ребенок у Катерины имелся. Его она срочно сплывила в соседнюю деревню к бабушке, с наказом сидеть и носа не высовывать, маме не мешать. Деревенские сначала порадовались за Катюху – свою деревенскую девчушку – вот, мол, повезло, пусть хоть одна в достатке поживет, но были и такие, что завидовали и оговаривали ее. Такие злые бабские языки сыпали как могли соль на рану – мол, кто он такой, этот фирмач – поиграет и бросит, причем хорошо, если без приплода.

А все началось около года назад, когда «добрый молодец» из города, или, как их тогда называли «новый русский», заявился к ним в деревушку и с ходу, за бесценок купил неплохое здание бывшей птицефабрики. Она, конечно, была небольшой и где-нибудь в центре, глядя на

такой «флагман птицеводства», бизнесмены бы животики от смеха надорвали. Но здание было неплохим, и после всеобщего грабежа 90-х осталось еще кое-какое оборудование, да и фирмач этот за дело взялся энергично. Взял на работу с десятков рабочих и среди них Катюху – она все ж имела кой-какое бухгалтерское образование. Только, как прикинули местные жители, Катюха эти обязанности стала почему-то выполнять, не покидая постели фирмача. И там, похоже, она трудилась ударными темпами, не покладая рук. Видимо, поэтому она вскоре была фирмачом переведена в заместители и в те дни, когда тот уезжал в город, Катюха оставалась главным начальником и распорядителем. Надо сказать, достаточно умело распорядилась. Строго следила сначала за ремонтом, потом за начавшимся производством, была, как говорится, на своем месте. И днем, и ночью была на месте. А вся история началась с того, что однажды в обеденный перерыв рабочие на законных основаниях сидели во дворе малюсенькой столовой и курили. В это время приехал хозяин-фирмач. Он издали со всеми поздоровался, а Катюха, заранее зная о приезде хозяина, подготовила все «документы»: коротюсенькую юбочку, кофточку с огромным вырезом, то есть все что нужно для полноценного отчета начальству. Однако фирмач был весьма не в духе и, приняв только очень короткий отчет, – укатил. Катерина, ожидавшая, что отчет продлится хотя бы до утра, вышла его провожать, будучи сильно не в духе. Вот тогда-то и произошло... Произошел... Впрочем, судите сами и вывод тоже сделаете сами.

У фирмача была машина – японская RAF-4, новая, леворукая, под народным названием «коротыш». Рабочие, что заканчивали послеобеденный перекур, глядя на новенькую машинку, завистливо качали головами, ибо вершиной достатка в деревне конца девяностых – начала нулевых, была девятка, а также старенькие-престаренькие праворукие японки, которые тоже очень ценились. И вот

один из рабочих, Иван Маракузов, кивнув на выезжающую машину, сказал:

– Не, наш начальник – неудачник, точно неудачник! – И, улыбнувшись, пояснил: удачливые бизнесмены ездят на «ландкрузерах», а неудачники, которым денег не хватило на крузак, на таких вот коротышах ездят.

Шутка хоть и была не новая, но рабочие рассмеялись, а стоящая невдалеке Катерина взъярилась и обругала их последними словами. Надо сказать, что Катерина была виртуозом по части крепких выражений. «А как же иначе руководить этими оболтусами, – обычно говорила она, – эти тунеядцы других слов не понимают». Такими перебранками дело и заканчивалось. Но в тот раз, Катерина, видимо, не удовлетворенная тем коротким отчетом, схватила палку, что-то вроде черенка от лопаты, и несколько раз стукнула шутника по голове. Баба она была не изболевшаяся, и посему удары были что надо – лицо бедолаги тут же залило кровью. Рабочего отвезли в больницу и там, наложив с десяток швов на раны, отпустили домой, предварительно проведя рентгенологическое исследование костей черепа.

В первый послеотпускной рабочий день доктор Огурцов шел на работу с неохотой. Как всегда ему, да и, наверное, каждому выходящему из отпуска казалось, что он чуть не догулял. Вот еще бы пару-тройку деньков, ну недельку, максимум, а тут... иди работай! А еще в первый рабочий день очень хотелось «посачковать», хотелось, чтобы работы в первый день было немного – вроде как для разгона. Поэтому Огурцов, увидев, что имеется всего одно поступление – очень обрадовался. А зря, ибо не ведал, чем этот случай обернется и для него, и для многих других.

Совершив часа за два все послеотпускные ритуальные дела: коротко рассказав и выслушав, кто и где был, что делал, испили традиционный утренний напиток – чай и даже пару раз принимались за вскрытие, но приходили

побитые, но радостные граждане (как же, не надо ехать в соседний город), и только часов в двенадцать Огурцов с санитаром пошли на вскрытие. Перед этим эксперт прочитал в направлении, что гражданин Маракузов умер дома без признаков насильственной смерти.

– Вот и хорошо, ты, дядя Саша, начинай. А я через пять минут подойду.

Однако уже через минуту санитар позвал Огурцова:

– Иваныч, иди сюда! – и когда эксперт подошел, санитар продемонстрировал, что на голове трупа свежие рубцы, причем они были настолько свежие, что было видно – хирургические швы были сняты только-только. Раны были немалыми, и эксперт насчитал следы от одиннадцати операционных швов.

– Начинай пилить, дядя Саша, – приказал доктор, – только осторожно, сам знаешь как.

Когда тот закончил работу по удалению свода черепа, то эксперт обнаружил, что кости черепа целы, но под ними имеется большущая гематома, она была твердой, плотно приросшей к оболочкам мозга. Эксперт приостановил вскрытие и позвонил в милицию. Через полчаса прибыли оперативные работники и следователь прокуратуры. Огурцов продемонстрировал находку и пояснил, показывая на гематому и рубцы:

– Все вместе это называется закрытая черепно-мозговая травма, которая и явилась причиной смерти. Вот признаки отека головного мозга... – доктор Огурцов растолковал о давности травмы, о механизме причинения повреждений, и сотрудники отбыли. На том первый день работы и закончился.

Поздно вечером домой Огурцову позвонил следователь Ерохин и сказал, что дело, считай, раскрыто. Палкой рабочему по голове настучала десять дней назад бухгалтер Темерова Екатерина. И свидетели имеются. Ее опросили, прокурор согласился, что уголовное дело надо возбуж-

дать, но Темерову оставили под подпиской о невыезде, у нее малолетний ребенок на попечении.

– Кстати, – закончил рассказ следователь, – у нее в любовниках числится тот бизнесмен, что выкупил здание птицефабрики. Богатенький Буратино. Так что – жди...

– В смысле... Чего ждать?

– Как чего? Заманчивых предложений от «бизнесзмея», – и, коротко хохотнув, положил трубку.

И действительно, когда наутро доктор Огурцов пришел на работу, возле отделения уже стоял белый RAF-4.

– Доктор, я вас уже полчаса жду, – сказал водитель и владелец машины. Я... – и он вежливо представился, перечислив все предприятия, которыми владел, назвал несколько благотворительных акций, что провел для оказания помощи неимущим. В общем, современный образец братка 90-х годов, но перековавшийся в угоду веяниям времени в другой типаж... – и так он мог говорить, видимо, долго, но доктор его прервал:

– А, простите, я здесь при чем?

– Оговорили... Оговорили хорошего и совершенно невинного человека, Катю... Екатерину. Прошу вас помочь ей. А за расходами мы не постоим.

– А я-то что сделать могу?

– Как что? – удивленно переспросил фирмач. – Вы специалист и вы можете написать такое заключение, что Екатерина окажется ни при чем. Понимаете?

– Понимаю. Миллион... долларов, – ответил, улыбаясь, Огурцов.

– Ну, доктор, не говорите глупостей. Моя благодарность не будет знать границ в разумных пределах. А миллион... – это настолько нереально...

– Да, я пошутил, – ответил Огурцов. – Могу обещать одно: с позиций судебно-медицинской экспертизы все будет сделано исключительно объективно. Все!

И, повернувшись к тому спиной, не оглядываясь, ушел

в отделение. Открыв кабинет, он стал ждать повторного появления соблазнителя, причем Огурцов собирался ответить с применением ненормативной лексики. Однако, он ошибся. Проситель не пришел, а сразу уехал. Эксперт позвонил следователю и коротко ему рассказал детали разговора, закончив:

– Так что жди, к тебе сейчас прибежит.

– Не волнуйся, пусть бежит, – ответил Алексей Ерохин, – встречу!

Однако они оба ошиблись. Ни в прокуратуру, ни в милицию тот не пошел. Он поехал в деревню, где все и произошло, а затем...

Затем в областной газете появилась большая и хорошо продуманная статья о том, как в одном из районов творится милицейский беспредел. И далее описан случай: следствие, будучи не в силах найти настоящего преступника, оговаривает честного и невинного человека, а судебно-медицинский эксперт фальсифицирует результаты вскрытия трупа. Причем статья была построена и продумана так, что было очень трудно опровергнуть некоторые высказывания, вследствие их общей абстрактности. То есть была понятна фабула дела, но фамилии нигде не назывались. И тут же, словно по сигналу, правозащитники громко высказались в своем стиле о 37-ом годе. А затем рухнула доказательная база у следователя. Допрошенные уже в рамках уголовного дела свидетели избияения дружно отказались от своих слов и подписали показания, что Темерова никого не била и никто не видел, где и как получил повреждения Иван Маракузов. Параллельно работали и с экспертизой. Взятые на микроскопическое исследование кусочки кровоизлияния с твердой оболочкой забрали в Областное бюро и там выявили, что во время травмы произошел разрыв измененного кровеносного сосуда головного мозга – так называемая артерио-венозная мальформация, а такое повреждение нельзя оценивать как тяжкие

телесные повреждения. Таковы правила. И смерть, таким образом, была предопределена, а вот виновных в ее наступлении – не было!

Когда Огурцов позвонил Ерохину, тот сразу же приехал и долго расспрашивал доктора. Огурцов все рассказал и спросил:

– Слушай, но ведь когда Маракузову зашивали раны на голове, он же что-то объяснял? Как? Кто? И где? Доктор же обязан это выяснить?

– Выяснить-то выяснил, но Маракузов ответил, что ему на голову упали кирпичи. Они якобы стояли стопкой на помосте и с небольшой высоты перевернулись ему на голову. Он сказал, что сам виноват.

– Вот тебе раз! А для чего он так сделал?

– Работа! Скажи он правду – выгонит его капиталист, а в деревне другой работы нету. Вот почему он так и сказал... – мрачно ответил следователь.

– И что теперь дальше делать собираешься?

Алексей долго молчал, а потом неохотно ответил:

– Пойду до конца: назначу комиссионную экспертизу...

– Но ведь там будет тот же ответ. Ведь ее будут делать те же специалисты.

– А я ее назначу в соседнюю область. Потом, если дадут тот же ответ, в Москву дело пойдет...

– Знаешь что? Ты допроси еще доктора, который обрабатывал раны Маракузову. Ведь от кирпича обязательно будут следы в ране – крошки, пыль кирпичная, а от палки, как сам понимаешь...

– Спасибо, Иваныч! Сделаю. Непременно сделаю! – и они вышли на улицу, к машине следователя.

В этот момент к дверям подкатила вишневая девятка и, резко затормозив, остановилась. Распахнулась задняя дверь, и они увидели Екатерину Темерову. Чисто мужским жестом она ударила ладонью левой руки в область локтевого сгиба правой, от чего правый кулак подскочил вверх и, показывая его нам, заорала визгливым голосом:

– Козлы!... Козлы!... Вот вам каждому в сраку, вот... вот... кишка тонка посадить! – и, толкнув водителя в спину, громко заявила: – Поехали, а то здесь трупами воняет. Тут только такие недоумки, как эти, могут работать.

Проводив взглядом девятку, Алексей грустно сказал:

– Красивая, но... дура. Не умная. Она, если не сейчас, так позже непременно сядет! Она запах деличества ощутила. Сядет!

А доктор Огурцов, нервно хохотнув, сказал:

– Знаешь, когда машина так резко затормозила и открылась дверь, у меня вдруг мелькнула мысль – сейчас нас убьют. Автоматная очередь с заднего сиденья. И все!

– У меня, как ни странно, тоже нечто подобное на полсекунды промелькнуло, но поводов-то нет для этого, – усмехнувшись, заметил следователь и, попрощавшись, уехал.

А дело это закончилось так: была проведена комиссия экспертиза, затем повторная – в Москве, в Главном центре судебно-медицинских экспертиз. И всюду был подтвержден диагноз – мальформация сосудов головного мозга, что не позволяло... а, впрочем, выше уже было сказано об этом. В итоге – никто за смерть Маракузова не был наказан. Дело даже до суда не дошло.

Когда дело сдали в архив, следователь Ерохин приехал с бутылкой коньяка, и они с Огурцовым ее неторопливо... того, прикончили. И во время этого процесса следователь сказал:

– Я схлопотал выговор за это дело и неполное служебное соответствие. Твердо знаю, что когда материалы уголовного дела ушли в Москву, из вашего бюро тоже кто-то ездил туда же. Совпадение?

– Наверное, – сказал Огурцов, – и они выпили по последней.

Глава 2

Доктора Огурцова эта история никак не задела, разве что в беседе с заместителем начальника ему слегка попеняли о том, что он редко сложные случаи направляет на консультацию областным специалистам. Сказано это было весьма добродушно и оргвыводов никаких не было. И Огурцов занялся прежними делами: экспертиза трупов, живых лиц, разными околорабочими делами. Месяца через три-четыре – уже поздней осенью, позвонил следователь Ерохин:

– А ты знаешь, что фирмач выгнал Темерову, и она вроде свое дело организовала.

– Нет, не слышал. Но сегодня же узнаю, расспрошу кое-кого, – и доктор Огурцов пошел в больничный гараж, куда недавно устроился работать водителем парень из той же деревни, где произошли те летние события. И вот что Огурцов узнал.

– Я подробностей о том, как Катюха исхлестала палкой Маракузова, не знаю – в Городе тогда работал. А вот уже месяц живу у родителей, и все говорят, что она в последнее время стала чувствовать себя главнее фирмача. Да еще поговаривают, что кое-какие суммы прилипли к ее рукам. И видать, немалые, раз появились серьезные разногласия. Я сам видел, как он орал на Катюху: «лучше бы тебя тогда посадили», а на прошлой неделе вместе с фирмачом приехали трое амбалов и выкинули все ее вещи из домика, а фирмач бросил ей вслед пачку денег. И кинул специально в грязь, в навозную лужу, крикнув:

– Мы в расчете. Если еще раз появишься...

– Что, ментам настучишь за то дело? – злобно спросила Катюшка, ползая по навозу и собирая деньги.

– Я же не дурак, как ты! Я же и себя тогда подставлю. А ты, если не поумнеешь, – грустно сказал фирмач, – сама в петлю голову затолкаешь, то бишь в ментуру угодишь, –

и, хохотнув, пояснил: – Только не сотрудником, а в женскую камеру. Эх, ты! Жаль, красивая, деловая, но дура. Жадная дура!

И Катька, кое-как собрав свои вещички, провожаемая хмурыми взглядами амбалов, поплелась домой. Больше ее туда не пускают.

– А сейчас она чем занята?

– Вроде открывает собственный магазинчик – кстати, недалеко от больницы.

Прошло еще полгода и осенью в полубичевском домике на окраине нашего Городка были обнаружены два трупа – старика-бомжа и его «гражданской» жены, причем оба были в крови, кровью были забрызганы стены и даже потолок. Поэтому на осмотр места происшествия сразу поехала опергруппа. На месте участковый доложил, что убитому всего-то пятьдесят лет и работал он подсобным рабочим в магазине... Темеровой.

– А откуда известно, что они убиты?

– Так глянь, Иваныч! У него же вся башка разбита.

Зашедший следователь, нервно поводя ноздрями, будто гончая, взявшая след, сказал:

– Дмитрий Иваныч, а тебе это ничего не напоминает?

– Ага... Темерову напоминает. Ее хватка – по голове лупить, – и показал на голову трупа мужчины, где виднелись раны со сгустками крови.

В общем, когда на следующий день эксперт Огурцов вскрыл трупы, то обнаружил у мужчины множественные переломы ребер с повреждением легких, закрытый перелом плечевой кости, не считая мелких кровоточащих ран на голове, а у женщины были переломы костей черепа с повреждением головного мозга.

А немного позже следователь Ерохин – таков порядок! – привез на освидетельствование и саму Темерову, чтобы зафиксировать у нее отсутствие или наличие поврежде-

Когда ее привели, Огурцов спросил:

– Что ж теперь нам кулаки-то не показываешь?

В ответ она тут же исполнила просимый жест, а потом повернулась, показала то место, которое анатомически располагалось чуть ниже спины, умело при этом сдернув на секунду свои трусишки... А потом встала и, глядя на эксперта со следователем, сидящих за столами с открытыми ртами, сказала:

– Официально заявляю – меня вот эти двое, – и она указала на конвоиров, – пытались изнасиловать!

Видели бы вы лица конвоиров после этих слов и слышали бы вы их последующую тираду! Тем не менее эксперту пришлось проводить экспертизу и по этому поводу. Она не подтвердила заявление Темеровой.

В общем, разбирательство было очень долгим еще и потому, что она выдумывала то один, то другой предлог для затягивания процесса. Темерова была непреклонна и ни в чем не призналась, хотя доказательства против нее были убойными. И в последнем слове на суде она своей вины не признала. Основной ее тезис был: это месть следователя и эксперта за дело прошлогодней давности! Она получила 12 лет за двойное убийство и ушла по этапу.

Фирмач на процессе ни разу не появился, ибо согласно медицинской справке, «был тяжело болен» и лечился стационарно.

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

Опыт увеличивает нашу мудрость,
но не уменьшает нашей глупости.

Генри Шоу

Доктор Огурцов ехал из недельного отпуска.

Да не просто ехал, а ехал на новеньком джипе. А все получилось как-то спонтанно – продал свою неплохую, но уж сильно городскую, «приземленную» машину германского производства и поехал в соседнюю область за новой. Здесь был важен один момент – в том областном городе работал его хороший приятель, сокурсник по медицинскому институту. Он бросил работу по специальности и уже лет десять торговал машинами, причем дела у него шли весьма неплохо. Вот он для своего старого друга и присмотрел требуемое – серебристый джип-пикап южнокорейского производства. Купив эту чудо-машину, два доктора – нынешний и бывший – обмыли ее! Вернее, почестному «обмывал» автодоктор сотоварищи, а вот Огурцов сачковал, «обмывал» только квасом, так как предстоящая дорога до дома длиной в тысячу километров как-то не вдохновляла к полноценному алкогольному мероприятию. Процедура обмывания происходила в сауне, какой-то извращенно комфортабельной, таких доктор Огурцов и не видывал раньше. А в остальном же все было, как всегда – водка, закуски, сауна-парная, бассейн. Когда все солидно «приняли на грудь», огурцовский друг, вспомнив о пристрастии приятеля к стихам и желая похвастаться перед своими друзьями, что «помогали обмывать машину», попросил Огурцова почитать стихи:

– Давай, Дима, почитай... ты же их сутки подряд читать можешь, не переставая, а ребята вон не верят.

– Ты что, друг мой ситцевый, намекаешь, чтобы я сутки...

– Не, что ты! Просто прочитай что-то... не короткое, а то кореша не верят.

Доктор Огурцов, конечно, отнекивался, отговаривался, что, мол, не время и не место, что как можно, мол, читать великого Блока голым в бане? После этих слов все притихли, о чем-то задумались, а вскоре один из «обмывальщиков» ушел в раздевалку и вернулся с кипой простыней:

– Во, Иваныч, гляди! Щас ими обернемся и все тип-топ!

Против таких аргументов, как говорится, не попрешь, и Огурцов, вздохнув, прочитал своего любимого Блока. Сначала «Демона», потом и «Скифов». По этому поводу ребята подняли рюмашки, а огурцовский друг попросил прочесть что-нибудь из новенького, подразумевая стихи поэтов, ранее ему не известных. Доктор Огурцов почесал затылок, перебирая в памяти имена и стихи, и остановился на стихах французского поэта первой половины двадцатого века, Ивана Голля. Он прочел стихотворение, в котором было такое четверостишие:

*Виски твои скосит Время
Глаза обесцветит страх
И будет жечь твою темя
Мечта о больших Богах³...*

И вот эти строки вызвали очень одобрительную, даже бурно-благожелательную реакцию слушателей. Причем реакция на стишок была, по мнению Огурцова, какой-то завышенной: «Ну и ладно, ну и что, мало ли что и как бывает», – подумал он и вроде как забыл об этом. Часов в десять вечера доктор отправился спать – впереди тысяча километров! – а ребята процесс «обмывания» машины про-

³ Перевод Ю. Покровской.

должали еще долго. И вот утром доктор Огурцов встал в пять утра и, собравшись, растолкал приятеля. Тот вышел проводить, пожелать хорошего пути, здоровья машине, ну и прочего, что в таких случаях обычно желают. Вот там, стоя уже возле машины, приятель вдруг сказал:

– Да, Димон, спасибо тебе за тот стишок!

– Какой стишок? – удивился доктор.

– Ну, этого... как его... француза... де Голля! Ребятам очень понравился. Наш стих! – с уверенностью сказал автомобильный доктор. Огурцов с недоумением вытаращился на друга.

– Не де Голля, а просто Голля. Ивана Голля! И чем он понравился-то?

Услышав ответ, доктор Огурцов долго смеялся, и потом всю дорогу до дома улыбка не покидала его лица.

А что там смешного-то, спросите вы? Да все просто: современные бизнесмены в стихке самое последнее слово расслышали совсем по-другому – Деньгах! Как говорится, мелочь – но запомнилось. Домой доктор Огурцов доехал благополучно. А что, новая машина, лето, неплохая (местами) дорога. Правда, приехал поздно, когда почти стемнело и никто не обратил внимания на новое авто доктора. А уж утром – эх, слабости да грехи человеческие! – доктор Огурцов «оторвался»! Он успел продемонстрировать машину половине города. Он же не виноват, что с утра пришлось и в полицию, и в прокуратуру заехать, правда, не мог вспомнить для чего. А уж когда к районному отделению «Судмедэкспертизы» все больничные водители приехали, то обсуждение характеристик его новенькой машины затянулось еще на добрый час.

В конце концов, медрегистратор пришла и ядовито поинтересовалась, будет ли доктор сегодня работать? А то если не будет, покойников можно отправлять назад к родственникам, а побитых граждан куда девать? Они же скандалить начнут! Огурцов тяжело вздохнул и пошел трудиться, а шедшая рядом медсестра сказала:

– Ох, Дмитрий Иванович, как бы ваш серебристый... э-э-э... машинка не превратила бы следующий отрезок жизни и работы в черную полосу?

– Тьфу на вас! – ответил доктор и приступил к своим обязанностям, правда, каждые десять-пятнадцать минут он, как бы случайно, выглядывал в окно, разглядывая чудо серебристого цвета.

Такое безмятежное любование новой машинкой (мужчины поймут доктора Огурцова!) продолжалось дня три, и все это время сама машина, мысли и разговоры о машине невольно переключали мозги немного в другую сторону, и времени думать о деле и работе оставалось чуть меньше. И, наверное, потому началась черная полоса! Нет-нет, сначала доктор даже не понял, что началась череда неприятностей, до него это дойдет несколько позже: сначала одна неприятность, затем другая, и только тогда человек начинает понимать, что все идет как-то не так. Вот и в тот раз все началось со звонка оперативного дежурного полиции:

– Иваныч, грибники с утра нашли труп! Надо бы выехать, вроде бы там криминал!

Доктор Огурцов созвонился со следователем, расспросил детали и сказал, что поедет на своей машине. Вот это как раз было продиктовано объективной необходимостью, а вовсе не желанием доктора снова покрасоваться на новенькой машинке. Почему, спросите вы? Да все очень просто. Работа эксперта на месте займет минут двадцать, тридцать и все, больше он не нужен.

А вот дяденьки в погонах – следователь, опера, участковый, будут еще долго писать, выяснять и брать след – то есть делать свою работу, а потому эксперта никто отдельно домой, и даже на работу, как правило, не повезет.

На этот раз место обнаружения трупа было на опушке березовой рощи, с которой соседствовало пшеничное по-

ле, сельская умиротворяющая красота и сплошная идиллия: зеленый лес, золотистое поле, яркое солнце и... труп обгоревшего мужчины – как говорится, «труп с признаками термического воздействия». Доктор Огурцов осмотрел тело и, не обнаружив повреждений: ни ножевых, ни рубленых ран, ни прочих там переломов и, основываясь на внешних признаках, сориентировал сотрудников о предполагаемой причине смерти и уехал.

На следующее утро доктор первым делом позвонил следователю, и тот сказал, что сильно занят (как же, как же!) и на вскрытие не приедет:

– Ты там, Дмитрий Иванович, «сам с усам», так что, если что найдешь, брякни сразу же. Ладно?

– Ага... брякни... а то сам не догадался бы, – бурчал доктор Огурцов, заходя в комнату санитара.

– Саша, ну что, пошли «горелого» вскрывать.

– Пошли, – согласился тот, но с места не двинулся, продолжая невозмутимо прихлебывать крепчайший кофе.

– Да успеем, Иванович, куда торопиться? Он все равно один! Полчаса раньше, полчаса позже – роли не играет.

В общем, обычная легонькая словесная разминка перед началом конкретной работы, во время которой доктор Огурцов, как правило, вспоминал особенности исследования того или иного «объекта», так сказать, настраивался. А в этот раз, пока дожидался санитара, заметил на дверке новой машины брызги грязи и побежал сполоснуть водичкой свое серебристое чудо. И только после этого, переодевшись, пошел в секционную, где все уже было приготовлено для работы. По ее итогам он пришел к выводу, что мужчина горел мертвым, так как отсутствовали характерные признаки, позволяющие утверждать обратное. Об этом доктор Огурцов и сообщил следователю, естественно, добавив, что мнение предварительное и только после получения всех лабораторных методов исследования эксперт точно скажет. Пока доктор печатал на компе результаты вскрытия, приехал следователь:

– Слушай, Иваныч, поясни такой момент: если он горел мертвым, то зачем было его поджигать? Скрыть другое преступление?

– Вполне возможно, – ответил доктор Огурцов.

– А тогда от чего он умер? Ведь сжигают трупы, чтобы скрыть нечто другое! Убийство, например. Спрашивается, какое? Причина смерти-то его какова? – задал резонный вопрос следователь.

Доктор задумался ненадолго и ответил:

– Травматических повреждений на нем нет, признаков удушения тоже. Подождем результаты из лабораторий, а там видно будет.

В общем, спорили и обсуждали, перебирая все варианты, довольно долго, но ничего реального так и не надумали. Когда следователь ушел, эксперт сходил еще раз осмотреть труп. Вернувшись, он задумался: а, правда, для чего надо было сжигать тело? В 90-е такое часто бывало, но там были либо пулевые, либо иные повреждения, либо садисты и отморозки сжигали живых. Но здесь-то нет признаков прижизненных повреждений: «М-да... ладно, подождем анализа, – подумал доктор, – там и решим», – и занялся другими делами.

Следующее утро поначалу выдалось спокойным. В морге был всего один труп – женщина преклонного возраста, которая почему-то решила свести счеты с жизнью. Доктор Огурцов с утра провел исследование и установил причину смерти – благо она и так была четко прописана на шее трупа петлей из веревки. Вскоре за телом приехали родственники, и разгорелся нешуточный скандал: обнаружилась пропажа фамильных золотых украшений, которые бабушка, не снимая, носила долгие годы. Родственники вызвали полицию, и завертелось: объяснительные, опросы, выемки документов и прочее. И хотя похитить кольцо и серьги могли на любом этапе – и те, кто вез бабушку из дома, и те, кто принимал ее ночью в приемном покое

больницы, и те, кто проводил экспертное исследование, но все равно потом, попозже, поползли слухи-сплетни, что золото пропало именно в морге. Ну, а сотрудники полиции быстро установили, что работники больницы, принимая ночью труп, записали, что ценных вещей на мертвой бабушке нет. Через сутки «раскололи» санитарку приемного покоя – ту, что принимала тело. Оказалось, когда она увидела золото, то сделала запись об отсутствии ценных вещей, в чем и расписалась. В общем, крайне неприятный инцидент еще и потому, что на каждый роток не накинешь платок, то бишь, слухи хоть и остались слухами, но все ж остались: в морге... золото старинное... украли! В тот день, когда история с кражей разрешилась и виновник был найден, доктор Огурцов собрал коллектив на рюмку чая. И вот там, в процессе «чаепития» медрегистратор сказала:

– А не кажется ли вам, доктор, что в последнее время неприятности стали к нашему отделению цепляться?

– Ой, попрошу не каркать! Какие неприятности? Ведь все разрешилось благополучно.

– Разрешилось-то разрешилось, но ведь *было*. А это уже вторая подряд!

– Какая вторая, почему вторая?

– А от чего умер тот, которого сожгли? Там все неприятности еще впереди, Дмитрий Иванович!

– Па-а-думаешь... Вот придут результаты химических и микроскопических исследований, тогда и решим! А вообще – злая вы, Елена Егорьевна...

– Не злая, а предусмотрительная...

После такого разговора доктор Огурцов задумался: а, правда, как решать вопрос о причине смерти сгоревшего? Ва-а-прос!

На следующее утро на работу доктор Огурцов чуть опоздал. Когда поставил машину и зашел в отделение, раздался звонок. Это был заведующий судебно-химическим отделением:

– Дмитрий Иванович, запиши данные исследования крови сгоревшего неизвестного мужчины: обнаружено... 16 процентов карбоксигемоглобина... Результат пришлю, как обычно, почтой. – И короткие гудки.

Сначала доктор обрадовался, ибо эти данные подтверждали его вывод о том, что был сожжен труп, правда, еще не было результатов микроскопического исследования, но, обдумав ситуацию, он позвонил следователю и сообщил данные. Тот молча выслушал и коротко сказал:

– Никуда не исчезай. Я через час буду. Есть и у меня новости.

Доктор не исчез и дождался... неприятностей на свою шею, ибо следователь сообщил непонятное и неприятное. Все это время опера из розыска упорно работали, опрашивая жителей двух деревень. И их усилия увенчались успехом, – они нашли свидетелей – двух мальчишек, которые после двенадцати ночи шли с рыбалки и видели, как на краю рощи метался большой факел. Как они сказали оперативникам – бегал горящий человек и громко кричал. Они испугались и убежали. А днем узнали, что там нашли труп.

– И как объяснить этот факт? – спросил следователь. – Горел живой – бегал и кричал! – а показатель всего 16 процентов? Как, доктор, это увязать с вышеприведенными фактами? Думайте! – предложил он и ушел.

И доктор Огурцов думал, звонил соседям – экспертам из других районов, но ничего толкового не придумали и все упирали на микроскопию:

– Иванович, не гони лошадей, дождись всех анализов и тогда будешь решать.

Но не думать не получалось, его мысли постоянно возвращались к этому случаю, но ничего путного доктор Огурцов придумать не мог. Мозги будто заклинило. Наконец в положенный срок были сделаны микроскопические препараты, и... доктор Огурцов получил еще один щелчок

по носу: частицы копоти были обнаружены в самых концевых отделах легких – в альвеолах. А это означало, что человек во время возгорания был жив и дышал. Вот после этого в голове Огурцова окончательно заклинило – он никак не мог сопоставить эти два факта – низкая концентрация продукта горения в крови и наличие копоти в легких. Ну, а к вечеру голову эксперта расклинил начальник Бюро В. И. Нукич:

– Ну, что, доктор, не получается, да? – и в ответ на покаянное огурцовское «не получается», вкрадчиво спросил:

– А вы не пробовали узнать, какая погода была вечером и ночью? Не было ли сильного ветра? – и не успел Огурцов ответить, как начальник ядовито, временами срываясь на крик, подбадривая себя мощными ударами кулака по столу – видимо, представляя, что это голова Огурцова! – высказал все, что он думал о мыслительных способностях районного эксперта. Закончил он так:

– Вот от вас, товарищ Огурцов, я такого не ожидал. Небось, новая машина все извилины заплела? Так я вам их сейчас расплету: получите выговор за... в общем, придумаю, за что! – И раздались короткие гудки.

После этого втыка судмедэксперт Огурцов чувствовал себя преотвратительно и не потому, что выговор, а потому что так опростоволосился. Как можно было самому не догадаться: сильный ветер отгонял продукты горения, потому-то их концентрация и была низкой. Вот и пришлось Огурцову успокаивать себя пошлой фразой: век живи – век учись!

Впрочем, утешало одно: черная полоса, видимо, закончилась и опять стала серебристой, – думал Огурцов, садясь за руль своего джипа и собираясь ехать домой, но из-за угла вывернул УАЗик розыскников, и оттуда выскочил начальник розыска:

– Иваныч, – радостно закричал он, – нашли труп. На своей поедешь или с нами?

– С вами, – облегченно вздохнув, сказал доктор Огурцов и подумал, что все возвращается на круги своя, а черная полоса закончилась. Если бы он знал, как ошибался, если бы знал...

А почему, спросите вы, начальник розыска сообщил о трупe «радостно»? Да все просто: мужчина, труп которого нашли, пропал несколько дней назад, и имелись веские причины считать, что имело место убийство с последующим сокрытием трупа убитого. И вот, интенсивные поиски увенчались успехом – труп нашли в глубоком подвале-леднике бывшего колхоза. Там и сейчас, несмотря на середину июня, было прохладно, а посему тело почти не испортилось. Когда было завершено следственное действие под названием «Осмотр трупа на месте его обнаружения», тело отправили в морг на исследование. Однако это исследование так и не состоялось, потому, что труп... украли! А все случилось так: санитар утром одел и отдал тело какой-то бабульки, а дверь оставил незапертой, как всегда и бывало. Потом из Следственного комитета принесли постановление о производстве экспертизы, и доктор Огурцов пошел в комнату санитара:

– Саша, подъем! Пошли убитого вскрывать.

– Ага, – согласился тот, – пошли, – но с места не тронулся, продолжая со вкусом прихлебывать крепчайший кофе, – сейчас допью и одеваюсь – пять минут!

Огурцов пошел звонить следователю, но тот сказал, что сильно занят (как же, как же!) и на вскрытие не придет:

– Ты там, Дмитрий Иванович, «сам с усам», вскроешь и что найдешь, позвонишь и расскажешь, лады?

– Лады, – ответил Огурцов и пошел было в секционную, но не успел он сделать и шага, как в кабинет буквально влетел санитар:

– Иванович... а трупа-то нет!

Они пошли вдвоем и убедились, что труп исчез! Это

было ЧП, да еще какое! Доктор позвонил в полицию, прибывший начальник розыска, осмотрев двери, спросил – открыта она была или на замке?

– Открыта, – покаянно сказал Огурцов, – мы ее днем никогда не закрываем. Сюда ж не зарастет народная тропа! Чё ее постоянно открывать-закрывать?

Начальник розыска покрутил носом и головой, а потом сказал:

– Иваныч, у тебя помню, монтировка где-то была? Будь добр, дай мне ее на секунду.

Доктор Огурцов принес ее и отдал оперу. Тот взял ломик и пошел к двери. Там, еще раз все осмотрев, вставил в пробой конец металлического ломика, поднатужился и вывернул его:

– Вот видишь, как ты ошибся, Дмитрий Иванович! Дверь-то закрыта была, вот ее и взломали...

– А зачем... – растерянно начал было доктор, но оперативник, прервав его, пояснил:

– Иваныч, ведь наш прокурор, узнав про незакрытую дверь, вполне может возбудить дело по статье «Халатность», а оно тебе надо? – спросил он и сам же ответил:

– Не надо... И нам не надо.

– А теперь что делать?.. Ну, я про труп...

– Да труп-то мы найдем, вот только время уйдет.

– А если не найдете? Ведь если «нет тела, то нет дела»?

– ...И тело есть, и дело будет, – раздался чей-то голос.

Оглянувшись, доктор увидел руководителя Следственного комитета, который сообщил:

– Сотрудники дорожно-патрульной службы полчаса назад остановили машину, в багажнике которой обнаружили труп! Эти придурки поехали на речку – видимо, утопить решили – но забыли, что там сегодня районные соревнования, и поэтому не менее пяти машин ДПС расставлены. Вот и влипли. Сейчас, Иваныч, тебе труп привезут, а нам похитителей. Так что ты, доктор, больше не зе-

вай, а мы, – обратился он к оперу, – пошли работать.

После этого подошел к двери, потрогал сломанный запор и, покачав головой и улыбнувшись, сказал:

– Надо же? Еще и замок взломали. Но мы им вменять это не будем, да? – и, снова улыбнувшись, посмотрел на доктора Огурцова...

После этого доктор Огурцов вернулся к себе, собрав персонал, рассказал о произошедшем. И договорился – все двери закрывать, а санитару сказал:

– А тебе, дядя Саша, срочно наладить пробой на двери, который злоумышленники испоганили...

Доктор Огурцов еще посидел чуточку, отходя от стрессов, и тут раздался автомобильный сигнал – длинный и – как показалось доктору – истощный. Когда он вылетел из помещения, увидел, что чья-то «жучка» въехала в задний бампер его новой машины... Вызвали ДПС, но официальные бумаги не составляли – повреждение его машины оказалось незначительным – трещинка на заднем бампере, а вот «жигуленок» прилично смял свое крыло и крышку багажника.

Потом в конце рабочего дня, когда доктор собрался ехать и в десятый раз осматривал повреждение бампера, подошли сотрудники, и медрегистратор сказала:

– Зато на этом черная полоса закончилась. Вот посмотришь!

– Колдунья вы, Елена Георгиевна! – констатировал доктор и уехал.

А чем, спросит читатель, закончились те случаи, что принесли столько неприятностей и переживаний доктору Огурцову?

Санитарку, что позарилась на чужое, осудили условно – она одна воспитывала двоих детей.

Тех, кто поджег живого человека на опушке рощи, так и не нашли, зато установили личность сгоревшего. Это был довольно крупный бизнесмен из областного города,

выходец из братков лихих 90-х, один из немногих, кто уцелел в Великой Битве Беспредела тех лет. Как считают правоохранители – это был акт мести, возмездия за то, что он натворил тогда, ибо тоже практиковал такие наказания – вывезти в лес и поджечь. По крайней мере, в двух таких эпизодах он был замазан, но отвертелся. А вот теперь огонь возмездия, судя по всему, настиг и его самого...

А в последнем случае все было пьяно-банально. Двое не поделили вторую бутылку водки – один втихаря выпил лишнего стопаря. Ну, слово за слово... матерки... молоток... голова. А труп украл брат убийцы – вполне состоявшийся человек. Он приехал выручить младшенького братика и ничего другого не придумал, как залезть в морг. Дело в отношении него еще не закончено.

Ну, а доктор Огурцов по-прежнему разъезжает на том же серебристом джипе и не нарадуется на своего красавца – мужчины его поймут!

ЗУБЫ СУДЬБЫ

Любой человек изначально добр!
Зло – как бы оно ни было деятельно,
огромно и убедительно – всегда вторично.

В. Марлов

Глава 1

Было ранее утро первого сентября, первого дня осени, то есть самый «радостный» день для детишек всей нашей необъятной страны, когда летние каникулы наконец-то закончились и снова можно было идти в школу, идти на встречу с друзьями и учителями, идти за новыми знаниями! А потому этот день так и назывался – День знаний! Вот за этим же самым ехал в город и доктор Огурцов. Нельзя сказать, что он ехал радостный и счастливый. Нет-нет, ему, конечно, хотелось встретиться и с друзьями, и с преподавателями, хотелось узнать что-то новое, да и вспомнить старое, местами позабытое, тоже не мешало, но... Но того энтузиазма в предвкушении «опять учебы», как в прежние, молодые годы, доктор как-то в себе не ощущал. Нет, он ни в коем случае не думал, что «все и так знает». Отнюдь! Он прекрасно понимал необходимость сей процедуры, тем более что имелась и очень четкая формальная составляющая: заканчивался пятилетний срок действия его сертификата специалиста, без которого к работе не допускают, и если ты намерен продолжать трудовую деятельность, то будь любезен... Доктор Огурцов был намерен, а потому и был любезен: собрал вещички, сел за руль своего большого серебристого автомобиля и ранним утром выехал в областной город на Кафедру Судебной Медицины. Поехал на два месяца. А что? Жизнь и работа любого врача всегда состоит из таких пятилетних циклов. Вот доктор Огурцов и ехал заканчивать – или начинать? – очередной цикл профессиональной деятельности.

Как уже было сказано, ехать не очень-то хотелось, однако пустая, по случаю раннего утра, дорога, яркое, совсем еще летнее солнце, глубокий голубой небосвод и, конечно, машина сделали настроение доктора Огурцова таким же ясным и безоблачным. В институт оформлять документы доктор пришел уже после обеда. (Дела, дела!) И первый, кого он увидел под сводами alma mater, был друг студенческой юности, а ныне профессор и проректор института. Эта встреча, сама по себе приятная, еще и помогла оперативно решить все организационные проблемы оформления, как правило, нудные и многочасовые. Когда профессор провел Огурцова в свой просторный начальнический кабинет, то, отобрав его документы, вручил их секретарше со словами:

– Времени вам даю час... все оформить... и вернуть доктору, но сначала кофе нам принесите!

Огурцов вяло запротестовал, что, мол, незачем загружать своими проблемами других, что он и сам не инвалид, но профессор, хохотнув, сказал, доставая из шкафа рюмки:

– Сиди! Секретарю сейчас особо делать нечего, пусть немного разомнется, а мы кое-что сообразим, тем более что я до семнадцати свободен.

Потом, разлив в малюсенькие рюмки коричневую жидкость со знакомым коньячным запахом, он встал и поднял рюмку:

– Ну, Дима, за встречу! – и выплеснул содержимое в рот. Поморщившись, он взял дольку лимона и отправил ее вслед за коньяком. Прожевав, сказал:

– Ну, рассказывай!

– О чем, господин профессор?

– Долго ты в своем Мухосранске собираешься сидеть? Пора, пора тебе в город перебираться!

– И чего я здесь делать буду? В начальники меня и калачом не затянешь, а место у секционного стола меня и там устраивает вполне и... вообще, менять шило на мыло? В нашем-то возрасте? Смысл?

– А помнишь, – оживился профессор, – как мы абитуриентами в совхозе работали?

– А как же! Моя жена до сих пор вспоминает, как мы ее учили «Кровавую Мэри» пить, и как ей потом лихо было, – хохотнул Огурцов.

– Да-а-а, хорошие времена были, – поддержал профессор, – а знаешь, я до сих пор вспоминаю, как после института три года работал хирургом в районе! Такой опыт! Зря отменили распределение.

– Да не времена хорошие были, это мы молодые были, – ответил Огурцов и многозначительно посмотрел на фигурную бутылку. Профессор, как истинный ученый, обладающий аналитическим складом ума, совершенно правильно истолковал этот взгляд, более того, пошел дальше, заменив микроскопические рюмки на... более подходящие для разговора, но, наливая, спросил:

– А ты машину...

– Не волнуйся, поставил, уже на стоянке, – и, приподняв емкости, они выпили. Потом, как это всегда и бывает, они вспомнили сокурсников: кто, где, кем... и впервые с грустью осознали, что «иных уж нет, а те далече». Помянули ребят, а потом Игорь, сжевав очередную дольку лимона, спросил:

– А хочешь, я тебе расскажу странный случай, свидетелем которого я стал в молодости, когда только начинал хирургом работать?

– Валяй, – ответил Огурцов и тоже взялся за лимон.

– Значит, так, – начал профессор, – как ты помнишь, после интернатуры мы вышли на работу в августе. И вот я, молодой и самоуверенный хирург – как же, красный диплом! – приехал в районную больницу и заступил на первое дежурство по больнице. Дежурство на дому. Ты, конечно, знаешь, что это такое?

– Конечно! Это когда дежурный хирург сидит дома и ждет, когда его вызовут.

– Ну, так вот, проходит одна ночь – тишина! Вторая – опять тишина! В общем, за всю неделю меня так по экстренному случаю и не вызвали. И только в субботу пришел мой черед. «Скорая» подкатила как раз в обед, и взволнованная фельдшер выпалила:

– Доктор... доктор, срочно... там... такой тяжелый... сколько работаю, но такой травмы не встречала! – и поясняет, что парень сел задом на самодельную циркулярную пилу, когда пилил доски.

– А зачем он сел? – тупо переспросил Огурцов профессора.

– Отдохнуть! – рявкнул профессор, крутя пальцем у виска.

– А-а-а, – понимающе протянул доктор Огурцов, – так он на круг сел?

– Ну, конечно же! Когда сверху доставал очередную доску – поскользнулся или оступился и умудрился задом ляпнуться как раз на этот самый круг!

– Ну, ни фига себе! – присвистнул доктор Дима. – И что?

– А то! – продолжил рассказ Игорь, – пошел я его осматривать и вижу такую картину: в приемном покое лежит на кушетке лицом вниз молодой парень, голый по пояс. Голый снизу по пояс! – уточнил он, – и громко стонет. Я посмотрел и ахнул!!! Вот представь: у человека имеется одна ягодичная складка – строго посередине. А у этого прямо посреди правой ягодицы была еще одна, но, естественно, не складка, а обширная рана от распила. Кровотечения уже почти не было, а разошедшиеся края раны зияли почище, чем у природной. В общем, вид жутковатый. Но не это было главное, а главное то, что по неопытности, да впечатленный столь могучей раной, я забыл про остальное и в сопровождении санитарки отправил больного на второй этаж в хирургию. И вот, когда он стал по лестнице подниматься, я сзади-снизу увидел, что у него

между ног болтается на семенном канатике яичко – беленькое-беленькое такое! И как я это увидел, чуть сознание не потерял от такой картины. И если бы не родственники этого парня, что прибежали и отвлекли меня от... созерцания травмированного мужского достоинства, то стойкая импотенция мне была бы точно обеспечена.

– А чего они прибежали-то?

– Так просить слезно, чтоб я все пришил ему на то место, которое надо. И сказали, что он женился всего месяц назад, что ему детей надо «делать», ну и в том же духе! С трудом вырвался от них...

– И пришил?

– А ты знаешь, там и пришивать было нечего. Рана на ягодице была большая и глубокая, но ни нерв, ни крупные сосуды были не задеты...

– А главное-то, главное?

– Там еще проще было, поскольку у парня была травмирована только мошонка, а ни яичко, ни семенные канатики задеты не были, но яичко вывалилось наружу, голенькое...

– Без скорлупы! – хохотнул Огурцов.

– И многие это видели! Я все вправил, промыл и ушил все раны. В принципе ничего сложного и опасного не было. Раны у парня зажили в срок, без осложнений, и день на десятый я его выписал, а по деревне пошел слух, что молодой доктор сумел пришить «все это» на место. И обо мне пошла слава как об искусном враче.

Друзья помолчали, и Огурцов сказал:

– А вот у меня был случай...

– Погоди, – остановил его профессор, наливая по «чуть-чуть», – это не конец истории, было продолжение.

– Ну-ну! Он что, стал импотентом и не смог?..

– Не перебивайте, «товарисч судозэкспорт»! Все он смог! И не надо, доктор, бросать тень на искусного хирурга и маститого профессора! Так вот, через десять месяцев

после травмы он... вернее, его жена, родила двойню, через пару лет вторую двойню. Прикинь, как меня одолели некоторые жители женского пола просьбами перешить кое-что и их мужикам, чтобы они, как Тоськин – так жену травмированного звали! – мужик, делал бы им по двойне! Но это так, к слову, я о другом.

Раны у парня, что на ягодице, что на мошонке, зажили в срок и без осложнений. Вернувшись домой, он самодельную «циркулярку», виновницу боли и стыда, беспощадно разобрал и выкинул. Только диск от пилы – вещь-то дефицитная! – продал на рынке какому-то мужику из глубинки. После этого случая жизнь его потекла по-прежнему, не считая нового прозвища: «Трехжобый», или Меченый. С тех пор минуло года три, или четыре, приезжает ко мне этот... парень и рассказывает историю про своего двоюродного брата, который... циркулярной пилой чуть не отпил себе руку! Его даже увозили санитарным транспортом в областную больницу. Руку сумели спасти, хотя и имела место почти полная травматическая ампутация на уровне локтевого сустава, да еще и кровопотеря! В общем, выкарабкался его брат, хоть и с трудом, но зато с рукой. Согласись, такое совпадение – два брата пострадали от самодельных циркулярных пил! Странно! Не находишь? – спросил профессор у Огурцова.

– Ну, – легкомысленно махнул рукой судмедэксперт, – совпадения и похлеще бывают.

– Бывать-то бывают. Но... но, когда стали разбираться, то оказалось, что самодельный станок был другой, а вот сама пила, циркулярный круг, был тот же самый. Его брат купил на рынке у того самого мужика, которому первый пострадавший – Трех... половинчатый, в свое время продал. И этот круг был легко узнаваем по ряду признаков. Братья поговорили, разобрали пилу, а круг хотели выбросить, но потом второй брат – Однорукий – просто положил на какой-то стеллаж, подальше от глаз.

Вот тогда братья и поссорились. Почему, спросишь? Да потому, что первый пострадавший был весьма куркулистым парнем и, увидев этот диск, решил его вернуть себе, но Однорукий его не отдал. Прошел еще годик, десятилетний сынок второго брата полез в сарай что-то искать и случайно столкнулся с лежащим там зубчатый диск. Он упал ему на ногу и поранил стопу. Неглубоко, не повредив ни кости, ни кровеносных сосудов. Вроде бы помазать йодом и забыть, а нет: сначала просто нагноение, потом газовая гангрена. Ногу в областной клинике спасли, но мальчишка чуть не три месяца болел и в итоге остался на второй год! – закончил профессор и спросил:

– Как тебе такая история?

– Ну, это почти из невероятных совпадений, – согласился Огурцов. – Не сразу и поверишь в такое!

– Вот именно: самое натуральное очевидное-невероятное! – подвел черту под рассказом профессор. Потом глянул на часы и, разлив остатки, сказал:

– К сожалению, мое время истекло. Через... – и при этих словах селектор голосом секретарши сказал:

– Игорь Николаевич, к вам представители...

– Да-да, помню, – и, обращаясь к Огурцову, сказал: – Ну, что, дружище, документы твои готовы, они в приемной! Заскакивай! – и доктор Огурцов с профессором пошли к двери. Когда Огурцов уже взялся за ручку, Игорь остановил его:

– И последнее: тот мальчишка пролежал в больнице до середины лета. Когда его привезли домой, он и сказал, чем поранил ногу. Отец паренька тут же разыскал злосчастный диск и хотел его выкинуть на свалку, но в это время пришел брат, забрал диск, пошел на высокий берег пруда и выбросил его в воду. Бросал он изо всей силы, диск был плоский, поэтому, планируя, он улетел достаточно далеко, в камыши и... попал в сидящего в лодочке рыбака, смертельно травмировав его. Вот так, – грустно закончил профессор.

Доктор Огурцов хмыкнул:

– Ага, ври больше! Так я тебе и поверил! Скажи еще, что диск, отскочив от рыбака, пробил всю землю, выско-чил в Америке и ранил ихнего...

– Не веришь? Ну и правильно! Хотя... с тех пор никого таким диском в деревне не ранило. Это аргумент в мою пользу, не находишь? – улыбнулся профессор и, пожав огурцовскую руку, сказал: – Надеюсь, еще забежишь?

И доктор Огурцов, забрав у секретарши документы, отправился по своим делам, думая про рассказ профессора: «Наврал или нет? А если не наврал, то сколько правды в рассказе?». А уже вечером, когда лег спать, снова вспомнил этот рассказ и решил, что все, кроме первого эпизода про ягодицу – вранье! Вернее, выдумка, ибо еще в студенческие времена будущий профессор прославился как всем известный «приколист» и шутник. С тем доктор Огурцов и уснул.

Глава 2

Как это почти всегда и бывает, первый день учебы выдался – как бы это помягче сказать? – не насыщенным. Прибывшие на учебу курсанты утром собрались на кафедре, где с часок оживленно заплетали языки узлами, обсуждая дела в родной «фирме» и знакомясь с приехавшими из других регионов коллегами. Потом пришел заведующий кафедрой и, отечески взирая на расшалившихся экспертов, взялся их «строить» и «закручивать гайки». Сначала каждый эксперт рассказал о себе, потом заведующий рассказал о кафедре, познакомил с порядками и с тем, что можно, а чего нельзя (а то без него этого не знали!). Далее поговорили о расписании занятий, а в конце, чтоб предстоящая учеба не казалась медом! – навесил каждому курсанту по три «плюхи», то есть по три реферата и... отпустил отдышаться до завтра. Основная часть курсантского народа,

«недовольная» краткостью учебного дня, отправилась укреплять и развивать знакомство в пивбар, а доктор Огурцов – увы, увы! – отправился навестить родственников, коих у него было не так много, но все ж были. А уже со следующего дня начался учебный процесс. Лекции, практические занятия, семинары – тоже все, как обычно. Доктор Огурцов, будучи добросовестным человеком, исправно посещал все занятия. Лекции, которые читали заведующий и доцент, он записывал избирательно: часть – почти слово в слово, а часть лекций – тезисно, впрочем, все студенты-курсанты делали так же. Так пролетела первая неделя учебы и началась вторая, причем началась она с сюрприза. Лекцию пришел читать доцент с незнакомым и весьма немолодым дяденькой:

– Коллеги, это... – он показал на своего спутника, – эксперт-криминалист областного УВД и сегодняшнюю лекцию можно назвать примерно так, – он, посмотрев на криминалиста, озвучил:

– Смерть от повреждений различного характера, которые были неверно или не совсем верно идентифицированы судмедэкспертами, а также о нераскрытых преступлениях, имевших место на территории области.

И лекция началась: сначала криминалист представлял случай – дата, место и обстоятельства обнаружения трупа. Затем наш доцент зачитывал результаты исследования обнаруженных повреждений, а потом они совместно давали оценку всем тем недочетам, что имели место. Это была одна из самых интересных и захватывающих лекций. Были приведены интересные и познавательные случаи, как добросовестных заблуждений экспертов, так и те, где ошибки были... необъяснимы. Доктор Огурцов слушал все это с огромным интересом. Были рассказаны многие эпизоды. Это и падение человека с небольшой высоты на торчащий из земли металлический прут, причем эксперт сквозную рану принял за огнестрельную, пулевую.

Были рассказаны и случаи неправильной интерпретации повреждений при автомобильных травмах, и при падениях с небольшой высоты, и многое другое.

И вот уже к самому концу они рассказали о таком факте: на озере, вернее, на большом и старом пруду, пропал человек. Было известно, что он приехал на рыбалку из города рано утром, а к вечеру другие рыбаки нашли в камышах беспризорную резиновую лодку. В ней было нетронутое снаряжение, но самого владельца не было. При осмотре же на борту лодки обнаружили «пятна вещества красного цвета», которые позже были идентифицированы как кровь. На третьи сутки в местную милицию поступило заявление от родственников об исчезновении гражданина Н. Предъявленную резиновую лодку они опознали, и тогда начались поиски в воде. Через пару суток труп пропавшего мужчины нашли. Уже при первом осмотре на шее обнаружили обширную рану, в глубине которой были поврежденные сосуды шеи. Эксперт, вскрывавший труп, достоверно определить, чем причинено повреждение, не смог. Сотрудники уголовного розыска «перетрясли» всех местных рыбаков, но все впустую. Да, видели такого, отвечали те, да рыбачил, да на лодке, но никаких криков, никакого шума никто из рыбаков в тот день не слышал.

Когда криминалист закончил, тему продолжил уже наш Доцент. Он рассказал о специальных исследованиях раны для уточнения механизма причинения этой раны. Но, так как тело находилось трое суток в воде, а края раны подверглись воздействию «местного подводного планктона», то медикам-криминалистам однозначно указать, чем причинено повреждение, тоже не удалось. В итоге, преступление и по сей день оставалось нераскрытым.

Когда лекция закончилась, все долго не расходились, обсуждая поднятые в лекции вопросы, ибо они имели большое практическое значение для любого эксперта. Потом вся группа в полном составе решила перенести об-

суждение в пивбар. Доктор Огурцов, естественно, белой вороной не был и пошел со всеми. И, когда они спускались по лестнице, его вдруг озарило: ведь всего неделю назад ему рассказывал Профессор о чем-то подобном: циркулярка... озеро... попал в рыбака!!! От этих мыслей доктор Огурцов даже остановился:

– Это что же получается, – думал он, – неужели Игорь знал и молчал? Или все же он наврал? Странно! – и, развернувшись, пошел на кафедру к доценту, столкнулся с ним в дверях:

– Вячеслав Иванович, а вот тот случай... где рыбак... он где произошел и когда?

– По-моему, в Кировском районе, – ответил тот, – а вот год? Год точно не помню... кажется, начало девяностых... а тебе зачем?

– Да так, надо... потом расскажу, – ответил доктор Огурцов и взялся за телефон.

До профессора он дозвонился быстро, но встречу тот назначил только на утро, ибо на сегодня был предельно занят. Делать нечего, и Огурцов, усмирив свое вечное нетерпение, тоже подался в пивбар «Наникитина» – как его звали все, кроме студентов мединститута... то есть медуниверситета... вернее, медакадемии... тьфу ты... совсем запутался, – думал Огурцов, заходя в благословенные чертоги пивохранилища. И только там вспомнил, что в его время студенты пивбар называли просто – Кафедра! И все студенты «мужескаго полу» прекрасно понимали, какая кафедра имелась в виду.

На следующее утро, состояние д-ра Огурцова было... «не очень». В ответ на вопросительный взгляд Игоря, доктор, не вдаваясь в подробности, сразу взял быка за рога:

– Игорь, скажи честно, в том рассказе ты наврал про убитого рыбака или?..

– Ну, ничего себе, – удивился профессор, – эк тебя зацепил рассказ! Вот не подозревал в себе таких талантов! – но, видя вопросительный взгляд Огурца, сказал:

– Конечно, правду!

– Ну, значит, ты – соучастник убийства! – выдохнул Огурцов и рассказал о вчерашней лекции. Игорь сначала улыбался, а к концу, посерьезнев, спросил:

– Не буду оригинальным и задам тот же вопрос, что и ты: не врешь?

– Не вру, – ответил Огурцов, – колись, профессор!

И тот рассказал, что бросание диска в озеро имело место, как и все остальное, до этого момента, а вот насчет рыбака он придумал:

– Уж больно «лыко в строку» было.

На том и расстались, причем профессор сказал, что, если надо, он даст по этому поводу разъяснения, с чем д-р Огурцов и ушел. На кафедре он все рассказал доценту, потом они вдвоем созвонились с давешним криминалистом, после чего машина розыска и следствия закрутилась!

Месяц пробежал быстро. Учеба как-то незаметно пошла к своему логическому концу – то есть к экзаменам, и поэтому положительные эмоции начала учебы как-то плавно сменились на умеренно отрицательные: все хотели домой!

А у доктора Огурцова положительных, а, тем более радостных эмоций было и того меньше: приближался восьмидесятипятилетний юбилей его отца, юбилей, до которого он не дожил три года. И вот за неделю до экзаменов доктор Огурцов открыл ноутбук с намерением почитать тестовые вопросы и неожиданно наткнулся на папочку с рассказами, написанными его отцом. Доктор Огурцов стал их просматривать, потом увлекся и не заметил, как прочитал все, что там было. Они произвели на него сильное впечатление. Он снова перечитал некоторые, и, неожиданно для себя, стал их править. Нет-нет, изложенное он не трогал, он просто кое-где убрал лишние запятые, кое-где немного переставлял слова, исправил описки и опечатки. За

этим приятным трудом он просидел до глубокой ночи. А утром, собираясь на занятия, он неожиданно для себя решил, что надо их отдать в редакцию – может, опубликуют. И, чтобы не передумать, доктор Огурцов в тот же день отобрал пять, с его точки зрения, наиболее удачных рассказов, шалея от собственной смелости и наглости, пошел в редакцию областной газеты. Там их взяли и, мельком глянув, сказали: «Оставляйте, посмотрим!». С тем доктор Огурцов и ушел.

Но литература литературой, а работа оставалась работой, то есть учебной, и последние два-три дня он от учебников не отрывался.

Накануне экзамена доктор Огурцов вдруг вспомнил про циркулярную пилу и спросил у доцента:

– Вячеслав Иванович, а что-то слышно про... ну, тот случай на пруду? Где про рыбака?

Доцент ответил, что он ничего не знает, после чего они битый час звонили в ЭКО УВД, однако ничего толком не услышали, кроме сакраментальной фразы: «Работаем!»

А потом были экзамены, прощание с кафедрой и коллегами, и все разъехались «до дому, до хаты». Уехал и доктор Огурцов. В отличие от первосентябрьской дороги, путь до дома был другим. Все время сыпал мелкий и нудный дождик, а временами пробрасывало снежком, ну а серое, низкое небо, казалось, начиналось сразу над макушками деревьев. Но, несмотря на заунывность погоды, настроение его было неплохим – он ехал домой! А вот уже на следующий день его ждал сюрприз! Когда он пришел на работу, раздался звонок:

– Ну, Дмитрий Иванович, молоток, не ожидал, поздравляю!!! Успехов! – и запикали короткие гудки.

Это было так неожиданно, что доктор Огурцов попросту растерялся и не только ничего сказать не смог, но даже не понял, кто это звонил. Положив трубку, он по стародавней «расейской привычке» залез пятерней в затылок:

– Неужели напечатали? – с удивлением подумал Огурчик и отправил санитаря за газетой в киоск. И, когда тот принес пять номеров газеты, работа в отделении прекратилась – все долго обсуждали написанное. А доктор Огурцов был сильно озадачен быстротой опубликования. Ведь эти рассказы он отдал в редакцию всего-то неделю назад! И вот такая неожиданность! Поздно вечером, когда все семейство доктора утомилось, он тихонько прошел на кухню и в который уже раз перечитал рассказы своего отца. Читая их, он не мог отделаться от странного чувства, что отец стоит рядом и, улыбаясь, смотрит на него!

Закончив чтение, доктор Огурцов подошел к окну и долго-долго смотрел в октябрьскую ночную черноту. Потом открыл холодильник, достал початую бутылку водки. Налив половину стакана и глядя на открытую газету, сказал:

– С днем рождения, папа! За тебя! – выпил одним большим глотком, постоял и, выключив свет, ушел спать.

Прошел еще месяц. Работа отодвинула все мысли о прошедшей учебе и связанными с ней событиями в дальние, дальние закутки памяти, и порой доктору Огурцову казалось, что ничего этого не было. Вот только областная газета с его, доктора Огурцова, рассказами нет-нет, да и возвращали его в дни учебы. Но однажды его туда грубо и бесцеремонно вернул телефонный звонок:

– Дима, привет! – раздался голос профессора. – Хочешь знать, чем закончилась история с кругом от циркулярной пилы?

– Да, говори!

– Позавчера умер мой больной!

– Какой больной? Ты что, до сих пор оперируешь?

– Нет. Я свое уже... отоперировал, умер тот, который сел на пилу.

– Вот тебе и раз... а что случилось?

– Инфаркт. Он же и правда не знал, что убил человека, он не врал. Нет-нет! Он, конечно, слышал, что на их пруду утонул кто-то приезжий, но не более... А после того, как узнал, что он и есть убийца – пусть и невольный – сильно переживал, мучился, вот и слег!

– Но срок давности...

– Да, дело прекратили, но, видимо, совесть у мужика была, вот сердце и не выдержало. То есть я когда-то его спас, а потом я же его и погубил – с твоей, кстати, помощью! Этот диск его все же достал, – и, чуть помолчав, добавил: – Вот так-то, Димон, – и положил трубку.

Сказать, что доктор Огурцов расстроился – значит, ничего не сказать! Он долго-долго сидел у себя на работе, тупо глядя в стенку, а потом так же молча собрался и ушел домой. Он шел, а в голове его крутилась одна и та же мысль: «Он его все-таки догнал, он его догнал! И ты – правдолюбец хренов! – тоже виноват в этом. Ты виноват, ты виноват... ты виноват... Ты! Виноват!...»

После таких новостей он провел практически бессонную ночь, а утром, придя на работу, позвонил бывшему прокурору их района, ныне занимавшему высокий пост заместителя руководителя областного Следственного комитета...

Глава 3

Доктор Огурцов снова ехал в город. Вот только в этот раз не было ни голубого неба, ни отличной дороги, а были высоченные сугробы по обочинам да низкое, серое небо. И такая дорога вполне могла привести водителя не в город, а в никуда, ибо все это создавало эффект белого, монотонно-бесконечного туннеля. И только все та же новая серебристая машина вносила толику уверенности и спокойствия. Заехав в город, доктор Огурцов понял, что худшее было не позади, а именно впереди: все улицы занесе-

ны снегом до такой степени, что по дорогам было не протолкнуться. Так Огурцов своими глазами видел как на центральной улице миллионного города «нива» завязла в снегу и не могла выехать. Так что, пока по таким первобытным улицам он добрался до места назначения – прилично взмок. Потом изрядно попотел пока, парковал свою «вездеходину» в каком-то сугробе, да так, что с трудом открыл дверки, потом, кое-как справившись со снегом и машиной, он вошел в здание и первый, кого он увидел под сводами alma mater, был друг студенческой юности, а ныне профессор и проректор института Игорь Николаевич.

– А тебя-то сюда какими ветром... то есть снегом занесло? – с некоторым удивлением спросил Игорь.

– Ха! – воскликнул Огурцов. – Если бы снегами занесло, я бы фига с два доехал.

– Слушай, – оживленно сказал Игорь, – это не погода, а какой-то кошмар! Я свою «ласточку» уже три недели из гаража не выпускаю. Езда по таким дорогам – сплошное смертоубийство, – и, окинув взглядом Огурцова, сказал, – айда ко мне! Я с часок свободен.

Проведя Огурцова в просторный начальнический кабинет и нажав кнопку селектора, сказал:

– Анна, будьте добры, два кофе, – и, глянув на гостя, уточнил, – а может?... – и он щелкнул пальцем по горлу.

– Нет, нет! – запротестовал Огурцов. – Я за рулем!

– Ну и правильно, ну и молодец, – сказал профессор, снимая с подноса кофейные чашечки, – тебе с сахаром?

– Конечно, – ответил Огурцов, – десять ложечек, пожалуйста... только не размешивай... я сладкого не люблю!

– Узнаю судебно-медицинский юмор, – с постным лицом ответил профессор и, подняв свою чашечку, сказал:

– Ну, Дима, за встречу, – и, попробовав, поморщился, – опять пожадничала, не кофе, а чуть подкрашенная водичка! А вот скажи, друг дорогой...

– Скоро ли я из Мухосранска уеду? Да?

– Да, нет, я о другом! Был у меня один случай...

– погоди, Игорь Николаевич, – перебил его Огурцов, – теперь моя очередь... случай поведать! – и, откашлявшись, начал:

– Лет пятнадцать назад в одном районе молодой парень сел задом на самодельную циркулярную пилу, когда пилил доски и...

– ...и я по твоей загадочной морде сразу понял, что у тебя какая-то... гадость в рукаве, понял, что ты собираешься обмазать ею блестящего хирурга и маститого профессора!

– Не обмазать, а вывести на правильную дорогу, зажечь, так сказать, пред заблудшим профессором свет правды, чтоб истина воссияла...

– Ладно, понял! Зажигай... Прометей хренов!

Доктор Огурцов встал и прошелся по кабинету, обдумывая с чего начать.

– Ну, давай уже, начинай... лектор!

– Значит так, герр профессор, с первой частью истории вы знакомы?

– А где, товарищ Прометей, заканчивается первая часть и начинается вторая?

– Итак, первая часть это: проверка прочности вращающегося круга циркулярной пилы методом остановки ягодичной мышцей. Неудачная проверка, кстати! Затем героическая и сложнейшая операция по...

– Хватит! – стукнул профессор ладонью по столу. – Про свои подвиги я и сам знаю, где...

– В общем, все про этот злосчастный диск правда: и про руку отрезанную, и про газовую гангрену... Одно уточнение: диск выбросил в озеро отец «гангренного» мальчика, а не... твой пациент. И это – решающий момент во всей истории!

– Позвольте узнать, почему?

– А вот почему. Еще когда второй брат почти отпилил себе левую руку, старший стал у него этот диск выпрашивать, мол, отдай, зачем он тебе, путь уж лучше у меня лежит и так далее.

– Так зачем же он его продал в свое время? Что изменилось?

– А просто за это время он узнал, что диск был сделан еще в 20-е годы самим Раймондом Деволтом⁴ и что у коллекционеров он стоит бешеных денег! Вот и представь теперь: он столько времени у брата клянчил эту пилу и вдруг приходит и узнает, что тот ее только что выкинул в воду! Ох, как же он орал! Потом успокоился и потянул братца на берег, чтобы тот показал, куда и с какой силой закинул пилу.

– Как же он там ее рассчитывал найти? Там же море камыша, тины...

– Но там и куча островков, – перебил его доктор Огурцов, – короче, взял он чью-то лодку, поплыл... и наткнулся на рыбака, в лодке которого и увидел пилу. Она, оказывается, пролетела совсем рядом с головой того и упала на малюсенький островок, что был в метре от лодки рыбака. Ну, он ее, конечно, подобрал. И у них состоялся примерно такой разговор:

– Отдай, моя!

– Нет!

– Продай!

– Отвали! – отрезал рыбак, и это было его последнее слово. Чаша терпения у «просителя» переполнилась, и он, схватив лежащий на борту круг, ожесточенно ударил рыбака по шее! Итог: рана, кровотечение, падение в воду! А убийца сбежал. Вот так этот диск добился своего – сначала он просто пил кровь, а потом и человека увел из нашего мира.

⁴ Раймонд Деволт – талантливый инженер-конструктор в 1922 году сконструировал первую в мире радиально-консольную пилу, увеличившую производительность труда и точность работы.

– М-да... – сказал профессор, – красиво!... Но ведь ты же эксперт, Огурчик! Где доказательства, где? Или это твои домыслы?

– Нет, не домыслы! Это материалы уголовного дела. Кстати, – оживился доктор Огурцов, – когда нынешние опера стали читать материалы уголовного дела, оказалось, что ни один из братьев в поле зрения правоохранителей не попал, то есть их никто не видел и, соответственно, не допрашивал.

– Р-а-а-аботнички, – ехидно отозвался профессор.

– Да, ничего удивительного. Берег там, как ты, должно быть, помнишь, пустынный, расположен за огородами деревни, на которых никого в ту пору не было, ну, а рыбаки смотрели на поплавки в воде, а не на окружающую природу. Правда, как потом оказалось, один человек все же видел, как все это произошло.

– Ну-ка, ну-ка! – воскликнул профессор.

– Дойдем и до этого, – ответил Огурцов и продолжил: – В дальнейших событиях большую роль сыграли два фактора. Первый: прямолинейность «сотрудников». А второй – вражда между братьями. Когда оперативники сказали Меченому, что он, кинув диск, убил человека, тот рассмеялся и честно, вполне искренне ответил: «Идите... к братцу! Диск кидал он, вот он и убил!». А когда оперативники пришли ко второму брату, тот все им и выложил: «Да, я кинул, да, в озеро, но убил не я. Мой брат потом бегал туда искать этот диск! Он мог и убить». Потом Меченого ознакомили с положением об истечении срока давности за совершенное преступление, и тогда он сознался что, да, это он, что это произошло случайно, что он не хотел, что испугался, – и рассказал, как все это тогда произошло.

– И что? До сих пор признание есть «царица доказательств»? – ехидно осведомился профессор, вытаскивая из стола бутылку с надписью «Коньяк». Налив себе крохотную рюмочку, он ее медленно выцедил и блаженно вздохнув, сказал:

– А тебе нельзя, так что, облизнись и скажуй дальше!

– Конечно, этого недостаточно, нужны доказательства, кто ж спорит? Сначала следствие решило изъять пилу, но убийца сказал: «Хотите – верьте, хотите – нет, но я не знаю, куда пила подевалась, – и добавил: – Когда рыбак схватился за шест, я схватил первое, что подвернулось под руку – это и была пила – ну и попал ему по шее... В общем, кровью так шибануло, что я про пилу и не вспомнил даже. Да и как добрался до берега – тоже не помню. Там я искупался, помылся и, когда одевался, увидел, что пилы-то нет! Да мне после случившегося не до пилы было!»

Следователь после долгих раздумий решил, что диск все равно надо найти. Тогда они тщательно допросили подозреваемого, и он показал на месте, где, как и куда он плыл, а также подробно описал диск. Основными приметами были надпись DeWalt и отсутствие зуба над какой-то буквой.

Через недельку доставили аппаратуру – какие-то магнитометры, подводные телевизоры, что-то еще – и стали искать. И, пока ждали эту технику, оперативные работники, ненавязчиво так, работали с подозреваемым. Почти каждый день оперативники беседовали с ним, создавая этакую непринужденную обстановку: чай, кофе, похлопывания по плечу, со словами: «Ну, ты молодец, правильно, что сознался, не каждый способен на такой поступок... и нам помог, да и сам душу облегчил». И Меченый стал себя чувствовать в розыске чуть ли не своим, даже порой покрикивал на оперов.

– А зачем им это надо было?

– Зачем? Ну, не знаю... скорее всего создали некую доверительную обстановку, чтоб он был внутренне расслаблен. И это принесло свои плоды, – задумчиво сказал Огурцов.

– То есть еще не все? – спросил профессор.

– Да, нет, не все! – и снова помолчав, Огурчик продолжил:

– Пока ждали аппаратуру, к начальнику розыска обратился сержант полиции – молодой парень, недавно принятый на службу. Он, показывая на вышедшего из кабинета человека, спросил, кто это такой, и в ответ на вежливый интерес начальника – А тебе-то на хрена это знать? – рассказал старому оперу, что давно, когда ему было десять лет, он с другом играл на берегу пруда – кораблики запускали. И тогда они видели, что недалеко от них, какой-то мужик купался в холодной еще воде и стирал одежду. И этот мужик, что вышел от вас, – и сержант ткнул пальцем в сторону коридора, – сильно похож на того дядьку. И еще, – добавил сержант, – у него была хорошая примета: правая ягодица была сильно деформирована. Спросил, есть ли у этого такое, на что оперативник ответил, что штаны с него он не снимал, и добавил, что для этого придется вести его в баню. А потом опер подумал немного и поинтересовался у сержанта, не путает ли он чего и попросил уточнить, в каком году это было. И сержант дал четкий ответ: «Это было в ту весну, когда без вести пропал дедушка».

После этого оперативники призадумались. Подняв материалы, они выяснили, что в то же время, когда убили рыбака, пропал еще и местный житель – старый дедушка. Он работал на огороде – досаживал картофель. Ближе к вечеру дедушка собрался и, не говоря ни слова, куда-то пошел. Больше его никто не видел. И до сих пор он числится как без вести пропавший, – закончил доктор Огурцов.

– Ты что, намекаешь, что мой пациент причастен и к этому исчезновению?

– Да, намекаю, – ответил Огурцов и, собравшись с мыслями, продолжил:

– Начальник розыска, обдумав информацию, пошел к следователю, и они предположили, что к исчезновению деда причастен тот же, кто и рыбака убил, – то есть твой

бывший пациент, та самая невинная овечка, – сказал доктор Огурцов. – Перед оперативниками замаячила перспектива раскрытия еще одной «темнухи». После совещания они так и решили организовать баню – не даром создали полуприятельские и доверительные отношения с подозреваемым. Вот там-то они и раскрутили Меченого!

– Ага, так он и сознался, – скептически сказал профессор, – небось, головой в печку пихали?

– Да нет, просто на фоне всеобщего благодушия и расслабухи, начальник розыска отставил пиво и, пристально глядя на подозреваемого, спросил: – Вот что, теперь осталось у тебя узнать последнее: как ты убил того деда и куда дел труп?

И твой пациент от неожиданности ляпнул:

– А откуда вы...

– Откуда знаем? – весело переспросил опер, – а вот тот парнишка тебя опознал! Помнишь, там, на берегу, когда ты купался и отмывался от крови, были мальчишки? Вот это один из них!

– И твой пациент раскололся, потом еще и показал, куда закопал труп убитого. А это мог знать, как сам понимаешь, только причастный, то есть убийца!

– А его-то он зачем? – хмуро осведомился профессор.

– Да все просто! Этот дедок видел со своего огорода, как убили рыбака. Он видел того, кто его убил. Поэтому, подумав до следующего утра, он решил...

– Что решил? – весело спросил у профессора Огурчик.

– Я полагаю, шантажировать! – хмуро сказал профессор.

– Именно! Твой пациент был справный хозяин, достаточно зажиточный, и дедушка решил пожитьяся.

– Да, еще про этот злосчастный диск! Когда привезли нужную аппаратуру, то быстро определили наличие металла в трех местах на дне озера. Водолазы все это доставили, и одним из этих металлических предметов, действительно, был диск от циркулярной пилы...

Вот только это был не тот диск. Он ни по размерам, ни по приметам не совпадал с тем, иностранным. А того диска, что описал... первый пострадавший от него, там не нашли! Вот так, – закончил свой рассказ доктор Огурцов и, встав с кресла, сказал:

– Я, пожалуй, пойду, а то ехать назад по темноте, да по такой погоде совсем не хочется.

– Да-а-а, «жисть-жистянка, медный грош», – ответил профессор и, выплеснув в рот остатки коньяка, подошел к окну. Задумчиво посмотрев в снежное пространство, сказал:

– По такой погоде, да еще по темноте ехать не кошерно. Согласен! – и, повернувшись, спросил:

– А все-таки от чего мой бывший пациент умер? Я подозреваю, что и в этом случае не все так просто?

– Официальное заключение – инфаркт миокарда!

– А неофициальное? – прищурившись, спросил профессор.

– А неофициальное мнение, похоже, другое. По крайней мере, у следствия. На той неделе было вынесено постановление об эксгумации трупа твоего бывшего пациента.

– И что?

– А вот итогов я не знаю. Результатов повторного исследования трупа еще нет. Но есть один интересный факт: когда труп эксгумировали, и открыли гроб, то увидели на груди мертвого человека... диск от циркулярной пилы с хорошо различимой надписью DeWalt.

Глава 4

С того памятного разговора прошла вся зима – долгая, сибирская зима. Правда, уже бесснежная, ибо все свои запасы она выложила в ноябре, и к половине декабря они закончились.

Вот поэтому накануне Восьмого марта снег был серый, грязный и весьма неприглядный. За три прошедших месяца доктор Огурцов не раз мысленно возвращался к тому разговору с профессором, частенько прикидывал, что же дала эксгумация, каковы ее итоги. Пару раз его так и подмывало звякнуть в город своему высокопоставленному знакомому, но... не звонил, чувствуя, что это перебор. Разговаривал, он и с профессором, но тот ничего нового не знал. Понемногу доктор Огурцов стал об этом забывать, решив, что «...есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», и постепенно успокоился, его любопытство пошло на убыль. Тем бы все и кончилось, но вмешался Господин Случай по имени Евгений Владимирович Буранцев. Он когда-то работал в Следственном комитете их городка, но затем перевелся в город. Встрече оба обрадовались и, расспросив друга о «том, как дела», Огурцов спросил, скоро ли Евгений станет генералом? Вот тогда-то он и узнал, что подполковник Буранцев уже полгода работает руководителем Комитета в... Кировском районе.

– Во как интересно! – воскликнул Огурцов, – а тогда расскажи, чем закончилась та история с диском от циркулярной пилы, Меченым и двумя трупами?

– А ты откуда это знаешь, – прищурился Евгений, – кто протрепался???

– Тот, кто протрепался, перед тобой отчитываться не должен, – самодовольно ответил Огурцов и кратко рассказал, что он знает и от кого. Евгений успокоился, и они прошли в машину Огурцова, там Евгений и рассказал, что у деда, которого Меченый убил и закопал, был сын – вор-рецидивист...

Начальник Кировской исправительной колонии подполковник Дучек Иван Аристархович с утра был сильно не в духе. В колонии уже пару недель не утихали беспо-

рядки. Нет-нет, никто грубо не хамил, не было открытых и явных выступлений «контингента», но каждый день, что-то происходило: то беспричинный отказ от выхода на работу, то открытое неповиновение некоторых осужденных. Штрафной изолятор был переполнен и, что самое главное, ни опера, ни «стукачи» не могли выяснить, что явилось причиной такой «ползучей контрреволюции» – как окрестил эту ситуацию начальник, и кто за всем этим стоял. Да еще накануне позвонили из города: едут проверяющие. Обычно о таких проверках сообщают в начале месяца, а тут...

– Разрешите? – раздался голос секретаря, – и в большой кабинет «Хозяина» зашел прапорщик.

– Кофе... Сахар покласть? – спросил секретарь, снимая с подноса кружечки, чашечки и вазочки – всегдашний завтрак начальника.

– Ну, когда ты научишься? – поморщился подполковник. – Не «покласть», а положить! Выгоню на хрен, если еще раз услышу... Покласть! – сердито повторил он и, пригубив из полулитровой кружки черную жидкость, довольно крякнул:

– Хоть кофе приличный... Маладэц! – и, сделав еще пару глотков, спросил:

– Что нового слышно?

– В седьмом отряде драка – двое потерпевших. У одного пустяк – рука порезана, а второму башку разбили. В медчасти пока лежит. Фельдшер звонила в Кировск, в больничку, советовалась...

– Отставить звонки – срочно конвой, берите зека и в райбольницу! – рывкнул подполковник. – Нам еще не хватало жмурика, – пробормотал он и взялся за трубку. – Что еще? – спросил он, набирая номер внутреннего телефона.

– У осужденного Капелько отец умер, он просится к вам, за разрешением...

– Капелько... Капелько, – пробормотал подполковник,

вспоминая, – так у него же не было отца. Если не ошибаюсь, он без вести пропал много лет назад? – и, задумчиво посмотрев на секретаря, сказал:

– Капельку эту самую... накапай ко мне через полчаса, а я пока в Кировск, в ментуру позвоню.

Подполковник Дучек стоял у окна своего кабинета и, раздвинув полоски новомодного жалюзи, смотрел, как осужденный Капелько проходил через КПП.

– Нет, ты только глянь, капитан, – повернулся к стоящему рядом с ним молодому мужчине в штатском, – ведь только час назад выдали этому Капельке разрешение на недельный отпуск, а машина уже тут как тут! Пробей через гаишников тачку.

– Судя по номерам, она зарегистрирована в городе, – ответил капитан и, достав телефон, что-то проговорил в трубку. – ...Так, так, ага... понял. Товарищ полковник, этот «крузак» принадлежит Капелько-младшему, сыну...

– ...дважды судимому! У нас оба раза чалился, – и, помолчав, сказал: – Почему-то появилось поганое чувство: а не свалял ли я дурака, отпустив эту Капельку? – Пройдя к столу, сказал:

– Ты, капитан, дай команду, своим операм, чтоб приглядели за ним как следует, а то не дай бог...

– Сделаем!

Авторитетный вор Капля подошел к ожидавшей его машине в дурном настроении. Пробурчав нечто невнятное в ответ на радостные вопли встречавших, он хмуро поинтересовался:

– Вы все с кентами перетерли, выяснили, что произошло с папахеном? А то я уж и не думал, что узнаю, где могилка его. Хоть известно, от чего он умер?

Сидевший за рулем автомобиля, мельком глянув на Каплю, сказал:

– Значит так: есть в Кировске такой жук с погонялом Трехжо.. ый... или Меченый...

– Это что за погоняло? Петух, что ли?

– Нет, он по молодости сел на циркулярную пилу, вот у него вместо двух стало три полужо... цы.

– А-а-а, че-то такое помню, рассказывали. И что дальше?

– А дальше? Дальше было вот что: пятнадцать лет назад он на озере мочканул рыбачка, и твой папахен это случайно видел. Как потом выяснили, то место, где Меченый убивал, было видно только с огорода твоего папахена. Но ты своего папахена знаешь лучше. Как ты думаешь, что он сделал?

– Ну, ясен пень, не в ментовку пошел, его туда только под конвоем можно было затащить. Значит, он пошел к Меченому?

– Ага, пошел! И тонко намекнул, что видел, кто и как убил рыбака, и стал требовать компенсацию за «моральные издержки» – как аблакаты сейчас говорят! А Меченый был нервный после того рыбака, потому он без долгих слов отоварил твоего папашу по кумполу. Благо никто этого не видел. Потом выждал время, погрузил ночью тело в свою тачку, отвез к Змеиной горке и закопал. – Немного помолчав, он достал из кармана бумажку и протянул ее Капле: – На, читай:

Капля мельком глянул на бумажку и повернулся к сидевшим сзади парням:

– А что это значит: «Вдавленный, дырчатый перелом лобной кости?»

– Как объяснил наш хирург в областной больнице, ударили по голове чем-то небольшим, но увесистым, чем-то типа молотка...

– Молотка, говоришь? – нехорошо прищурившись, произнес Капля, – ну-ну... будет тебе белка, будет и... молоток!

– И что думаешь предпринять? Ведь срок давности миновал.

– Это он для крючкотворов судейских миновал, а для меня нет. И точка!

Капля долго молчал, а потом сказал:

– Значит так: я иду в ментовку и предъявляю документы. Они обязаны выдать заключение о причине смерти. Потом хороню папаню и уезжаю, – сказав это, Капля замолчал, потом засмеялся, видя ошарашенные морды спутников: – Для ментов уезжаю, чтобы они видели. А там посмотрим! – и чуть помолчав, задумчиво произнес, – значит, молотком! Ладна-а-а...

– В общем, все произошло так, как и сказал Капля: присутствовал, проводил, помянул и... уехал.

– Как я полагаю, недалеко... уехал? – спросил Огурцов.

– Правильно полагаешь. Километрах в двадцати его ждал УАЗик с парочкой мордovorотов. Капля пересел, и они поехали назад...

– ...а «крузер», как ни в чем не бывало, укатил в Город?

– Ага. Наши опера этот момент прощелкали, не засекли, что Капля вернулся. А бандюганы дождались Меченого, повязали, увели в гараж, заткнули рот и стали ждать. Вот прикинь, Иваныч: темнота, тишина... все молчат и никак не реагируют на мычание пленника. Только, когда тот сильно задергался, один из бандитов молча вытащил нож и приставил ему к шее:

– Вякнешь – умрешь!

А потом, в полной тишине заскрипела дверь, и в гараж кто-то зашел, немного постоял у самой двери, а потом шагнул на свет:

– Узнаешь? – спросил он, и один из бандитов выдернул кляп. Меченый стоял молча, всматриваясь в лицо вошедшего, потом отступил назад в явном испуге.

– А-а-а, Капелюх... – тонко заскулил пленник, – я же тебя убил, ты же мертвый.

– А вот выкапывать не надо было... я ожил и пришел тебя... – и не договорив, вытащил из-за спины руку, в которой был зажат молоток!

– Ага, я понял, почему возникла необходимость эксгумировать труп, – азартно сказал Огурцов, – вот только почему при первичном вскрытии трупа не нашли следов воздействия молотка.

– Понял-то ты понял, да не совсем правильно понял, – с усмешкой ответил Буранцев, – имей терпение выслушать! – И, не делая паузы, сказал:

– Вот представь картину: ночь, полутьма, мордovorоты устрашающего вида и голос, постоянно его преследующий по ночам, – голос убитого им старика. Прикинь, что Меченый чувствовал все эти годы и что он испытал в последний миг своей жизни, услышав этот голос наяву. А когда Капля вошел через полуоткрытую дверь в гараж, и пленник его увидел, то он заорал так, что услышали на другом конце деревни. Заорал и упал! Вот и инфаркт! И никаких ударов молотком!

– Так... зачем эксгумация-то была нужна?

– Ну, – удивленно сказал следователь, – сам-то прикинь: когда похоронили от инфаркта, стало известно, что воровской авторитет Капля – сын убитого, находился в том же гараже и в то же время. Плюс – жалобы родственников умершего. Основания для проведения эксгумации – более чем достаточные, не находишь?

– Нахожу! Сделали и... обгадились! – злорадно констатировал доктор Огурцов и, помолчав, снова спросил:

– А при чем здесь диск? Он-то откуда взялся? И куда делся?

Следователь Буранцев вышел из машины и сказал:

– Диск? А леший его знает, что за диск и откуда он вообще взялся. Меченый уже сказать не мог, и кто его положил в гроб – мы тоже не выясняли. Нам это не интересно, – и, внезапно оживившись, сказал:

– Вот что интересно! Недели через три авторитет Капля умер в областной больнице от сепсиса. Как сказал один из братков, что был с ним в тот вечер в гараже, Капля поскользнулся на чем-то и упал, и порезал руку! Как он сказал – о «циркулярку». А что за циркулярка такая, я не знаю! Вот и вся история.

СЛУЧАЙНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ, ИЛИ...

Дни сочтены, утрат не перечешь,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

Федор Тютчев

– Нет, вот ты кто? Ты судебный медик, так? Вот ты мне и скажи: почему так происходит? Почему одни – порядочные, хорошие, умные и работающие, гибнут, а пропойцы и алкаши живут-поживают и, кроме как пить, пить и пить – ничего не могут и не хотят? – с пьяной экспрессией спросил доктор Перцев. Потом, всхлипнув, опрокинул в рот остатки жидкости из стакана и тоскливо повторил, – и, кроме этого, ничего не хотят и не могут! Почему так? Почему? – с надрывом воскликнул он и, опустив голову на сложенные на столе руки, захрапел.

– Да-а-а, – проговорил доктор Огурцов, приподнимая друга под руки и с натугой перенося того на кушетку, – не сладко нашему Перчику!

– Так кому же с похмелья сладко? – ответил коллега, судмедэксперт из соседнего района, только что заехавший по дороге домой к Огурцову.

– Да нет, – с легкой досадой ответил тот, – у него погибла старшая сестра с дочерью. Автодорожка. И все, как говорится, произошло-на ровном месте: и дорога безлюдная, и скорость невысокая... Лобовое столкновение с выскочившей на «встречку» «Волгой»! Хоронили в закрытых гробах. Вот он третий день и... поминает!

– А-а-а, – присвистнул коллега, – тогда понятно... хотя это вашему Перчику не поможет, – и, помолчав, сказал:

– Вот меня всегда поражала неожиданность смерти! Вот, смотри, возьмем молодого человека: он проснулся утром, полежал, прикинул планы на день, может на неде-

лю, улыбнулся мыслям о скором отпуске и, молодой, здоровый, полный сил, идет из дому и все! Появляется лихач-мотоциклист... И вечером парня домой привозят в гробу. И вся его жизнь с ее планами, любовью и ненавистью, с желаниями и мыслями *исчезает!* Навсегда исчезает... Почему???

– Ну, на это еще Булгаков, языком своего героя Воланда, ответил, – сказал Огурцов, но тут же добавил: – Хотя, одно дело читать кем-то сказанное и совсем другое дело видеть подобное в повседневной жизни...

– ...и довольно часто! – добавил коллега и, подойдя к окну, сказал: – Но, бывает и наоборот! Хочешь, расскажу историю... – но зазвеневший телефон прервал его слова.

Огурцов на правах хозяина кабинета взял трубку и недолго слушал. Потом сказал «хорошо», и положив трубку, хмуро произнес:

– Труп на железной дороге... Через пятнадцать минут заедут.

– Значит, через полчаса, не раньше! Рассказываю?

– Валяй!

– Сия история случилась ровно десять лет назад, – начал коллега, – и расскажу я о своем друге. Он, как и мы, врач. Хороший врач, грамотный! Пациенты к нему валом валили. Но было одно «но»... Он пил! Нельзя сказать, что по-черному, но легко мог на неделю «в вираж уйти». Временами давал клятвы «бросить». Но проходило какое-то время и... В общем, все банально и до боли знакомо. И вот как-то пришлось нам вместе выпивать – День медицинского работника! – и он, как обычно, «надрался», причем весьма сильно. Я, как ты знаешь, не «употребляю» и на какой-то момент выпустил его из вида. И вдруг, слышу на улице громкий, на высоких тонах, разговор. Выглянув, увидел, что он садится в машину, но друзья не пускают. А он все равно рвется за руль – ехать куда-то надо! Я тоже подошел и стал предлагать увезти его домой. А он пья-

ным-пьяной, послал всех по матери и по газам. Было уже около 23 часов. Мы посудачили и стали расходиться, сформировав общее мнение: Боженька бережет дураков и пьяных. Авось, доедет до дома...

Ночью меня разбудил стук в окно. Я, глянув на часы, выругался. Было ровно три часа, темень страшная, плюс ветер порывами – знаешь, такой предгрозовой. Я глянул в окно, а там мой коллега, но, боже мой, в каком виде!!! Нет, нет, он не побитый и не в крови. Просто лицо его было до такой степени искажено, что я его не сразу и узнал. Еще успел подумать, что он, пьяный, сбил кого-то... Провел его на кухню и предложил «похмелиться». Видел бы ты Дима его гримасу: нет-нет, нет! – буквально заорал он и поведал историю своей поездки: «Помню, как у меня ключи отбирали, помню, как сел в машину, помню, что поехал домой... все! Больше ничего не помню. Понимаешь: ни-че-го! И вот, представь: пришел в себя и понимаю что я куда-то еду, а вот куда еду и самое главное – где еду? Ну, остановился. И только минут через пять понял – это пригород областного города! Вот тут-то меня прошибло по-настоящему! Я абсолютно не помню, как ехал в город – а ведь это сто без малого километров по федеральной трассе! – Понимаешь – ничего не помню!»

Вот после этого он совсем бросил пить! Совсем! Такое глубокое впечатление произвел этот случай! Он так и сказал потом: «значит Ему, – и он показал пальцем вверх, – ...я для чего-то нужен. Он дал мне это понять!». К чему я это тебе рассказал? А все к тому же: почему одни гибнут, не успев проехать и сто метров, а другие, пьяные вусмерть... Понимаешь? – спросил он, пытливо глядя на судмедэксперта Огурцова.

А вот ответить Огурчик не успел, ибо под дверьми заигнала машина и вошедший оперативник сказал:

– Иваныч, время! Поехали! – и доктор Огурцов, пожав руку своему коллеге, пошел работать. Доктора же Перцева он сдал под наблюдение санитарки:

– Проснется, налей и пусть дальше спит! – и протянул ей бутылочку с прозрачной жидкостью.

Дорога до места происшествия была довольно долгой, и доктор Огурцов успел пересказать случай о «пьяной поездке», после чего все участники опергруппы увлеченно принялись обсуждать вопросы случайности и закономерности в жизни человека, и почему они происходят. Почему одним «везет», другим же нет? Были выдвинуты различные точки зрения как в ту, так и в другую сторону. Эти разговоры не прекратились и после того, как машина остановилась, и все полезли к железнодорожным путям. И только, когда шедший впереди оперативник, первым поднявшийся на высокую насыпь, сказал, глядя куда-то вниз:

– А вот этому дяденьке... кажется, дяденьке... явно не повезло! – и, прикрыв рот рукой, стал издавать характерные утробные звуки.

И только тогда споры прекратились, а старый опер сказал: – Молодой ишшо, – презрительно скривил губы, – сейчас он там все заблюет!

Поднявшийся следом судмедэксперт Огурцов радостных эмоций при виде того, что еще совсем недавно было человеком, тоже не испытал, но работа есть работа, и он стал готовиться к осмотру останков. Разрушения, конечно, были ужасны. Но в этих случаях одна из главных задач, установить, была ли это железнодорожная травма или под поезд подложили уже труп. И он, осматривая труп, краем уха слушал реплики оперативников и...

– Господа! – сказал доктор Огурцов, – п-а-апрашу всех подойти ко мне. – И, когда все подтянулись, он спросил:

– Хотите новость, которая вас, несомненно, обрадует? Вот здесь имеет место огнестрельное пулевое ранение головы, – и продемонстрировал маленькую, круглую дырочку на сохранившейся кости свода черепа. Следователь выругался, и началась работа! От былой вальяжности некоторых не осталось и следа... Все сотрудники тут же забы-

ли, что их тошнит, что это неприятно. Криминалист взялся за видеокамеру, а участковый с оперативником отправились за понятыми в поселок. Вскоре они вернулись, но почему-то с одним понятым. А вот второго – не было:

– Так, а что? – оправдывался перед следователем молоденький участковый. – Там одни бабки древние, да еще один... он тридцать лет отсидел! Недавно освободился. Сказал, что ему запахло... с ментами... не пойдет.

– Факт! – подтвердил пришедший понятой, мужичок неопределенного возраста: – Барсук точно не пойдет!

– Барсук, говорите? – переспросил начальник розыска, – Барсук не пойдет, это точно!

– Петрович, сходи, пригласи, – попросил следователь, – ты ж его знаешь?

– Знать-то знаю, – ответил опер и, поплевав на догоревшую сигаретку, пошел к домикам.

В общем, его не было минут сорок, а потом он появился с понятым по кличке Барсук. Это был довольно невзрачный мужичок, чем-то неуловимо напоминавший Василия Шукшина из «Калины красной».

– Начальник, скажи спасибо Петровичу! Если бы не он... – и, не закончив фразы, «Шукшин» стал падать назад. Доктор Огурцов еще успел подумать: «Как бы затылком об рельс не ударился...», но тут раздался истошный крик:

– Всем лежать!!! – и кто-то так толкнул доктора, что он сам чуть было не въехал лицом в тот самый рельс.

– Какого хрена... – начал было Огурцов, но снова услышал крик:

– Всем лежать! Стреляют из хутора! Доктор! – крикнул следователь, – ты живой? Перепрыгивай под насыпь... где машина!

Вскоре вся опергруппа собралась внизу, а убитый Барсук лежал между железнодорожными путями, и его открытые глаза смотрели вверх, на низкие, серые облака, но они уже ничего и никого не видели. А может, и видели, но

только то, что никому из живых видеть не дано! До поры до времени не дано!

– Петрович, – крикнул молоденький опер, помахивая мобильным телефоном, – связи нет.

– А связь только с той стороны дороги есть, – заметил понятой.

– Кто стрелял, случайно не знаешь? – спросил следователь.

– Так че же не знать-то? Это Чечен, больше некому, – уверенно сказал тот.

Из дальнейших расспросов выяснили, что Чечен – это Володька Грибов. Он воевал в Чечне, ранен, и с головой у него не все в порядке.

– Недавно из «дурки» выписали. Вот только откуда у парня винтарь? Вроде не было раньше.

– Иван Николаевич, – раздался из УАЗика голос водителя, – товарищ следователь, из города СОБР по тревоге выехал. Сказали, что через час будут.

Следователь и начальник розыска переглянулись:

– Вот лопухи! Мальчишка и то сообразил про рацию, а мы-то, два дурня. Напиши рапорт – пусть поощрят парня! – сказал следователь и тут же спросил, глядя на пистолет, появившийся в руке опера:

– Ты что задумал?

– А сам не догадаешься? Я как-никак тоже в Чечне побывал и тоже кое-что видел! – не договорив, встал и вместе с участковым пошел куда-то в сторону. «Там роща... можно незаметно перейти через пути», – сообразил Огурцов, а вслух спросил:

– Надо бы... Барсука осмотреть. Может, живой еще?

– Осмотришь, когда вскрывать будешь! Ему пуля в лоб угодила – так что, навряд ли он живой, – ответил следователь.

– Зато убийство уже, считай, раскрыто, – заметил Огурцов.

– М-да... раскрыто! Знал бы ты, доктор, сколько писанины и отписок теперь потребуется! Вагон и маленькая тележка. Уж лучше работать по раскрытию, чем... – и тут раздался сухой щелчок выстрела... потом второй, и все сначала замерли, а потом дружно рванули вверх, причем в уме доктор Огурцов машинально отметил: «Это пистолет, это не винтарь». Быстро переметнувшись через железнодорожное полотно, четверо побежали к домикам, а доктор Огурцов задержался у Барсука и сразу понял, что это труп и «трупее» не бывает. И вдруг он подумал: «Вот он опять случай! Барсук идти не хотел и пришел без обычного воровского гонора. Он был испуган, просто испуган!» И эта мысль, то ли на фоне сегодняшних рассказов, то ли какой-то своей внутренней напряженностью, произвела на доктора Огурцова огромное впечатление. Он даже не очень и заинтересовался тем, как приехал СОБР, и что они делали. Только когда Володьку Грибова пересаживали в автозак, Огурцов спросил у него:

– А скажи, почему ты именно Барсука убил? Не меня, не следователя, а именно его?

Володька повернул голову к доктору и сказал:

– Он же черный, он весь черный! Такие жить не должны!

– Да какой же он черный? Он же седой? – недоуменно спросил доктор.

– У него душа черная! – твердо ответил Грибов и сел в машину, а подошедший начальник розыска, потянув Огурцова за руку, сказал:

– Барсук убил трех человек, за что и тянул двадцатник. Он убийца – вот что парень имел в виду!

Потом автозак уехал. Уехали и бойцы СОБРа. Было уже около 19 часов, когда опергруппа наконец-то закончила свое дело и тоже уехала. В машине, которую немилосердно трясло на ухабах сельской дороги, стояла тишина. И только когда вырулили на асфальт, кто-то сказал:

– Вот это случай, так случай! И именно мы привели его под пулю, – и все снова замолкли, а через пару минут доктор Огурцов сказал:

– Лет десять тому назад мы с друзьями регулярно ходили в баню – традиция у нас такая: каждую субботу ходить в баню. И вот, сидим мы на верхнем полке, греемся, потеем, веничками постукиваемся, и тут в парилку заходят четверо хорошо поддатых парней. Веселые-развеселые: шутки, сомнительные анекдоты, гогот. Все как обычно. И вот слышится бодрое предложение.

– Ну что, по пять капель? – и все подались на выход, обсуждая животрепещущий вопрос: пиво или водка? Водка или пиво?

И дискутируя, они потянулись из парной. А один чуток задержался и кинулся их догонять. А сам-то поддатенький, а пол мокрый, вот он и поскользнулся. И упал. Да не просто упал, а на спину, да еще и выгнулся так, что именно головой приложился о бетонный пол! Затылком, да со всего маху! Представили? При этом слышится такой характерный мокрый стук, что я аж глаза на пару секунд закрыл, и представив разлетевшийся череп и лужу крови! – сказал, передернувшись, Огурцов. – Когда же я посмотрел на него, то парень все еще лежал с закрытыми глазами. А вот крови не было. Парни его стали трясти: мол, че ты, Вася, вставай, не придуривайся! И все это с теми же пьяными шуточками. Я тоже стал подниматься – помощь-то надо оказать, и в этот момент парень как «заржет»:

– Ха-ха-ха! – и, вскочив, весело говорит:

– Как я вас наколол, а?

Доктор Огурцов немного помолчал и сказал:

– Я до сих пор помню тот мокрый звук раскалывающегося черепа! Б-р-р!

– Но череп-то цел? – спросил кто-то.

– Да, череп цел.

– Вот это и есть правило о пьяных и дураках! Любой

другой непременно бы тяжело травмировался... – начал было Огурцов, но, увидев, что машина уже стоит возле дома, попрощался, вылез и, захлопнув дверцу, двинулся к калитке дома.

– Димон, – услышал он голос, – а я уж тебя заждался! У тебя спирт есть? – Огурцов оглянувшись, увидел сидящего чуть в сторонке доктора Перцева – синего с... пересыпу, надо полагать!

– А куда ж ему деться? Есть, конечно! Заходи...

ЭХО МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ...

Мы ни разу свои ордена не наденем
И в парадном строю вдоль трибун не пройдем.
Мы погибли, но мы и погибшие верим:
Не забудет история наших имен.

Степан Калашиников

Доктор Огурцов любил свою работу. И, если не вдаваться в «высокие материи» о помощи правосудию, о выявлении убийств, о «разоблачении» лживых и неточных показаний подсудимых в судах, то не менее важными в работе были ее простые, обыденные дела, в частности, неравномерность работы, вернее, неравномерность ее нагрузки. Вот бывает так, что в отделении наступает тишина. В морг никто не поступает – все заняты, умирать некогда. Не приходят и побитые граждане в черных очках, задающие однотипные и в чем-то философские вопросы:

– А побои здесь снимают? – на которые временами хочется ответить отнюдь не по-философски!

Такие промежутки безделья могут длиться дня три-четыре, очень редко – неделю. За это время коллектив успевает сделать и закончить все то, до чего ранее не доходили руки. А уж чаем-кофе облиться – это непременно. И, чем дольше продолжается такое безделье, тем сильнее предчувствие приближающихся неприятностей – в смысле работы – ибо баланс должен быть соблюден. Вот и в этот раз, всю неделю конкретной работы практически не было, поэтому в пятницу доктор Огурцов уходил домой с четким ощущением «Ну, вот, лафа закончилась, в понедельник начнется!». И нюх, натренированный долгими годами работы, – не подвел. В понедельник началось то, что доктор обычно называл: «всем все надо, и всем все надо одновременно». Побитым и пострадавшим – осмотр и «немедленное оформление экспертного заключения! Он у меня по-

пляшет!». Родственникам умерших – забрать тело (убитого, погибшего, отравленного). И, что самое главное, всем надо сделать: «в час дня, доктор, непременно в час!». А еще надо приплюсовать звонки из Города с просьбами-указаниями: подготовить отчет о количестве израсходованного спирта, о движении тех или иных бланков, о расходовании ваты (желательно отчет по каждой ниточке отдельно!) и прочее. Заметьте, отчеты надо факсом прислать именно к часу дня. И ни минутой позже! Вот и крутятся члены коллектива, кто как может, причем, в зависимости от комплекции, одни к концу такого рабочего дня все в мыле, а другие – огнем горят.

И вот в разгар такого ката-клизьма, доктор Огурцов, пробегая с околосветовой скоростью по коридору, дает команду:

– Леночка – чаю! – и в короткий, тридцатисекундный отдых, успевает выпить пару глотков крепчайшего и чернейшего чая, а еще ляпнуть:

– А чего-то сегодня еще в суд не зовут... чтоб уж до кучи?

– Типун тебе на язык, Иваныч! Смотри – договоришься! – и тут же раздается громкий и явно издевательский звонок. Доктор Огурцов смотрит на телефон, как удав на кролика, и ожесточенно машет руками: мол, меня нет, уехал, утонул, умер и вообще подойти не может!

– Сейчас позову! – выслушав невнятное бу-бу-бу из трубки, говорит предательница Леночка и протягивает ее доктору: – Это вас, доктор, из суда! – И показывает язык, как бы говоря – каркать, каркать не надо было!

Обреченно вздохнув, доктор подносит трубку к уху:

– ...председатель... суда... вам завтра... к 11 утра... по делу... есть ряд вопросов, которые...

– Вот новости! Мне что, в четыре утра выезжать, что ли?

– ...на поезде! От вас он выходит в... а уже в 10 он к

нам прибывает... расходы оплатим... до встречи! – и короткие гудки...

Шваркнув трубку на аппарат, доктор Огурцов, раздраженно бормоча себе под нос: «из суда... из туда, и туда из суда, в Магадан из суда-н», ушел в секционный зал.

На следующее утро судмедэксперт Огурцов на поезд едва не опоздал, ибо мудро рассудив, что топать три километра до вокзала – это не комильфо, и памятуя о том, что рядом с вокзалом имеется охраняемая штрафплощадка, он поехал на машине. И чуть не опоздал. С вечера договорился с начальником ГАИ, съездил на самую площадку, обговорив место для машины и время. А когда он утром приехал, то охранника не было – домой, оказывается, бежал. В общем, в вагон доктор забежал, когда тот уже тронулся – в смысле, вагон, а не доктор! – вот поэтому в свое купе он влетел злой и раздраженный. В купе был всего один пассажир – сухонький старенький дедушка. Приветливый и разговорчивый. В изголовье висел пиджак, а на нем!.. Мужчины познакомились, разговорились и, оказалось, что дедушка ездил в гости к сыну.

– Он у меня уже на пенсии, но работает... сторожит штрафплощадку у вокзала, – и доктор Огурцов мысленно возблагодарил небеса, что не дал воли злости и не распустил язык. Чтобы скрыть смущение, он попросил показать награды. Старик слегка смутился и показал медаль «За оборону Сталинграда», после чего быстро повесил пиджак на плечики, сказав:

– Это у меня единственная боевая награда! Ведь я воевал-то всего... тридцать минут!

– Это как? – удивился Огурцов.

– Я плотником был и, когда мобилизовали, попал мосты строить, переправы через реки наводить. Нас сразу привезли на левый берег Волги, переправу сооружать. И только мы начали топорами тюкать, налетели ихние «Юнкеры», меня контузило, и без сознания я пробыл без малого год.

– Как? – удивился доктор. – Целый год без сознания?

– Да нет... без сознания я был недолго – три дня. А когда пришел в себя, то ничего не помнил: ни где я, ни имя свое с фамилией не знал, ни откуда я сам. И документов у меня не сохранилось. Вот, я сначала в прифронтовом госпитале лежал, а потом в Омске. Внешне здоровый, а так – дурак дураком! Делал, что прикажут – там дров принести, там воды. И не знаю, что бы со мной было, но увидел меня парень из нашей деревни и узнал, и воскликнул: «Колька, здорова, а ты че здесь делаешь?»

И я сразу вспомнил: и свое имя, и откуда я, а потом постепенно память ко мне совсем возвратилась. Вот и вся моя война. А остальные награды, – он показал на пиджак, – это юбилейные.

Некоторое время они сидели, молча, а потом дедушка спросил:

– А твои деды, сынок, воевали?

– Воевали. У меня и папа воевал! Рассказать?

– Конечно, рассказывай!

И доктор Огурцов, ненадолго задумавшись, стал рассказывать: – Мои будущие родители жили на самом берегу Енисея...

– Енисея? – удивленно спросил старик, – а случайно не в селе Абаканском?

– Ага, в нем самом, а вы что, тоже оттуда?

– Конечно, милоч! Как фамилия твоего бати?

– Огурцов...

– Иван!!! Я же с ним в одной школе учился, на два года старше! – радостно воскликнул дедушка, – то-то я гляжу на тебя и все пытаюсь вспомнить, кого ты мне напоминаешь? А вот сейчас сказал и точно – Ивана Огурцова! Точно! Вот это встреча. А я, с тех пор как ГЭС построили, там больше не был никогда. Чужим родное село стало. – Потом они долго вспоминали, говорили, рассказывали о себе и своих родных. А когда старик узнал, что отец Дмитрия умер, то даже всплакнул. Потом вытерев глаза, сказал:

– Ты хотел про Ивана рассказать? Давай, сынок, а то я совсем заговорил тебя.

– Ну ладно, только начну я...

– Сынок, рассказывай все, все что знаешь, рассказывай, мне все интересно.

– Хорошо. Слушайте... только говорить я буду так, как мне в свое время папа рассказывал:

«Где-то далеко-далеко, на западе, гремела война, а здесь в Сибири, почти в центре Азии, на берегах могучего Енисея, все было мирно и тихо. Холодный ветер рвал с деревьев последние желтые листья, студеные, свинцовые воды реки жадно облизывали мокрые доски хлипкого причала. Все это – холод, наступающая зима – окончательно портили и так-то невеселое настроение троих друзей. Они возвращались из Абакана, из военкомата, где вечно замотанный делами военком, в который уже раз категорически им отказал в отправке на фронт.

Кроме того, напоследок, он и вовсе их огорошил сообщением, что на фронт они, даже если им и стукнет по 18, все равно не попадут, а как призывники, имеющие среднее образование, поедут учиться на офицеров. Так прямо и сказал:

– Военные училища плачут по вам... А пока – работайте... Придет время – вызовем!

Они были молоды, рвались воевать и поэтому, дожидаясь парома и греясь у чахлого костерка, долго строили планы достижения цели – бить ненавистного врага. Вскоре, однако, подошел паром, и они отправились в путь через неоглядную ширь Енисея домой, на правый берег. Паром был почти пуст. Парочка колхозных телег с лошадьми, эмка с каким-то важным чином и старая-престарая цыганка с выводком шумных, суетливых ребятшек – вот и все пассажиры. Вскоре непогода загнала всех под хлипкий дощатый навес в самом углу парома. Один лишь чин так и не вылез из своей легковушки. Через

некоторое время цыганка, немного уgomонив своих шалопаев, сказала, обращаясь к троице друзей:

– А давайте-ка, красивые, я вам погадаю... Какая кому дорога выпадет, как судьба ваша ляжет. Все скажу, все растолкую!

– Ребята – комсомольцы, атеисты, похмыкали, покрутили носами и гордо отказались! Вот еще! Однако цыганка не отставала, и вскоре один из них... ну, назовем его Сашей, несмело протянул руку. Цыганка долго-долго изучала ладонь, низко склоняясь над ней и чуть не царапая ее своим крючковатым носом, а потом, выпрямившись, сказала:

– Непонятная у тебя судьба... опасность грозит тебе по дороге на фронт... Если не поумрешь – большим начальником станешь... большим военным!

Саша, криво усмехаясь, отошел в сторону, а к цыганке смело втиснулся отчаянный и озорной Петро, сам обличем похожий на цыгана:

– Ну-ка, бабка, нагадай-ка мне счастья...

Цыганка уткнулась в ладонь парня: – А не будет тебе счастья... застрелят тебя на войне... – брякнула и отпустила его руку. Петро же не огорчился, весело сверкнув белыми зубами, сказал:

– Врешь ты все, старая! Мы – бессмертные, разве не знаешь?

Последним к гадалке подошел Иван – самый молодой из троицы. Ему 17 должно было исполниться только через две недели. Бабка рассматривала его ладонь значительно дольше, чем у других. Разглядывала ее и так, и сяк, зачем-то даже заголила ее до самого локтя. Потом, пытливо уставясь ему прямо в глаза, сказала:

– Вот у тебя, красивый, все будет хорошо. Жить ты будешь долго, станешь известным человеком, много стран повидаешь... и не умрешь, пока 70 лет не проживешь! Везучий ты парень, везучий...

Через три-четыре месяца судьба навсегда раскидала одноклассников. Отца самого первого призвали в армию. Он поехал учиться в город Ачинск, где тогда дислоцировалось Киевское пехотное училище. О судьбе своих товарищей он не знал ничего до 1948 года. И только, когда после многочисленных госпиталей он приехал в родное село, узнал, что Сашка умер от тифа где-то в поезде, еще по дороге на фронт. Петро погиб в Карпатах, в начале 1945 года. Он к тому времени уже был майором, начальником штаба полка... Все, в результате, случилось именно так, как и предсказала старая гадалка.

С этими самыми предсказаниями отец и жил спокойно лет до семидесяти, абсолютно о них не вспоминая, пока не приключилась у него болезнь – прогрессирующая катаракта. Папа стал катастрофически слепнуть. И как мы ни предлагали ему ложиться на операцию, получали категорический отказ! Мол, нет и все! В конце концов, все-таки уговорили. Папу благополучно прооперировали. И только потом, придя домой, он мне и рассказал эту историю о предсказаниях. Ведь он тогда так и решил, что до предсказанного цыганкой возраста он дожил, а из больницы уже не выйдет – не судьба. Ведь остальные-то предсказания сбылись, значит, все правда, теперь его черед настал! И только много позже, когда и 75 и 80 отметил, стал опять говорить, что все предсказания – чушь на постном масле, брехня!»

Так закончил первый рассказ доктор Огурцов и, глянув на деда, осекся, увидев, что тот плачет:

– Что с вами? – встревожился Огурцов.

– Все в порядке, я просто вспомнил всех: и батю твоего, и Петра, и Сашку. Они тогда собирались самовольно убежать на фронт...

– А вот второй рассказ, о том, как папа с наркомом встретился:

«Случилась эта история в 1944 году. Командование,

прознав, что выпускник Киевского пехотного училища – мой отец – довольно неплохо владеет немецким языком, спешно направило его в Москву, на курсы военных переводчиков. А там, выяснив, что он, кроме того, знает еще и английский (правда, похуже), сразу же перевели на учебу в заведение, напрямую связанное с МИДом. В стенах сего учреждения, у него и состоялась незабываемая встреча с всесильным наркомом крайне специфического наркомата. Дело было так. Шел как-то по коридору этого самого учреждения молодой, девятнадцатилетний лейтенант – и вдруг видит, как в коридор с лестницы брызнула чья-то охрана. Парень остановился и услышал быстрый шепоток:

– Берия, Берия...

– Ну, – рассказывал папа, – я вытянулся, как и все, встал по стойке смирно и вижу, как в коридор выходит невысокий человек в знаменитом пенсне. И в этот самый момент, – вспоминал отец, – я весь помертвел... – Это он вспомнил, что в кармане его галифе лежит трофейный дамский «вальтер», привезенный им еще из армии. Уж больно хорош тот был – маленький, удобный, инкрустированный серебром, короче, вещь, редкая по красоте. Вот папа и не удержался, таскал его с собой! И дотаскался... ибо у него тут же мелькнула мысль:

– Все, конец, щас повяжут... попытка покушения... расстрел... Он вспомнил, как простые, но опытные смершевы и то, с полувзгляда, под одеждой оружие видели у любого человека, а здесь сам Берия! Его такие волкодавы охраняют!!! Все, конец!!!

Ну, а Лаврентий Палыч идет себе спокойненько и в ус не дует! А че бы ему дуть-то? Вот уже он к парню подходит, а я, – вспоминал папа, – ни жив ни мертв, стою и не то, что не дышу, а, кажется, даже и не думаю! В ступоре полном!!! Жизнь-то кончилась!!! Вдруг Берия, проходя мимо, почему-то останавливается и, обращаясь к

нему, спрашивает:

– Ви кто? Фамылия? – ну, папа ответил.

– Гдэ слюжишь? – отец снова, на полном автомате, отрапортовал.

– Какие языки? – папа опять что-то сказал.

– Маладэц! – сказал несильный Л. П. Берия, повернулся и пошел дальше.

Как вышел из МИДа, как пришел к Москва-реке, отец не запомнил. Просто обнаружил себя стоящим у парапета и украдкой разбирающим этот злосчастный вальтерок... Разобрал и покидал подальше в реку, и только потом обнаружил, что на нем все мокрое – не только нижнее белье, но и гимнастерка с брюками...

Вот такая незабываемая встреча состоялась у папы в Москве поздней осенью 1944 года».

– Да, верю, за такое Ванька вполне мог загреметь в штрафбат. Ну, давай дальше!

– А этот рассказ о том, как папа заболел.

«После капитуляции фашистской Германии отец еще почти три года служил переводчиком в одном из гарнизонов на севере страны, в маленьком городке Марлов, что возле Ростока. Кстати, все эти названия городков исконно славянские. Марлов – от слова марал, а их – маралов, там уже тысячу лет не видели. Во еще когда там жили славяне! Кстати, и Кенигсберг – это славянский Крулевец (Кролевец). Оба названия обозначают город как королевский! Так же и другие города. Росток – от слова ростака т.е. то место, где река растекается на множество рукавов, место у устья реки. Еще там есть рядышком город Шверин – от славянского Зверь (Зверин). Служил отец там до 1948 года, пока тяжело не заболел – обнаружился у него туберкулез. Это заболевание и сейчас-то не так уж просто излечивается, а тогда, после войны, в доантибиотиковую эру? В общем, грустное, мягко говоря, положение. Ну, соответственно, положили его обследоваться

и лечиться в советский военный госпиталь. Лежал он там, лечился и ждал окончательного решения своей судьбы. Обследовали его, обследовали и в конце концов для установления окончательного диагноза пригласили на консультацию немецких врачей – светил фтизиатрии тех лет. И вот, в ходе осмотра больного русского офицера эти два дойча-профессора, не зная, что тот хорошо говорит и понимает по-немецки, говорят, что вот, мол, какая тяжелая форма туберкулеза у этого парня, что ему остается жить от силы полгода, ну месяцев восемь и так далее, в том же духе. Послушал их папа, послушал и обложил всех по матери с последующим переводом на немецкий, чтоб они лучше поняли! Тогда один из этих профессоров, смущенно прокашлялся, присел рядышком и, помолчав, сказала

– Знаете, все, что мы с коллегой говорили – правда! Пусть горькая, тяжелая для вас, но правда. Однако, герр лейтенант, все в ваших руках! Если не смиритесь, не опустите руки, будете бороться – выздоровеете. Наш вам совет: езжайте на свою Родину! Туда, где вы родились, где выросли, где впервые увидели солнце. Там – вы поправитесь! Обязательно поправитесь! Только воздух Родины вам поможет! Если сами сильно захотите жить – будете жить, если будете бороться – выздоровеете! – И, говорил мне папа, взяло его тогда такое зло, что эти два недобитых фашиста меня, сибиряка, хоронят, что сказал им мысленно – накося выкуси! Назло вам выживу! Потом сел, написал стихотворение, посвященное своим друзьям:

*Хотел бы с вами я, друзья,
Еще разок побыть.
На свете мало, знаю я,
Мне остается жить...
Со всеми вами за столом
Еще раз посидеть,*

*Поговорить бы о былом
И нашу песню спеть.
А, выпив, по Москве пройти,
Забывши время нужд.
И в баре вспомнить, по пути
Веселый Moulin-Rouge.
Как далеко забросил рок
Меня, друзья, от вас.
Я вспомнил здесь не раз Росток,
И вас, друзья, не раз.
О, если б можно время вспять
Идти заставить вдруг...
Увидеть за столом опять
Друзей веселый круг.
Порядком выпить, как всегда,
И в карты поиграть,
Поспорить, пошутить. Тогда...
Согласен умирать!*

Потом попрощался и уехал на родной Енисей. Там он взялся лечиться сам: купаться осенью и зимой, бегать по 10-15 км то на лыжах, то просто бегом, изнуря себя за-предельными физическими нагрузками. Потом баня, парилка, ледяная вода, какие-то народные бабушкины средства... Так прошел год. Процесс в легких стал загасать, ну и все, папа выздоровел. Потом долго писал письма одному из этих немецких профессоров, рассказывая о том, что он выздоровел, и благодарил за те слова, которые вызвали такую его реакцию».

– Да, а я и забыл, что твой батя болел! Точно, еще все говорили, что Ванька Огурцов не жилец. Молодец, Иван, сам выкарабкался.

– А пару случаев я расскажу из послевоенной жизни, тех, что помню и свидетелем которых был я сам.

«Случилось сие летом то ли 65-го, то ли 66-го года.

Мы, трое друзей-одноклассников, знакомых с раннего детства, под присмотром и руководством моего отца сплавились на самодельном плоту по таежной реке. Прошло уже несколько дней сплава, установился определенный распорядок дня. И вот как-то поздним вечером, поужинав, мы под лесной, нескончаемый чай и гитару принялись распевать свои дворовые, блатные песни. И про ту гавань, куда заходили корабли, и про Ереванское небо и много-много других. Отец в сторонке занимался чем-то своим. Вдруг, воспользовавшись возникшей паузой, он нам и говорит:

– А давайте-ка, ребятки, я вам лучшие стихи почитаю!

Мы, конечно, вежливо согласились, а папа помолчал, откашлялся и начал на память декламировать:

– Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...

Он читал «Божественную комедию». Читал немного нараспев, слегка раскачиваясь и закрыв глаза. Но главное не это! Главное то, что он читал ее на итальянском!!! Родном языке Данте. Я уже не помню, всю ли ее он нам прочел, или только отрывки. Не помню отчетливо. Кое-что он дублировал на русском. Читал долго. Мы, завороченно, открыв рты, слушали. Представьте: ночь, костер, шум ветра в вершинах могучих елей, чуть слышимый плеск воды, и плавная, музыкальная итальянская речь над просторами сибирской тайги и... звезды! Это одно из самых ярких и глубоких воспоминаний в нашей пацаньей жизни вообще, и о моем папе, в частности. После таких стихов блатные песни петься перестали. В последующие вечера мы пели что-то из Есенина, песни военных лет, русские романсы. Вот такое, очень необычное и своеобразное знакомство с Великой литературой, среди Великой тайги случилось в нашей жизни», – ...и закончив, доктор спросил:

– Вроде подъезжаем? – глядя на проплывающие за окном домики.

– Не, еще полчаса ехать. Рассказывай, если есть что.

И доктор Огурцов, выпив минералки, продолжил:

«В 1968 году выпала отцу дальняя дорога: командировка в Москву, на учебу. Ну, проводили мы его, он пома- хал нам с мамой белым крылышком самолета Ил-18 и от- был. Мы же отправились домой, ждать телеграмму о благополучном прибытии папы в столицу. Все как обы- чно... На следующий день мы телеграммы так и не дожда- лись, а еще через день, в газете „Известия“, на последней странице, внизу, мы с ужасом прочли ма-а-а-ленькое та- кое, неброское сообщение, о том, что такого-то числа, после вылета из аэропорта Челябинска, потерпел аварию пассажирский самолет Ил-18. И указан номер злосчаст- ного рейса – тот, которым папа и летел!!! Представьте наше состояние! Да вдобавок еще и телеграммы нет... Мы с мамой подхватились и помчались в управление ГВФ Красноярска. Там нас долго мурыжили – часа три, не меньше, а потом сообщили, что среди погибших в ката- строфе человек с такой фамилией не значится! Мы слег- ка успокоились и поехали домой, недоумевая, а куда же, в таком случае, подевался наш папа? Ну, а по приезде, все окончательно пришло в норму – соседка вручила нам те- леграмму, доставленную в наше отсутствие. В ней отец сообщал, что он долетел благополучно, устроился, что все нормально! Камень с души свалился окончательно, а все недоумения остались позади. Через пару дней он и сам позвонил, при этом невнятно, как бы промежду прочим, обмолвился, что опоздал на самолет в Челябинске, и что вот, мол, как ему повезло... Правду же об этом вояже мы узнали несколько позднее, по возвращении папы из Моск- вы. Дело обстояло так. Самолет, на котором отец пере- мещался по воздушному пространству страны, совершил посадку на дозаправку в Челябинске, совсем ненадолго. Они с полчаса посидели в самолете, а потом всех пас- сажиров выгнали в аэропорт, сообщив, что по метео-

условиям, вылет откладывается на два часа. А в городе этом, надо сказать, проживал младший мамин брат. Отец, понятное дело, позвонил ему, и тот с приятелем быстренько подкатил на легковушке, прихватив с собой некоторое количество приветственно-горячительных напитков. Встречу, как водится, слегка обмыли. Потом в ресторане аэропорта – немножко добавили, а когда объявили, что вылет откладывается до утра, поехали к Василию – так брата звали – домой. Там они тоже солидененько „приняли на грудь“, и утром, соответственно, к рейсу слегка опоздали. Автобус с пассажирами уже укатил к самолету! Папа, будучи „слегка“ подшофе, давай требовать, чтоб его пустили в самолет. Получив отказ, он не растерялся! За углом, вывернул свою стильную куртку наизнанку и превратился в иностранца в фасонистой клетчатой куртке. Дальше, у стойки регистрации билетов, он давай громко, на трех языках, доказывать, что „...он есть французски комьюнист, член французски компартия, что он есть лично знаком с Морис Торез, что ему надо срочно в Москау, что он воеваль с фашист...“ – это единственная святая правда из всей тирады – ну и так далее... Однако, порядок – как ни странно – победил, мнимого иностранца в самолет так и не пустили, и он остался жив. Вот такой случай – коктейль из выпивки и аэропортовского порядка – спас папу в 1968 году от... беды»... и в этот миг, поезд, будто дождавшись конца рассказов, стал ощутимо тормозить и вскоре остановился.

– Вот и приехали, – смахнув старческую слезу, сказал дедушка – Спасибо тебе, сынок!

– За что, дедуля?

– За молодость нашу, за то, что вы – молодые – помните о той войне. – И стал подниматься с сиденья, но повернувшись к Огурцову, сказал:

– Ну, после судилища – ко мне! Непремененно ко мне! И никаких отговорок.

* * *

Больше доктору Огурцову с земляком-ветераном встретиться не удалось. Во-первых: судебное заседание перенесли на четырнадцать часов – то есть добрых три часа он валял дурака, а, если учесть, что вопрос к судмедэксперту был всего один: «Подтверждаете ли вы свой вывод о причине смерти гр-на Н.?» – и все!!!

Ради одного короткого ответа: «Да, подтверждаю» было затрачено столько времени, сил и средств. А вот к земляку Огурцов не зашел. Подвернулась машина ГАИ из их Городка, и доктор Огурцов, позвонив бабушке, извинился, и объяснив ситуацию, уехал. Домой он прибыл на час раньше поезда. А старик-ветеран и земляк до сих пор жив и относительно здоров, хотя ему минуло 90 лет. И дай ему Бог отметить свое столетие!

ОЛЬГА И ОЛЕГ

Глава 1

– Оля, – покосившись на спидометр, сказал Олег, – притормаживай потихоньку, притормаживай, скоро поворот!

И джип, следуя воле водителя, стал нехотя укрощать свой стремительный бег, одновременно прижимаясь к обочине дороги. Шедшие следом машинки, словно почувяв, наброшенную на великана узду, победно взрывая моторами, а иногда и издевательски рвякая клаксоном, обгоняя присмиривший джип, резво уходили вперед по федеральной трассе. Через десяток минут езды по «асфальтированной» дороге, они подъехали к придорожному motelю. Там, среди двух десятков самых разномастных машин, от грузовых тяжеловесов-длинномеров до множества легковушек, они и припарковались. Выбравшись из салона своего серебристого BMW X6, Ольга огляделась и потягиваясь, капризно спросила:

– И ради обеда ты меня завез в эту дыру?

– Пошли, пошли, – улыбаясь, сказал Олег и, обняв ее за плечи, повел к двери, над которой висели большущие и аляповатые буквы: «Дары Востока». – Здесь уютно, еда отличная и тихо... да и вид из окна на горы прекрасный! – пояснил

Олег и направил Ольгу не в эту большую дверь, а за угол, где была еще одна, весьма непрезентабельная дверка:

– Это для VIP-клиентов, – с коротким смешком сказал Олег. Ольга рассмеялась и чмокнув кавалера в щеку, произнесла:

– Я догадалась, а потому – слушаю и повинуюсь, мой господин! – и, поднявшись по не широкой и короткой лестнице, они скрылись за дверью. А из припаркованной

невдалеке потрепанной «праворульной» японки за ними внимательно наблюдали два крепких парня. Когда парочка скрылась за углом, они переглянулись и сидевший за рулем амбал достав мобильник, набрал номер и что-то коротко сказал. Прослушав ответ, он глянув на напарника, отрывисто бросил:

– Начинаем...

Ольга и Олег были одноклассниками. Просто одноклассниками и даже не друзьями. Никаких взаимных симпатий между ними в школе не возникало, хотя Ольга была красива! Яркая блондинка – белобрысая! – как она себя звала! А еще она была отличницей, а Олег хотя и не был столь успешен в учебе, но был спортсменом, имел разряды чуть не по пяти видам спорта. И это делало его тоже не самым последним учеником в классе. Да что там в классе – в школе! И всем тогда казалось что они, одни из самых заметных учеников школы, не могут не заметить и друг друга, но... не заметили! Окончив школу, они пошли своими путями-дорогами и не только не виделись, но даже и не вспоминали друг друга. Разве что так, мельком!

И вот прошло четыре года, они вновь встретились: Ольга – студентка пятого курса, уверенно идущая к «красному диплому», и Олег – только что шагнувший в студенческую жизнь первокурсник, за плечами которого был Афган, ранение и орден...

– Эй, кавалер, – раздался нежный голосок спутницы – о чем размышлялся?

Олег, вернувшись из воспоминаний, глянул на Ольгу. Да, она была красива! И даже сейчас, когда им было не по двадцать и даже не по сорок лет, на нее по-прежнему мужики заглядывались. А тогда, новоявленный студент и пятикурсница совершенно случайно встретившись у общих знакомых весь вечер танцевали только друг с другом, а потом и вообще, сбжав под шумок с вечеринки, долго

бродили по первому октябрьскому, хрусткому снежку; а потом, у садовой скамейки, покрытой девственно-белым снегом, они внезапно кинулись друг другу в объятия и стали целоваться: исступленно, страстно. И так обнявшись, они стояли... сколько они так простояли в тот первый вечер Ольга и Олег потом так и не смогли вспомнить. Тогда несколько часов для них пролетели как один миг – прекрасный, трепетный и сказочный, как и тот первый осенний снежок, скрывший всю тусклую серость и земли, и всего того, что их окружало – дома, дороги, деревья!

И он же этим белым цветом сказочной чистоты словно окрасил и их жизнь. Окрасил новым, белым, светом, как бы намекая: вся серость позади, вот вам другая жизнь, начинайте ее с нового, белого листа.

– Нет, ну ты куда исчез, – капризно надув губки, переспросила Ольга, – а то обед уже кончается, а ты все где-то бродишь, – насмешливо проговорила она, постучав пальчиком по виску, а потом, оглядевшись, сказала:

– А здесь и, правда – мило! Кто бы мог подумать, что в придорожных забегаловках так уютно! И кофе вполне неплох, – проговорила Ольга, – кто бы мог подумать, – повторила она и снова спросила: – так где был?

Олег, не отвечая на вопрос некоторое время, задумчиво смотрел на спутницу, а потом, словно очнувшись спросил:

– Скажи, Оля, а почему мы с тобой тогда расстались? Почему у нас ничего не получилось?

Ольга помолчала и тихо сказала:

– Не знаю... вот совсем не знаю и все! Я так много думала об этом и так часто задавала себе этот вопрос, а вот ответа так и не нашла – и, помолчав чуточку, задумчиво проговорила:

– Просто ты однажды ушел и не вернулся. А я уехала работать на Урал и все ждала, когда ты за мной приедешь, но ты так и не приехал.

– Странно, – после небольшого молчания сказал Олег,

– а вот я совсем не помню, как и почему это случилось. Почему не помню?

– Так ведь сколько лет прошло то с тех пор? Потому и не помнишь!

– Да, прошло, – несколько невпопад ответил Олег и, усмехнувшись, добавил: – я только помню, когда мы целовались, я обнимая тебя за талию, непроизвольно руку отпускал ниже, ниже, ну, туда где...

– ...где то место, которым дама сидит, – грустно уточнила дама.

– ...и ты мне руку постоянно поддегивала вверх, вроде как определяя границы того, что можно и того, что нельзя...

– Ага! Это я позже поняла, что границы дозволенного надо было расширять, – улыбнувшись, сказала Ольга и немного помолчав, добавила: значит, ты ушел потому, что я не разрешила себя потрогать за... зад? – спросила она, и оба рассмеялись.

Потом они допили кофе, молодая девчушка принесла счет и что-то сказала, кивнув головой в глубину помещения. Отсчитав деньги, Олег, глянув на спутницу, внезапно спросил:

– А твой муж о наших встречах точно не знает?

Ольга улыбнулась и сказала:

– Знает... не знает? Это не играет никакой роли! Зачем ему я – старая и не совсем здоровая женщина? У него молоденьких секретарш море разлитое, да я его как женщина уже да-а-ав-но не интересую... А чего это вдруг ты спросил об этом? – настороженно спросила она.

Олег чуточку помолчал и медленно, словно раздумывая, ответил:

– Понимаешь, когда я в городе сел к тебе в «бэуху» и мы поехали, следом за нами пристроился неприметный и потрепанный мерс. Правда, на выходе он ушел в сторону...

– Ну, так в чем дело-то? Ведь ушел...

– Понимаешь, вскоре после нашего прихода сюда, снова нарисовался тот самый мерс. Потом он вроде уехал, а вот теперь он снова здесь... И парень, что вылез из него, сейчас прошел здесь! И зуб даю: он кого-то выглядывал. И когда увидел нас, ускорил шаг... такое ощущение, что он искал именно тебя.

– Да, нет... не может быть... глупости это... тебе показалось, – сказала она и, встав со стула, закончила: – Но ведь он и тебя может выглядывать? Разве нет? Ты у нас ведь непонятно кто: то ли охранник, то ли совсем наоборот, – и улыбнувшись, спросила:

– Ну, что, поехали? Кстати, куда ты меня повезешь, решил уже?

– Поехали, – ответил он и после короткого молчания сказал: – Знаешь, что пошли вон туда, – и он показал в глубь обеденного зала, – а поедем мы... – и он что-то ей шепнул на ухо. Ольга улыбнулась и, поцеловав его в щеку, сказала:

– С Богом!

Неприметная и весьма потрепанная белая «нива», переваливаясь на ухабах грунтовой дороги, надсадно рыча мотором, медленно ползла вверх по склону сопки и вскоре поднялась на ее плоскую вершину. Остановившись на краю березовой рощицы, водитель – немолодой, одетый в весьма простенькую одежду охотника и рыбака мужчина – неторопливо вытащил из сумки какие-то свертки, фляжку, в которой что-то булькало, красивую стопку и, разложив все это на переднем сиденье, взялся... отнюдь не за фляжку, а за бинокль. Приложив его к глазам, он надолго замер, разглядывая противоположный склон долины, тот, где проходила федеральная трасса. Впрочем, водитель «нивы» рассматривал не дорогу, а то, что приютилось чуть выше ее, – придорожное кафе «Дары Востока». Так он просидел практически неподвижно полчаса и вдруг встрепе-

нулся: из-за здания кафе медленно выполз серебристый джип BMW и неторопливо покатил к трассе. Человек с биноклем, не отрываясь, смотрел, как джип прошел все это невеликое расстояние и, заморгав правыми поворотниками, стал сворачивать на автотрассу и в этот момент он словно вздулся. Крыша джипа поднялась вверх, медленно поплыли в стороны дверки и машина словно вспухла огнем и только тогда донесся глухой звук взрыва. Мужчина оторвался от бинокля и, глянув в зеркало заднего вида, усмехнулся, от чего холено-породистое лицо стало каким-то домашним, даже озорным. Усмехнувшись, он подмигнул сам себе и, неспешно упаковал то, что было разложено на сиденье. Потом он аккуратно развернул «ниву» и осторожно поехал вниз, напевая вполголоса:

– Степь да степь кругом, путь далек лежит...

Голос его был неплох – слегка хрипловатый баритон, да и слова он выводил с чувством и всем, кто слышал бы его пение, становилось понятно: настроение мужчины – лучше некуда! Правда, когда его «нива» выкарабкалась на проселок, мужчина замолк, и лицо его стало задумчивым. Тогда остановив машину, он взял трубку телефона и набрал номер:

– Ты кого взорвал? – и, выслушав ответ, снова спросил: – А машина чья, ты пробил... нет?.. А вот ответь мне, фразерок, ты зачем такой взрыв... – спросил он и стал слушать торопливый говор, раздававшийся из трубочки. Прослушав еще пару минут, он нажал на кнопку и кинул мобильник на сиденье, а сам, открыв дверку, вышел на улицу и, прислонившись спиной к машине, замер, разглядывая то, что уже видел сверху. А там, на другой стороне долины горело то, что еще недавно называлось престижным германским джипом. Издалека были слышны сирены пожарных машин, спешащих к «очагу возгорания», но помочь тем, кто был в джипе, уже было невозможно.

Мужчина из «нивы» вдруг длинно и нецензурно выру-

гался и, с силой пнув колесо, залез в салон и поехал, молча поехал, а лицо его было мрачнее мрачного и петть про степь ему явно не хотелось.

Глава 2

За долгие годы работы, в любом коллективе, особенно небольшом, складываются свои, весьма стойкие традиции. Была такая и в отделении судебно-медицинской экспертизы, где уже долгие годы трудился доктор Огурцов. Он, как «ранняя пташка» всегда приходил на работу первым и готовил чай-кофе своим сотрудникам. Утреннее чаепитие было нерушимой традицией, еще и потому, что никто и никогда не опаздывал, ибо все были «жаворонками» и одно время они даже обсуждали возможность сделать рабочий день с 7 утра. Вот и в тот осенний день доктор прибежал на работу не просто первым, а заметно раньше обычного и только потому, что было холодно. Несмотря на голубое небо, яркое, утреннее солнышко, на улице было минус десять. И это – в сентябре! Потому-то доктор не шел вальяжно, как привык, а почти бежал, постукивая зубами от холода, ибо одет был крайне легкомысленно. А что? Собираясь на работу, он в окно посмотрел, а на термометр – нет! Вот уши чуть и не обморозил! Пока доктор все готовил, да разливал – не подумайте чего плохого, чай! – подтянулись остальные сотрудники. Все, кроме медрегистратора, что было тоже непривычно. Дмитрий Иванович уже взялся, было, за телефон, но дверь открылась и появилась Елена Георгиевна. Она была в зимней дубленке и такая несчастная, что доктор заволновался:

– Что, что случилось? Заболела?

– Ой, Иваныч и не говори, – ответила она, – вчера картошку перебирали, да в подвал спускали, а сегодня обострился мой... этот, как его, – сказала она, показывая на плечо.

– Плече-лопаточный периартрит, – подсказал доктор.

– Во, во! Он самый, – морщась, сказала она, – артрит! Рука совсем не двигается, да еще и шубу эту тяжеленную натянула. Помоги, Иваныч, – попросила она, протягивая ему руку и доктор, остороженько помог ей, отметив про себя что она, – в смысле шуба! – действительно... не пушинка. Елена, морщась и охая, прошла к столику и присоединилась к коллективу. Попив чай-кофе, потрепавшись «за жизнь», коллективчик занялся своими делами. Так прошло еще с полчаса, как вдруг зазвонил телефон и доктор взял трубку.

– Але, але, – затараторил взволнованный женский голос, – это морг, морг?

– Да, это отделение судмедэкс... – начал было Огурцов, но из трубки раздалось:

– Ой, срочно... Елене... ее дом горит... скажите... пожар, – и доктор, опустив трубку, растеряно посмотрел на Елену, но она и так все услышав, на мгновение замерла и тут же кинулась к вешалке. Доктор, вспомнив о ее тяжелой шубе шагнул, было, помочь, но она, подбежав первой, сдернула шубу как пушинку и могучим круговым движением надела ее, причем успев на лету попасть руками в рукава. Этот полет не самой легонькой зимней шубы был настолько могуч, что чуть не свалил на пол доктора Огурцова. И он, не успев ничего толком сообразить, услышал, как хлопнула входная дверь, а через долю секунды мимо окна промелькнула фигура человека, контуры которого были смазаны из-за скорости передвижения. Впрочем, на этом все и закончилось. Пожар оказался пустячным: просто у соседей, из-под крыши деревянной стайки шел дымок, хорошо видимый с дороги и с пустяковым возгоранием легко справились еще до того, как Елена прибежала домой. Только потом она с недоумением рассказывала:

– Помню, как сказали о пожаре, помню как ты, Иваныч мне помог шубу надеть, – тут всегда слушатели смеялись!

– а вот как оказалась дома и, самое главное, как во двор попала, – хоть убей не знаю.

Заметим в скобках, что ключа от калитки у нее не было, а высота ворот и прилегающего к ним забора была метра два с половиной. Не меньше! Это так сказать к слову о силах и возможностях человеческих, которые – не ограничены. Стоит только захотеть! Так начался тот рабочий день и, когда он после всех утренних встрясок клонился к концу, то есть к 14 часам, снова зазвонил телефон:

– Доктор, это дежурный по отделу полиции. У нас на федеральной трассе машина сгорела, два трупа. Выезжает следователь Следственного комитета. Вы поедете?

– А с каких это пор следователи комитета на автодорожки стали ездить?

– Так там не автодорожка, там машину взорвали, в ней два трупа! Так что надо, доктор...

– Ну, раз надо, значит надо, – «радостно» буркнул Огурцов и пошел собирать экспертный чемоданчик и тут же за ним заехал руководитель местного Следственного комитета Антон Калманович. Был он мрачен и малоразговорчив и, только когда сели в его машину, он коротко пояснил, что взорвана дорогущая BMW и не исключено, что там погиб кто-то из шишек областной администрации или, что хуже, некто очень богатый. Оставшуюся часть пути до места происшествия проехали молча, а там...

А там занялись своими делами. Судмедэксперта Огурцова провели к трупам. Впрочем, осмотр бесформенных останков много времени не занял, ибо осматривать там было нечего. Невозможно было даже определить половую принадлежность сгоревших, поэтому Огурцов коротко продиктовав следователю описание того, что видел, сказал что трупы надо везти в медико-криминалистическую лабораторию областного Города, так как у него в отделении нет аппаратуры для того, что бы дать ответы на всю ту массу специальных вопросов, которые интересуется след-

ствии, так, что... Калманович сначала не согласился, но доктор Огурцов не успел даже толком привести аргументы, как прибыла комитетская машина из Города и генерал Пархоменко, отдал приказ:

– Тела погибших направлять в Город! С начальством согласовано, – и повернувшись к судмедэксперту Огурцову, спросил:

– Доктор, никаких зацепок о том, кто это? В смысле мужчины или женщины?

Доктор Огурцов, обрисовав состояние трупов, ушел в машину Калмановича и минут через двадцать тот и сам вернулся.

– Ну, что, судебная медицина, скучаешь, – спросил он, доставая маленький термос и открыв крышечку, спросил:

– Будешь? – и доктор, приняв, ответил:

– Ну, ты же знаешь, я кофе... никак, разве что чуточку – и взяв дымящийся стаканчик, они несколько минут смаковали напиток. Потом к машине подошел кто-то из оперов, и Калманович пошел к нему. Вернулся он с крайне довольным видом и, устроившись на своем сиденье, сказал:

– Ну что, поехали?

– Поехали, а что такой довольный? Я понятно, почему доволен: сгоревших забрали в город. А у вас, что? Генерал приказал дело передать в Город?

– Да нет! Просто мы сделали то, чего не смог некий судмедэксперт сделать. Останки принадлежат мужчине – одному, женщине – одной! Вот так-то!

– И откуда дровишки?

– Да все очень просто. Наши потрясли харчевню, что на горе – «Дары Востока» называется! – и там сказали, что на бэхе приехали двое – мужчина и женщина.

– И даже номера?

– Нет, номера никто не запомнил, как ни странно. Ну да это теперь дело техники. До вечера эксперты-

криминалисты и автотехники установят машину, там ее пробьют и все, владелец есть. От этого и плясать будем.

Калманович привез доктора туда, откуда он его взял, и Огурцов, попросив, подождать 5 минут, пошел ставить чемоданчик эксперта, а когда вернулся, увидел довольное лицо Калмановича, складывающего телефон в чехольчик:

– Ну, вот и все, погибшие установлены. Это некие Ольга Лебедева и Олег Волков.

– Ну и молодцы, работайте, – ответил Огурцов и добавил: – Ты езжай, мне надо кое-что еще сделать – и, попрощавшись, они разошлись. Калманович к себе – бороться с преступностью, а доктор Огурцов к себе – считать результаты преступной деятельности тех, кто благодаря его работе, стал подопечным Калмановича и его «фирмы», ведь если к 8 утра он не представит своему руководству эти цифирьки, то получит... «благодарность».

Доктор Огурцов уже заканчивал составление отчета, когда до него дошло: «Лебедева и Волков... Олег и Ольга... – это же его одноклассники!!! У них же роман еще в институте был», – оторопело подумал Огурцов: – Не может быть? Неужели они?» – и встав из-за компьютера, взволнованно стал ходить по кабинету. Ольга была одноклассница и не более того, а вот Волк был из их компании. Они вместе в хоккей с мячом играли, скалолазанием занимались. Вот это фокус! Немного постояв, он подошел к телефону и набрал номер руководителя районного Следственного комитета:

– Антон я по поводу сегодняшнего взрыва. У меня такое ощущение, что кроме бензина, там горело и еще что-то? То есть там было не просто самодельное взрывное устройство, а нечто специальное. Уж сильно обгорели трупы!

– Да, Иваныч, ты прав! Мне только что взрывотехники позвонили: это была не эсвэушка, это была специальная мина с термическим компонентом...

– ...и такую штуковину простые бандюганы не раздобудут, так?

– За деньги все, конечно, можно. Но ты прав, это ничтожка! – согласился подполковник и положил трубку.

Доктор Огурцов снова прошелся по кабинету и, выключив компьютер, пошел на выход и когда замыкал входную дверь, сзади подъехала машина. Огурцов оглянулся. Это была банальный «жигуленок», причем того же цвета, что когда-то был и у Огурцова. Стекла машины были густо тонированы и доктор не разглядел, кто это был.

Но вот переднее, тонированное стекло медленно ушло вниз и доктор увидел улыбающееся мужское лицо, Это был Олег Волков. На заднем сиденье угадывался силуэт женщины, светлые волосы которой не могла скрыть даже тонировка. «Белобрысая!» – дошло Огурцова Ольгино прозвище в школе.

– Ну, ты что, Огурец, рот раззявил? Зови в гости!

– А как же... вас же нет... вы в машине... вы сгорели... как вы здесь, – оторопело спросил Огурцов. Волк вылез, пожал приятелю руку, поинтересовался:

– Кто сгорел, где сгорел? Что плетешь?

И доктор Огурцов взволнованно рассказал ему о сегодняшнем происшествии. Волков услышав это, мрачно сказал:

– Я видел хвост за машиной, но думал, что это Ольгу пасет охрана по поручению мужа. Вот потому-то и пересели на запасную машинку, – и погладил капот «жигуленка», – значит ты спас нам жизнь, автомобиль? – и быстро глянув на Огурцова, тихо сказал:

– Ольге пока ни слова, до утра хотя бы... ладно? – и приоткрыл дверку машины, сказал:

– Оля, Огурчик, нас приглашает, – и, посмотрев на того, тихо спросил: – Переночевать-то хоть пустишь... покойников?

Глава 3

Вечер того сентябрьского дня был несравненно теплее, чем утро, и поэтому школьные друзья Волков и Огурцов расположившись на крыльце, разглядывая то яркозвездное небо, то быстро пустевшие бутылки с пивом.

– Как думаешь, Ольга уже уснула? – спросил Олег.

– Конечно! После таких-то встрясок, кто угодно отрубится, – ответил Огурцов и, помолчав, сказал:

– Ну, ментяра, давай колись, во что ты влип, и почему за тобой с бомбами бегают?

Олег помолчал, задумчиво глядя в темноту просторного, огурцовского двора, и ответил:

– Ну, во-первых я не мент... вот уже пять лет, как не мент...

– Мент, есть мент! Это на всю жизнь!

– ...а, во вторых, – невозмутимо продолжил Олег, – ты не поверишь! – но после того как я узнал про взрыв, я в уме перебрал все возможные варианты и... не понял, почему потребовалось меня убирать столь... не рядовым способом. Ни во что сомнительное, ни я, ни наше охранное агентство не вмешивались в прошлом, не вмешивается и сейчас. И потом! В машинах взрывают тех, кто на них ездит, то есть владельцев. Это аксиома...

– Постой, постой! – недоуменно спросил Огурцов. – Ты намекаешь, что пытались устранить... Белобрысую?

– Нет, не намекаю, но все же и этот вариант со счетов не сбрасываю, – и чуточку помолчав, спросил Огурцова:

– Ты знаешь кто у нее муж?

– Какой-то богатея, то есть не бедный человек.

– Не бедный... не бедный, – задумчиво проговорил Волк, – в середине 80-х он стал кандидатом каких-то наук, перестройку встретил, поскуливая от счастья и других его переполнявших чувств. С годик он поболтался по митингам демократов, пламенно клеймя коммунык, а потом как-

то незаметно исчез с глаз широкой «демократической» общественности. Его одно время, даже выставляли как жертву «гэбистских» происков.

– А на самом деле?

– На самом деле он оказался человеком и с головой, и с великолепной хваткой. К началу нового века он уже владел двумя заводами в городе, немалым флотом на реке, акциями крупных металлургических предприятий севера области, свой интерес у него был и в золотодобывающей отрасли, а уж про пяток крупных супермаркетов города я и не говорю. Это так, мелочи! По некоторым данным, он входит в сотню богатейших людей России.

Услышав это, Огурцов присвистнул:

– Слышал, что Белобрыса в достатке живет, но не знал что в таком! А прости за нескромный вопрос: – где Ольга подцепила этого... гуся?

– Где, где... в институте! Он был преподавом, она студенткой. Он сох по ней... впрочем, этим «сушняком» многие тогда мучились, но все впустую, никому не отломилось. Ольга была неприступна...

– И я, кажется, догадываюсь почему, вернее из-за кого, – перебив Волка, сказал, улыбнувшись, Огурцов.

– Не, не, не, – замахал руками Олег, – об этом знает только она, а она фиг кому скажет! Ты же знаешь ее. Потом Ольга уехала работать по распределению на Урал и жила там 2 года. Он ей писал, он ее звал, он к ней приезжал, но все впустую! А вот когда у Ольги начались какие-то неприятности, он опять приехал и... увез ее. Поженились, и до перестройки все было хорошо, вот только детей не было, а потом – бизнес все поглотил и она, при живом муже, осталась одна. Так что смысла ему убирать ее, да еще таким способом – я не вижу.

– М-да... – задумчиво протянул Огурцов, – мысли, идеи, предложения имеются?

– Ну, в общих чертах, – задумчиво сказал Олег, – самое

главное это узнать: кто охотник? И срочно установить, кто на самом деле погиб в Ольгиной машине!

– А не проще ли пойти в полицию... вернее в Следственный комитет? Вы ведь в любом случае сторона потерпевшая?

– Может и так, но... не сейчас! У меня есть кое-какие планы и возможности...

– Да, – прервал его Огурцов, – ты свой телефон ликвидировал?

– Обижаете, начальник! Свой и Ольгин... – начал, было, Волк и тут же, словно уличая и опровергая эти слова, в кармане джинсов заиграла приглушенная музыка. Олег вытащил телефон и молча выслушав довольной длинный монолог, кивнул головой и ответил длинной фразой но... не по-русски.

– И что это за абракадабра, что за язык? Откуда знаешь, а как же телефон, что выбросил, – огурцовские вопросы летели как «стая» пчел

– Этот телефон, – спокойно ответил Олег, – ко мне никак не привяжешь! Он в этой машине лежал, а Ольгин и мой я выкинул, когда мы из кафе уезжали. Звонил же Сабир, таджик. Мы три года в Афгане, в таджикском батальоне воевали. Он мне больше чем брат! Сейчас Сабир владелец той самой чайханы «Дары Востока». А сказал он вот что: «Слушай, друг, тут приходили нехорошие ребята... нет, нет, не полиция... они тобой сильно интересовались. Твои фотографии показывали, так что, Олег будь настороже», – и, отпив из горлышка, уточнил:

– Мной интересовались, понял, мной, а вовсе не Ольгой...

– Да, но взорвали-то ее машину! – ответил Огурец и уставился на Волка, – или... или именно вас двоих и взрывали. А раз двоих, то это мог сделать только... – задумчиво сказал Огурцов...

– Ольгин муж? Он хотел убрать жену с любовником? –

закончил огурцовскую фразу Волков и, помолчав, решительно бросил:

– Да, ну, ерунда! У него в службе безопасности настоящие профи и так действовать не будут. Нет, это не он! Глупости.

Друзья еще немного помолчали, а потом Огурцов поднялся и решительно сказал:

– Все! Пошли в дом, а то что-то зябко стало! – и, прихватив две невыпитые бутылки пива, друзья, стараясь не шуметь, – Ольга спит! – пошли в дом.

– На кухню, на кухню, – прошипел Огурцов, удерживая Волка за рукав и щелкнув выключателем, открыл дверь и... замер на входе: за столом, у окна сидела Ольга:

– Ты извини, Дима, я тут похозяйничала чуть-чуть... вот, кофе вам сделала.

– Ты же спала, вроде?

– Как же, уснешь тут, – ответила Ольга и, сделав глоток черного напитка, спросила:

– А вы, что решили?

Седовласые «мальчики» переглянулись, Огурцов сказал:

– Да, пока ничего не решили! Решили, что утро вечера мудренее и поэтому сначала спим, думаем, а потом решаем ... Или наоборот: сначала думаем, потом спим, – и, встав, он достал из холодильника запотевшую бутылочку:

– Давайте еще раз за встречу, – предложил Огурчик, разливая прозрачную жидкость в стопочки, – и видя колебания друзей, сказал:

– Смелее, это снотворное, – и первым плеснул содержимое рюмки в рот. Олег посмотрел и... поставил свою на стол:

– Я, с позволения хозяина, сначала душ приму, ладно? А уж потом... – и ушел в ванную.

Некоторое время Ольга и Огурцов молчали, украдкой поглядывая друга на друга. Потом Ольга, усмехнувшись, сказала:

– Что разглядываешь? Совсем старухой стала, а все, мол, туда же?

Однако, Огурцов вполне серьезно ответил:

– А вот и нет! Знаешь, вот в школе ты была... никакой! И мне ты никак не глянулась... неуклюжая, угловатая.

– Ага, – с удовольствием подтвердила она, – я это чувствовала, – усмехнулась она.

– А потом ты стала совсем другой... красивее, наверное, женственнее? Кстати, вопрос: а как и где вы с Олегом нынче-то встретились?

– Да совершенно случайно, по сути, прямо на улице, – сказала Ольга и засмеявшись добавила: – прикинь, стоят в центре города, посреди узкой пешеходной дорожки, обнимаются и целуются два... немолодых человека! Представляю, как на нас молодежь смотрела, – звонко рассмеялась Ольга, – как только психобригаду не вызвали?

– То есть это у вас вторая серия? И... давно она началась?

– Да уже с полгода!

Они еще немного посмеялись над этими встречами, потом под разговор Огурцов налил, было, еще по рюмашке, но... «тут примчались санитары и зафиксировали нас» – то есть пришел после душа Олег, мокрый и мрачный. Молча взял приготовленную рюмку, выплеснул содержимое в стакан и, долив из бутылки до половины стакана, одним глотком опростал его.

– Дима, я завтра еду в Куранск на пару дней, но Олю я взять не могу... По ряду причин! Можно она у тебя побудет? А приеду, пойдем в твой Комитет! – мрачно сказал Олег и посмотрел на друзей. Огурцов только открыл, было, рот сказать: «Да, конечно!», но его опередила Ольга:

– Ты в своем уме? Представь, что через неделю придет с курорта Димкина жена и представь, сколько она услышит «подробностей» от «доброжелателей» о некоей блондинке, мелькавшей в доме Огурцова? Причем это бу-

дет рассказано с такими подробностями, так красочно, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Не пойдет, – закончила Ольга и все молча, согласилась. Посидев еще пару минут, все отправились спать, ибо время уже перевалило за полночь, но Огурцов, взяв Олега за руку, сказал:

– В общем, встанем утром и тогда решим! Хорошо? – и они пошли спать.

Ночь Огурцов почти не спал, разве что так, урывками, ибо мысли о прошедшем, столь насыщенном дне неслись нескончаемым и плохо управляемым потоком, не давали уснуть. Да еще и гости – будь они неладны! – словно двадцатилетние чуть не всю ночь испытывали на прочность несчастный диван, столь опрометчиво раскинувший им свои гостеприимные объятия. Потом Огурцова, слушавшего эти характерные скрипы и ритмичные стуки мебели, посетила мысль – отметим честно, завистливая мысль! – основным лейтмотивом которой был вопрос:

– А ты, Огурчик, смог бы так? Смог бы в нашем-то возрасте? – и сам же честно ответил... Однако, как и что он ответил на этот животрепещущий вопрос, Дима так и не узнал, ибо сон, хоть и смущенный далеко не сонной обстановочкой «нехорошей» квартиры, все ж его настиг, пусть и под самое утро.

Огурцов проснулся и первым, кого он увидел, был Олег: помятый, смущенный и настолько непривычный, что Огурцов произвольно сказал:

– Ну, вы, блин, даете!

Сказав так, он ожидал услышать стандартный, возможно шуточный ответ, даже ответ с легким налетом цинизма, однако Огурчик ошибся. Олег остановился и как-то грустно посмотрел Огурцову в глаза и тот все понял, понял без слов, ибо в глазах Олега он увидел такое море нежности и любви, что ему стало стыдно за фривольно-вольные ночные мысли! А Олег очень серьезно и в то же время как-то мягко сказал:

– Знаешь Димка, если бы раньше мне кто-то сказал что такое возможно, я бы в рожу такому сказочнику плюнул, а тут... Ведь нам с Олей, вдвоем больше ста лет! Понимаешь – ста! Но она лучше всех. Лучше! Когда ее нет рядом, мне плохо, мне физически плохо. А когда я закрываю глаза, как наяву вижу комнату, ее лицо в полутьме, утопающее в подушке, спутанные белые и как бы невесомые волосы, облаком окружающие нас и... ее голубые, пронзительные глаза... Этого чувства, Дима, не передать словами! Это любовь...

– Значит, прав был Александр Сергеевич:

*Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям...*

– задумчиво сказал Огурчик, – вот бы никогда не подумал!

– Ага, – тут же отозвался Олег, – он говорил еще и так:

*Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.*

– Ну, вот тебе и пример, – ответил Огурцов. – Великие тоже ошибаются! И вы с Ольгой это доказали! Ведь вы любите! Кстати, пока вы отдыхали, я думал и в конце концов придумал, куда пристроить на два-три дня Лебедеву. Надежно, пристроить! – сказал он Олегу. – Я сейчас съезжу туда...

Олег, выслушав его, сказал:

– погоди, не надо нарушать устоявшийся распорядок.

Ты когда на работу обычно идешь? – и, выслушав Огурцова, продолжил: – а поступим мы таким образом...

Глава 4

Миллионер Александр Филиппович Маркштадт торопливо, не глядя по сторонам, поднялся, да что там поднялся – взбежал на борт личного «фалькона». Флакона! – как иногда, будучи в хорошем настроении, он его называл. Впрочем, сегодня Маркштадт был сосредоточен, даже мрачен и к шуткам не расположен. Быстро пройдя к своему столу, он устроился в кресле и коротко бросил секретарю:

– Пилотам, – срочно взлет, мне диктофон! – и откинувшись на спинку шикарного кресла, однако через несколько секунд он развернул штатив с экраном компьютера, где был микрофон и четким голосом продиктовал несколько писем, заметок, приказов и короткое резюме о прошедшем в столице форуме промышленников и предпринимателей. Отдельно сказал свое мнение о Президенте РФ как о человеке. И зачастую такие первые впечатления бывали наиболее верными. Закончив, Маркштадт ослабил галстук и, не глядя, протянул руку туда, где уже стоял стюард. Взяв с подноса большой фужер он, прикрыв глаза, неторопливо, мелкими глотками выпил содержимое. И сразу же к креслу олигарха подошел мужчина и вопросительно глянул на него. Тот не открывая глаз, бросил:

– Через десять минут!

Начальник охраны понимающе улыбнулся и пошел в свой маленький закуток у противоположного борта самолета. Он, многолетний начальник службы безопасности олигарха, в далеком прошлом полковник КГБ знал, что ровно через десять минут и не секундой позже олигарх откроет глаза и приступит к делу. И эта его способность не просто сидеть с закрытыми глазами, а именно спать и все-

гда просыпаться секунда в секунду, поражала полковника до глубины души, ибо именно такие вроде бы мелочи и давали понимание того, почему олигарх стал... олигархом, а уж кто-кто, а полковник знал цену таким мелочам. Он, в прежние годы даже пытался измерять точность таких «просыпаний» и всегда убеждался, что ровно за пять секунд до назначенного срока олигарх откроет глаза, поправит галстук и скажет: «Я вас слушаю!». Так было всегда, но не в этот раз. Полковник уже взялся было за ручку дверки своей «секретки», как вдруг услышал:

– Евгений Иванович, вернитесь!

Он на секунду замер, решив, что ослышался, но, оглянувшись, увидел, что шеф вовсе не спит, а пристально смотрит в его сторону. Полковник даже растерялся, настолько это было неожиданно. Такое нарушение устоявшихся ритуалов и привычек он видел всего...

– Доложите, что с Ольгой?

И полковник с трудом удержавшись от эмоций, сухо доложил:

– Несколько часов назад на выезде из города... – и кратко, буквально за минуту изложил факты: взрыв... огонь... обугленные останки!

– Значит, это все-таки правда, – пробормотал Маркштадт и, сгорбившись, он закрыл ладонями лицо и склонился вниз. Посидев так несколько минут, он выпрямился и снова откинулся назад, и тогда полковник увидел его лицо. Это было лицо смертельно уставшего человека: отвисшие щеки, подрагивающие губы и скопившиеся в уголках глаз капельки слез. Слез! За почти двадцать лет работы полковник никогда своего шефа таким не видел. Это было как если бы египетский Сфинкс, вытащив каменную лапу, подперев ей голову, громко заплакал. А Маркштадт, не обращая внимания на изумление собеседника, каким-то поскрипывающим, дребезжащим голосом сказал:

– Все началось с обмана и вот чем все закончилось... – он снова замолчал, глядя в иллюминатор на проплывающие внизу облака, и повторил. – Да, с обмана! Она ведь после института начинала работать на Урале, инженером на крупном заводе. Она уехала туда, не ответив на мои предложения, уехала, не сказав мне ни слова. Я ей писал, но она не отвечала, я ей клялся в любви – она молчала. Она не ответила ни на одно письмо. Я съездил к ней, но Ольга встретила меня более чем прохладно! Я неделю ходил к ней, ходил за ней, а потом сказал себе: все, хватит! Решил, что это конец. И это так бы и было, но вмешался его величество случай! На наш профильный завод приехала делегация с того завода, где трудилась Оля. И в этой делегации был человек, знавший Ольгу, и тогда у меня возник план... – Маркштадт снова немного помолчал и продолжил: – подлый, если честно сказать, план. Не буду в деталях... Просто этот человек создал Ольге невыносимые условия для работы, организовал бесконечные домогательства к моей Ольге неких сексуально озабоченных... существ мужескаго пола и различного возраста. И через пару-тройку месяцев он сообщил: приезжай, Филипыч, твоя пассия у последней черты... как бы чего с собой не сделала! В общем, Ольге деваться было некуда и, когда я, конечно же, совершенно случайно, приехал туда, она, все бросив, уехала со мной. Вот так мы стали мужем и женой! – Маркштадт снова взялся за бутылку виски, не забыв взглядом пригласить и полковника, однако тот отказался:

– Я, с вашего позволения продолжу – и, увидев, что олигарх не возразил, сказал: – Следствие по поводу взрыва авто и гибели двух людей...

– Двух? – удивленно спросил Маркштадт. – А кто второй?

– Второй, – задумчиво переспросил полковник, – следствие еще не установило. Да и оперативный данных пока нет, но по информации моих ребят это мог быть некий Волков...

– А, как же! Знаю, знаю! Они что, вместе погибли? – спросил олигарх, решительно вставая с кресла и вновь становясь тем, кем и был всегда: человеком, привыкшим отдавать приказы и не знающим слово «нет!».

– Еще что-то можете сообщить?

– Взрыв – дело рук профессионалов. Было применено специальное взрывное устройство, доступное лишь немногим.

– Но что вы этим хотите сказать, господин полковник?

– Да то и хочу сказать, что точно такое же взрывное устройство я видел в подразделении, которым ведает агент примерно... за десять дней до... сегодняшнего эксцесса.

– Вы хотите сказать, что это дело моих рук? Что это я отдал приказ устранить жену вместе с любовником? – спросил олигарх, причем голос его был настолько ледяным, а глаза источали такой холод, что если бы тот самый Сфинкс все еще подпирал лапой голову, то он имел все шансы прославиться в веках как Сфинкс, вечно скованный льдом.

– В жизни бывает все: и жены мужей травят...

– ...водкой, – хохотнул олигарх.

– Да, – согласился полковник, – в том числе и ей, родимой. Но и мужья жен убивают: режут, петельками и руками давят, тупыми предметами по головушке стучат или...

– Или минами взрывают, так? – прищурившись, спросил Маркштадт.

– Или минами, – согласно кивнул головой полковник, но если быть объективным, – я не считаю, что за взрывом стоите вы, ибо у вас нет мотивов, вы не мешали друг другу, по крайней мере, внешне, – и, чуточку подумав, закончил: – но оставлять без внимания наличие такого ВУ у Агента – нельзя! И вообще, с созданием еще одного подразделения в системе безопасности появилась дыра, а такого быть не должно, – довольно эмоционально сказал

полковник, но Маркштадт, махнул рукой и примирительно сказал:

– Ладно, не кипятись, Евгений Иванович, и не принимай поспешных решений. Давай отложим этот разговор до... похорон, а пока, – сказал он, есть для тебя важное дело: найди ходы к тем, кто проводит следствие, – чтобы все знать из первых рук. В общем, мне нужна вся информация о происшествии и в самые кратчайшие сроки! И еще! Постарайся придержать распространение этой информации, то есть СМИ ничего знать не должны, ну или самый минимум. Денег не жалея! – и, снова откинувшись на спинку, сказал: – На этом все! Отдыхаем! Нам еще лететь да лететь! – И все разошлись по своим местам. Последующие два часа полета прошли спокойно, но Маркштадт и после приземления продолжал спать. И пока самолет буксировали на стоянку вся «свита» тихонечко, как мышки под венником, продолжала сидеть на местах, дожидаясь команды того, кто еще спал. Но вскоре к замершему в неподвижности «фалькону» подкатил микроавтобус на корпусе которого была широкая красная полоса и надпись: «Следственный комитет РФ». Полковник быстро спустился к прибывшим и, вернувшись, постучал в каюту олигарха:

– Александр Филиппович, приехал заместитель руководителя областного Следственного комитета генерал Пархоменко и просит вас уделить ему десять минут.

Вскоре генерал поднялся на борт и скрылся в каюте. О чем они разговаривали, никто так и не узнал, а вот когда генерал отбыл, олигарх вызвал полковника и сказал:

– Все текущие дела, связанные с обеспечением нашей – и он ткнул себя пальцем в грудь – безопасности, передашь своему заму, а ты займешься... Как ты давеча сказал? Стать Штирлицем? Вот и становись им – езжай к дяденьке-генералу, который только что от меня вышел...

– Я знаю, кто он и знаю, кем работает! – довольно резко ответил полковник, – и что я там буду делать?

– Делать? Что я там буду делать, – словно пробуя их на вкус, проговорил олигарх и резко повернувшись, сказал: – Дело в том, что у следствия появились сомнения в личности погибших. А поэтому надо нажать на генетиков, чтобы они бросили все дела и занялись только генной дактилоскопией нашего случая, – и видя на лице полковника весьма кислое выражение, закончил: – в конце концов, деньги на лабораторию и я давал, и немалые, так что пусть отработывают! А мы в это время... – но тут открылась дверка кабины пилотов и командир сказал:

– Александр Филиппович, сейчас самолет отбуксируют на дальнюю стоянку...

– Понял, понял... собираемся! Господа путешественники, – обратился он к персоналу, – требуют освободить наш Флакон. То есть опорожнить. На сборы – шесть минут! – Александр Филиппович Маркштадт спустился с трапа последним и, глянув на едва сереющее небо, вздохнул и тихо произнес:

– Неужели Ольга все-таки... – но окончание фразы никто не расслышал, ибо она потонула в неожиданном рыке двигателя какой-то винтокрылой машины.

Глава 5

А Ольга в это время мирно спала в глубоком подземном каземате, запертая на семь запоров! Вернее, в подгорном каземате! Ну, а если уж совсем быть точным, и не в каземате вовсе, а в довольно комфортабельной комнатке, скрытой от нескромных взглядов в недрах горы. А Олег неторопливо катил за рулем старенькой, но великолепно отрегулированной «девятки». Он ехал навстречу осеннему, но очень яркому солнцу, ехал не быстро, наслаждаясь красивейшими видами сибирской природы, одетой в золото осени, озаренной бездонно-голубым, без единого облачка, небом. Олег ехал и улыбался, улыбался просто так,

улыбался жизни и тому, что у него снова была Ольга! А еще Олегу впервые в жизни пришло понимание того, что главное в любви это вовсе не то, что он раньше думал. Главное это любить самому. И Олег эту нехитрую, в общем-то истину, впервые понял только сейчас и в какой-то момент с ужасом подумал, что если бы не эта встреча двух взрослых – это если мягко сказать, взрослых! – людей, он бы этого никогда не осознал, никогда не понял этого! Он бы прошел мимо этого! Ольга... Он вспомнил, как она, провожая Олега, крепко-крепко обняла его и сказала:

– Только будь, мой родной, осторожен, будь сто раз осторожен и тысячу раз труслив! Если с тобой что-то случится – у меня просто остановится сердце!

Отстранившись, она посмотрела Олегу в глаза и, протянув ему маленький листок бумаги, сказала:

– Потом прочтешь... не сейчас, иди – и, поцеловав его, смущенно закончила: – только не смейся над старой душой, – и, не оглядываясь, ушла в дом. А Олег вышел к машине, где его ждал Огурчик и, не отвечая на вопросы, развернув бумажку, прочитал неровные строки:

*Наступила осень нашей жизни
А в душе, в душе поет Весна
Этой песне вторит шорох листьев...
Ну и пусть! Ведь главное – Весна!
В прошлые года весною ранней
Мы с тобой не сберегли любовь.
Но теперь царица Осень
Миновав зимы холодной просинь
Нам вернула прошлую Любовь!*

Потом, аккуратно свернув листочек, спрятал в карман и, не обращая внимания на ироничное выражение лица Огурцова, спросил:

– Тебя домой или на работу?

– Домой. Машину надо забрать, – и показав глазами на карман, куда Олег бережно спрятал листок, спросил: – Стихи про Любовь-Морковь? Дай почитать?

– А вот не дам! Не для тебя писано, не тебе и читать! Слушай, Димка, – оживившись, спросил он, – расскажи про эти хоромы, где Оля осталась, а то ведь так, в общих чертах только. А заодно и про эту военную бабку?

– Бабку, говоришь? Военную, говоришь? – и, задумавшись на секунду, сказал:

– Хорошо, поехали, по дороге и расскажу...

– Прости, Димон, я ваш городок плохо знаю, ты мне покажи дорогу не по центру, что б незаметнее будет!

Огурцов внимательно глянул на друга и, показав, куда повернуть, начал рассказ:

– Значит так, – собираясь с мыслями, начал Огурцов, – женщина, что приютила Ольгу, – Зоя Ивановна, фельдшер, участница войны с Японией в 1945 году, имеет ранение и награды. В самом начале моей трудовой деятельности мы вместе работали. Женщина железобетонная! Видел бы ты, какой портрет Сталина у нее есть! Улица, где мы Лебедеву оставили, называется Горная. Ты, должно быть, обратил внимание, на странное расположение домов на этой улице?

– А в чем странное то? Дома как дома, – поглядывая в зеркало заднего вида, рассеянно ответил Олег.

– Чего ты там увидел? – оглядываясь, спросил Огурцов.

– Да, нет, показалось... давай дальше.

– А дальше будет интересно! У нас это единственная улица, где огороды и дворы перед домами, а сами дома примыкают задними стенками в крутой горе. И вот, еще в незапамятные времена, жители, строив дома, копали не подвалы, а через задние стенки дополнительные, подземные комнаты. Сначала копали просто под кладовки, потом увеличивали, удлиняли, делали ответвления. Укрепляли

потолки, а так как почти везде «копатели» натыкались на воду – как правило, малюсенькие ручейки – стали делать мини-бассейны и даже рыбу пытались разводить. Да и вообще, чего там только не делали и, по большому счету, никто не знает, куда уходят эти подземелья. Вот, например, была в конце 80-х такая хохма. Один так называемый «цеховик» купил «восьмерку». А тогда ведь машину просто так купить нельзя было, а если и купил, то «органы» непременно заинтересуются, откуда, так сказать дровишки? Так вот, узнав про покупку, они и нагрянули, но... машину не нашли. Этот «жигуль» так и остался стоять в «задних комнатах» – так все жители называли свои подземелья. И по каким-то причинам он ее так и не легализовал, даже после 91-го года. Потом неторопливо собрал... И представь удивление тех, кто после него купил дом! Как говорится два в одном! Долго они «репу» чесали!

– Ну, вот – перебив рассказчика, сказал Олег, выворачивая на коротенькую улочку, – вот твоя деревня, вот твой дом родной и... знаешь что, открой ворота я заеду.

– Ты же собрался ехать, аль передумал?

– Да нет... Просто светится не хочу, мне «нива» не понравилась, – и увидев вопросительный взгляд Огурцова, пояснил:

– Когда мы пересекали центральную улицу, эта «нива» стояла недалеко от перекрестка, а сейчас, – глянь! – и Олег показал туда, откуда они только что приехали, – видишь, передок машины из-за гаража виден! Это «нива»!.. Стоит... ждет!

– Точно! – хлопнул себя по лбу Огурцов, – ведь когда мы там проезжали, этой машины там не было. Вот блин!

– Да, блин так блин, – согласился Олег и с совершенно серьезным видом добавил: – А ты знаешь, Дима, что наши, сибирские староверы слово «блин» до сих пор пишут через «ять»!

Огурцов рассеянно кивнул головой, пробурчав:

– Староверы, что с них взять... я пойду чайник... – и, не договорив засмеялся: – староверы... ха-ха-ха... через ять! – и, отсмеявшись спросил: – молодец Олегыч...

– Да это не я, это в тырнете где-то прочитал!

Вскоре друзья пили чай, причем Олег был не просто молчалив, но и откровенно хмур. Заметив вопросительно-недоуменные взгляды Огурцова, Олег сказал:

– Да, понимаешь, мысль крутится про этого... «цеховика». Его фамилия случайно не Скачков была? Погоняло Попрыгунчик?

Огурцов, конечно, не помнил, но, созвонился с бывшим начальником розыска, ныне пенсионером, и тот подтвердил:

– Он самый, Попрыгунчик!

Олег снова задумался и когда Огурцов уж совсем собрался спросить: «Эй, уважаемый, вы случайно не уснули?», Олег и сам встрепенулся и с весьма сумрачным видом сказал:

– Дело в том, что он никакой не «цеховик». Он был в банде автоугонщиков, специалист по сигналкам и вообще по железу и у меня появилась такая мысль...

– Ну, выкладывай, – и, видя, что Волков замолчал, добавил: – давай, колись!

– Сейчас всех автоугощников, весь этот бизнес прибрал к рукам некто Ямщик, – начал неторопливо Волков. – Это дядька с пониманием сути их воровского дела, да и руки у него самого растут откуда надо. Они начинали вместе с Попрыгунчиком и по нашей тогдашней версии Ямщик и убрал конкурента, твоего... земляка.

– А что исследование трупа не проводили? Причина смерти известна? Я такого не помню.

– Успокойся, он умер в городе, там и вскрывали. И хотя насильственной смерти эксперты не обнаружили, но сомнения остались, а позже появились и оперативные данные о возможном отравлении.

– Ладно, а при чем здесь ты и Ольга?

– Да при том же. Сейчас весь рынок автоугонов снова лихорадит, ибо появились наглые и очень самостоятельные ребятки, не желающие идти в стаю, а Ямщик – жадина этакая! – хочет и этих ребят прибрать к рукам. По крайней мере в апреле, если не ошибаюсь, была так же взорвана угоняемая машина и тоже темнуха.

– Так, а при чем здесь вы? Вы же случайно пересели на «девятку». При таком раскладе никакой авторитет так не станет рисковать, да еще с машиной жены олигарха.

– Нет, все правильно. Сабир знал, что я приеду и знал, что мы оставим машину. А у Ямщика там есть человек. Сабир рвет и мечет, но вычислить стукача – не может. И я думаю, что дело было так: мы приехали, а машину сразу зарядили. Далее – мы уехали, и только тогда угонщики поехали и попались.

После недолгого молчания, Огурцов спросил:

– Ладно! Хорошо! Как версия пойдет. Но, тогда, есть вопрос! А зачем следят за тобой, то есть за вами – если это, конечно, не твои глюки? И вообще: а не проще ли тебе обратиться за помощью в полицию? Или еще лучше – в Комитет? Калманович, руководитель нашего СК, парень надежный и врать не будет!

Волков опять задумался, потом сказал:

– Спрашиваешь, почему следят? Не знаю! Но подозреваю. И это никак не связано с покушением и взрывом машины. Дай бумагу.

Получив лист Волков долго что-то писал, а потом свернул его хитрым образом и сказал:

– Наш сегодняшний разговор завтра утром – запомни, завтра, а не сегодня! – перескажешь Калмановичу, а эту записку передашь ему же, но не ранее, чем через трое суток. Не раньше!

Вот после этого разговора Олег неторопливо ехал навстречу осеннему, но очень яркому солнцу. Он ехал не

быстро, наслаждаясь красивейшими видами сибирской природы, одетой в золото осени, озаренной бездонно-голубым, без единого облачка, небом. Он ехал и улыбался, улыбался просто так, улыбался жизни.

А доктор Огурцов, уже никуда не ехал, ибо уже приехал! Приехал на работу с опозданием на добрых два часа, а такое с ним случалось крайне редко! А уж чтобы еще и персонал не знал, где доктор изволил пропадать, – такого и вообще не случалось! А что поделаешь, друзья детства... нельзя не помочь! И когда доктор на своем здоровенном, серебристом пикапе подкатил к отделению, то первым, кого он увидел, была его верный санчо-панса Елена Георгиевна:

– Доктор, где вас... куда вы... здесь столько посетителей... нельзя же так... неужели трудно было позвонить?

Огурцов ладонью хлопнул себя по лбу:

– Надо же, я и про телефон забыл, намертво забыл! Как ночью отключил звук, так и все! Ни разу не вспомнил про этот агрегат! С-с-склеротик! – и поспешно вытащив его, глянул на экран. А там... а там... два с половиной десятка неприятых звонков. И не успел доктор их все рассмотреть, как экранчик его мобильного снова замигал: – Калманович... в который уже раз! – и доктор воровато оглянувшись, спрятал аппарат в карман, подумав:

– Я не у него работаю, занят я, некогда мне, – и, спрятав телефон, зашел в отделение. В общем, когда доктор еще через пару часов окончил прием граждан, был, как говорится, «весь в мыле» и уже хотел было идти в секционную, но «нарисовался» руководитель районного Следственного комитета Антон Калманович. Поздоровавшись, он дружелюбно спросил:

– Проводил гостей?

– Каких гостей? – довольно натурально удивился Огурцов.

– Да говорят, гости у тебя были. Нет?

– Вот кто говорит, у того и спрашивай! И вообще, чего прицепился? – довольно агрессивно спросил Огурцов.

– Да, понимаешь, мы всю ночь работали, – устало потирая лоб, ответил Калманович, – и к утру появились сомнения в личности погибших! Не то чтоб веские, но кое-какие сомнения есть.

– Так, а что было работать-то? Дождитесь геномки и все! И гадать не надо!

– Иваныч, я ведь тебя не учу трупы вскрывать? Это, во-первых! А во-вторых, у владельца... вернее у владелицы взорванного джипа родственников нет, а соответственно материала для сравнительной геномки нет...

– Кроме предметов индивидуального пользования, – безразличным тоном сказал Огурцов.

– Это так, личность погибших мы установим, скорее всего, но... – и, глянув на Огурцова, сказал:

– Иваныч, ты же их знаешь! В одной школе ведь учились. По крайней мере, с Ольгой Лебедевой вы точно школу закончили в одном году, а если с ней точно был Волков...

Доктор Огурцов встал и, пройдя к окну, некоторое время смотрел на миллион раз виденный пейзаж, а потом, резко повернувшись, сказал:

– Поясни свою позицию!

– Понимаешь Иваныч – ответил следователь, – нам твердо надо знать, что погибли не они... не Волков и Лебедева... или все же они! Мы, конечно, это узнаем, но время будет упущено. Если они живы... короче, у нас к ним нет претензий! Они жертвы, хотя неизвестно, что выплывет дальше. – Сказав это, Калманович тоже встал и, подойдя к окну, продолжил: – Буду откровенен до конца: мы сейчас ищем наугад, как говорится, с закрытыми глазами, а когда в деле замешаны большие, очень большие деньги мужа Лебедевой, олигарха Маркштадта – ожидать можно всего! И нам за любое промедление... – и не найдя нужно-

го слова, сказал простым, всем понятном русским языком, что именно с ними делает начальство.

Доктор Огурцов понимающе кивнул и нехотя ответил:

– Мы не просто в одной школе учились, мы – одноклассники, друзья детства, и Ольга с Олегом ночевали у меня. Утром я проводил их. Они уехали... куда-то! А насчет, кто погиб, Олег не знает.

Услышав это, Калманович стал выпытывать куда уехали, надолго ли и, когда вернутся, но доктор Огурцов отвечать отказался. Калманович попытался усостыжить доктора, упирая на то, что это на его друзей идет охота, а он, врач, не хочет их защитить, не хочет им помочь. В конце концов Огурцов сказал:

– Знаете, товарищ подполковник, Олег Волков сам знает как себя и свою спутницу защитить! Ведь вы знакомы с его послужным списком? Знакомы! А раз так, то понимаете, что он вполне может сам решить свои проблемы! Вот пусть он сам и решает как, у кого и когда ему просить... или не просить помощь, – отрезал Огурцов.

– Хорошо, – после короткого молчания ответил собеседник, – не хочешь говорить, не надо! Только давай условимся – если кто-то тебя будет спрашивать про... твоих друзей, отвечай так же: не было, не знаю и вообще с тысячу лет не встречался!

И Калманович, сердито сопя, вышел из кабинета Огурцова, однако тут же вернулся и, оперев жесткий, словно стальная арматурина, палец, в грудь Огурцова, сказал:

– Только учти, Дмитрий Иванович, если с Лебедевой и Волковым что-то случится, отвечать будешь ты! Хотя бы перед своей совестью, – и повернувшись, ушел! На этот раз окончательно! А доктор Огурцов, услышав, стук входной двери, вдруг широко улыбнулся. Сказанное Калмановичем «Отвечать... что-то случится...» так не вязались с тем, чему невольным свидетелем оказался Огурцов, – жизнеутверждающими, ночными плясками и пронзитель-

ными, утренними словами Олега об Ольге. Вот поэтому Огурцову казалось, что весь мир Ольге и Олегу будет только улыбаться и что у них все будет хорошо.

Глава 6

Так, глядя в окно, доктор Огурцов довольно долго стоял, вспоминая и друзей своих, и следователя с его словами о моральной ответственности. И как долго бы он так стоял, погруженный в морально-ностальгические проблемы, неизвестно, но все кончилось как обычно – открылась дверь и появилась сердитая Елена Георгиевна:

– Дмитрий Иванович, ну сколько можно? То он, видите ли, опаздывает на работу, то опять стоит у окна и неадекватно улыбается. А работы-то еще немерено! Иль влюбился? Уж больно улыбка на лице глупая! Давай, Иваныч, соберись. У нас два вскрытия еще. Санитар уже и психовать перестал.

– А что там у нас? – спросил, было, доктор, но Елена Георгиевна, всплеснув руками, ответила:

– Нет, ну точно... влюбился! Ведь два раза уже говорили ему...

– Ах да, вспомнил: автодорожка и... напომни еще кто?

– Да алкаш... «технаря» обожрался!

– Ладно, скажи санитару, пусть готовится...

– Давно уже готов! – ядовито ответила Елена, – и в журналах записаны оба, – сказала Елена, увидев, что доктор собирается что-то спросить.

В этот день они все на работе задержались. И потому, что доктор изначально опоздал, и потому, что вскрытия затянулись. Закончив работу, все стали собираться по домам, и доктор Огурцов, паркуя компьютер, задумчиво сказал:

– А я сегодня видел привидение. Когда мы с дядей Сашей пошли положить на каталку «обожавшегося алка-

ша», я наклонился и краем глаза увидел, как кто-то выбежал из холодильной камеры. Бесшумно выбежал! И на нем были те же джинсы что и на трупке алкаша.

– Эка невидаль, – тут же ответил санитар дядя Саша, – помнишь, Иваныч, мы вскрывали цыгана... ну, того... в длинной красной рубахе?

– Ну, помню, и что?

– Так вот ты тогда его осмотрел, а потом из секционки-то вышел, сказав, чтобы я начинал. Ну, я и начал. Делаю, значит, первый разрез, а сам чувствую, что сзади меня кто-то стоит, причем стоит вплотную, прямо наваливается на меня. Я через плечо глянул, а там этот цыган стоит и, вытянув шею, мне через плечо смотрит. Типа, а что там с ним делают?

– И что? – с круглыми глазами спросила лаборантка, – что дальше то было?

– А ничего! Он, видимо, понял, что я его увидел, и бесшумно метнулся к выходу и был таков. Эка невидаль.

Домой доктор Огурцов приехал почти в шесть вечера и первое, что он увидел, был здоровенный Land Cruiser, или в переводе на простонародный русский – «крузак». Эта здоровенная машина почти наполовину перегораживала неширокую улочку Огурцова. Свернув к своим воротам, он вылез, и одновременно из «крузака» появился седовласый, импозантный мужчина. Широко улыбнувшись, он сказал:

– Доктор, простите, но мне нужна ваша помощь. Дело в том...

– Понял, дальше не надо! Побили? Но помочь не могу – освидетельствования по поводу телесных повреждений проводятся в рабочее время с...

Седовласый, импозантный мужчина холодно улыбнулся:

– Я ценю ваш юмор, доктор, но вы не угадали...

– А-а-а... – снова перебил его Огурцов. – Не побили? Значит, изнасиловали. Это тоже только завтра, а сейчас...

Мужчина снова улыбнулся и таким же спокойным и ровным голосом продолжил:

– Позвольте я все-таки изложу свою просьбу, а уж потом вы можете проявлять свой тонкий и бесподобно оригинальный юмор, безусловно достойный Камеди Клуб! А я с удовольствием послушаю. Хорошо? – и чуточку помолчав, сказал:

– Я начальник службы безопасности Александра Маркштадта. Вам, надеюсь, известна эта фамилия?

– Фамилия – да! Но фамилия Путин – известна еще больше, и что с того? – язвительно ответил Огурцов, но седой с каменным выражением на лице, продолжил:

– И нам крайне необходима информация о его жене Ольге Лебедевой. Где нам удобнее будет беседовать?

– Нигде, – равнодушно ответил Огурцов, – все свои вопросы задавайте тем, кто расследует дело о смерти Лебедевой, а именно руководителю...

– Да, мы знаем такого. Генерал Пархоменко нам сказал, кто руководит...

– Генерал?! – произнес Огурцов. – Вот оно как! А что ж вы ко мне-то лезете, коль есть цельный генерал? Генералы, они знают больше чем мы, сирые. Что ж он вам не сказал всего того, что вам надо было знать. Он ведь генерал.

– Доктор, вы же все понимаете! У нас имеются веские основания...

– Вот эти основания и имейте! – равнодушно ответил Огурцов. – А меня от этих «оснований» освободите: ответы на подобные вопросы выходят за рамки компетенции судебно-медицинского эксперта, а посему – ничем помочь не смогу. Так что – auf Wiedersehen... товарищу Маркштадту! А вам – досвидос! Надоели уже, охраннички!

Загнав машину во двор, доктор Огурцов занялся своими делами и о посетителях как-то забыл, но когда через часок он выглянул из окна, увидел стоящего на прежнем

месте все того же «круизера». Поразмышляв пару минут, он набрал номер Калмановича и тут же услышал шум отъезжавшей машины – то уехал «ландкруизер» и улица опустела.

Ночь, несмотря на бессонную предыдущую, в этот раз тоже... не порадовала. Сон был очень поверхностным, спать мешали какие-то мысли, непрерывным потоком несущиеся в голове Огурцова, и поэтому, когда прозвенел будильник, Огурцов явно обрадовался и, несмотря на чувство разбитости, вяло помахав гантелями, на ходу испил чай и, быстро собравшись, поехал на работу. Поехал по первому снежку, который, оказывается – вот сюрприз! – сыпал всю ночь. Следствием этого на дороге образовался хороший, снежный накат и был он из тех, первых, очень неприятных, ибо преподносил добавочную и, главное, неожиданную работу судебно-медицинскому эксперту. И то, как возникает такая работа, произошло прямо на глазах Огурцова. На повороте столкнулись две легковушки, причем столкнулись легонько так, краску повредили. Но орлы-водители не стерпев обиды, выскочили из машин и стали хватать друг друга за грудки, громко выясняя кто виноват, оглашая округу сплошной нецензурщиной с редкими и короткими связками типа: «А ты кто такой? Да я тебя...» А потом один из водителей изо всех сил треснул другого кулаком по носу и, белый, девственно-чистый снег оросило красным.

Дальнейший путь до места работы был ничем не примечательным, а последующие пару часов были посвящены текущей работе. Потом доктор Огурцов – предварительно созвонившись! – уехал в Следственный комитет, памятуя просьбу Волкова: «Наш сегодняшний разговор завтра утром – запомни, завтра, а не сегодня! – перескажешь Калмановичу, а записку передашь ему же, но не ранее чем через трое суток». Причем Волк сильно упирал именно на три дня и чтоб не раньше!

В Комитете он сразу же прошел к руководителю:

– Ой, кого я вижу? – вставая из-за стола и пожимая руку Огурцову, улыбаясь сказал Калманович. – Никак, явка с повинной?

– Да, гражданин следователь! Так точно, гражданин следователь. Совесть замучила, спать не могу. Пишите: ограбление инкассаторов, что имело место в прошлом месяце в городе, – моих рук дело!

Калманович хохотнул:

– Ладно... счет один-один! С чем пришел? – улыбаясь, спросил он.

– Да, мне Волков кое-что рассказал вчера, и просил тебе это пересказать именно сегодня с утра, – и слегка подумав начал, было, рассказ, но открылась дверь, вошел водитель комитетской машины Валерий Александрович.

– Сейчас Иваныч, посиди... пять минут... – и доктор Огурцов, взяв свою кружку, отошел к окну, разглядывать проходящие машины и краем уха слушая про то, что повестка отвезена... под роспись... явиться обещал в срок. Закончив доклад, Валерий пошел к двери.

– Постой, Валерий Александрович, – задержал его Калманович, рассматривая повестку. – Ты что, сегодня повестку вручил?

– Ага... Вчера я его не нашел. Вот сегодня рано утром и съездил. А хотите расскажу... еду я вчера в сторону Куранска и вижу такую картину: гаишники остановили «жигуленок», вынули из него водилу, поставили нараскоряку – руки на капот, ноги в стороны и охаживают, его резиновыми дубинками. Я проехал мимо и через заднее зеркало видел, как один из гаишников прострелил из пистоля колеса того «жигуленка», а водилу в наручниках запихали в гаишную машину.

Калманович поморщился и недовольным голосом коротко бросил:

– Видать, достал их прилично! Давай, Иваныч, излагай, что там у тебя.

И Огурцов рассказал и про Ямщика, и про апрельский взрыв, и про стукача в «Дарах Востока», и о том, что Волков не хочет пока общаться только потому, что ему надо закончить переговоры по очень важному делу.. Рассказав почти все Калмановичу, Огурцов в раздумье потер лоб:

– Слушай, Антон, позови своего водилу сюда, а?

– Зачем?

– Я только что сообразил: и Волков, и твой водитель уехали в Куранск примерно в одно время и оба на «девятках»! А вдруг...

Руководитель СК, прищурившись, посмотрел на Огурцова и, кивнув на стол, сказал:

– Номер машины напиши. – И доктор написал: 789 и, отдав листок следователю, сказал:

– А буквы я не помню!

Через пару минут зашел водитель, и Калманович спросил:

– Номер той девятки помнишь?

– Там, где водителю правила дорожного движения вдалбливали резиновыми дубинками? Конечно, помню – 789! А вот буквы я не помню!

После получения этой информации Калманович подробнее расспросил своего водителя, буквально обо всем: и как выглядели сотрудники, и какая у них машина, и точное место «досмотра». Потом, созвонившись с начальником полиции полковником Гарькавым, отправил группу для осмотра места происшествия, после чего он довольно долго сидел молча, явно что-то взвешивая и наконец сказал:

– Судя по спецсообщению, в том месте, где указал Валерий, в течение вчерашнего дня никаких задержаний или иных эксцессов зафиксировано не было. А это значит, что или гаишники липовые, или настоящие сотрудники по каким-то причинам не сочли нужным сообщить о проис-

шедшем событии, и это требует обязательного разбирательства, а потому, друг вы наш судебно-медицинский, нам ничего не остается, как плотно взяться за вас. Сейчас Валерий Александрович принесет кусачки, подногтевые иглы, суставные молотки и...

– Чуть что, сразу «Косой! Косой!» – сказал Огурцов, – а, может, я и так скажу? Кстати, что сказать-то?

Калманович чуть укоризненно посмотрел на доктора и ответил:

– Если предположить, что до Волкова все же добрались, то имеется и прямая угроза для Лебедевой. Косой, куда вы ее спрятали?

В этот момент в кабинет вошел начальник розыска Максим Коробкин и сказал, что опергруппа уже дожидается:

– Куда едем, доктор?

Через полчаса они на двух машинах уже подъезжали к дому Зои Ивановны и при первом же взгляде на дом у Огурцова возникли нехорошие предчувствия, ибо калитка была распахнута, что для аккуратистки Зои Ивановны было нехарактерно. Вошедшие в дом оперативники нашли лежащую на полу хозяйку. На ее голове была кровь, но никаких серьезных повреждений кроме небольшой ранки, судмедэксперт Огурцов не нашел. Тщательно осмотрев все тайные «подгорные» комнатки, они никого не обнаружили. Ольга Лебедева исчезла, не оставив и следа...

А на улице, когда доктор Огурцов повел к машине оперативников раненную хозяйку дома, подкатил вчерашний «ландкрузер». Доктор Огурцов, сказал бы, нагло подкатил, по-хозяйски. Начальник охраны Маркштадта в сопровождении еще более холеного и ухоженного господина прямиком пошли к Калмановичу:

– Господин полковник! Я, адвокат Генрих Презик, заявляю, что этот... господин, – и он показал пальцем в сторону Огурцова, – принимал активное участие в похище-

нии человека и способствовал незаконному лишению его свободы. Мы имеем в виду госпожу Ольгу Борисовну Лебедеву, жену моего доверителя Александра Филипповича Маркштадта. Заявление районному прокурору уже передано.

– Что ж, господин адвокат, мы будем разбираться, непременно проведем соответствующую проверку, по итогам которой примем соответствующее процессуальное решение.

После этого прибывшие вернулись в машину и укатили, причем начальник охраны успел ехидно шепнуть Огурцову:

– Кстати, если что случится, обращайтесь ко мне, но только в рабочее время! Я говорю про побои или, не дай бог, – изнасилование, – ехидно улыбнувшись, ушел в машину.

– Ну ни фигя себе, – сказал Огурцов, – я еще и виноват, что ли? Может, мне еще и похищение Волкова припишут?

– Забей, – коротко ответил Калманович, – здесь состава преступления нет и не было, это воздействие на нервы или какой-то тактический ход и не более того. Все, поехали, поехали! – и машина уже, было, тронулась, но притормозила и Калманович, приоткрыв дверку служебного «фольксвагена», крикнул Огурцову:

– Эй, уголовничек! Бабушку свози к хирургу, а потом на десяток минут пусть водила к нам завезет! Ведь надо же узнать, кто бабуле приложил по голове и куда подевалась Ольга. Машина в твоём распоряжении, доктор, адью!

Глава 7

Пока ехали в больницу, Зоя Ивановна, слегка морщась, рассказала, что Ольга пробыла у нее почти полные сутки: «...такая женщина, такая женщина! На фронте у нас была такая же – полковник. Так вот она, однажды самому мар-

шалу Коневу...» Однако что такое она сотворила с маршалом, доктор Огурцов так и не узнал, так как их машина подкатила к приемному покою районной больницы и Зоя Ивановна, человек старой закалки, решительно отказалась от помощи и самостоятельно прошла в кабинет врача. Впрочем, рана на голове действительно оказалась пустячной и до кости свода черепа не проникала. Однако как бывший военфельдшер ни геройствовала, хирург рану обработал и наложил швы, после чего Огурцов сдал ее с рук на руки водителю комитетской машины, после чего пошел было к себе, однако в дверях нос к носу столкнулся с... доктором Перцевым! Вернее, с бывшим доктором! Еще пять лет назад Перцев перестал быть врачом и в одночасье превратился в предпринимателя, причем по слухам, успешного – в городе, куда он уехал, у него была парочка не самых захудалых магазинов. После первых и маловразумительных приветствий, восклицаний доктор Огурцов, по старой памяти предложил пройти к нему, «тяпнуть» за встречу. Однако Перчик пойти-то пошел, но от «тяпанья» отказался категорически, пояснив, что в бизнесовых делах голова всегда должна быть трезвой.

– Ну, как же, как же! – иронично ответил доктор Огурцов. – Это лечить людей можно пьяным, а обманывать их же – для этого нужна ясная голова.

Однако Перчик ничуть не обиделся и, усмехнувшись, ответил:

– Где-то ты прав, конечно! Сам же знаешь про купи-продай! В известной мере это так. Ладно, как ты, что нового?

И доктор Огурцов коротко ответил, что ничего нового нет, что все по-старому, но Перцев вдруг оживился:

– Слушай, а в городе ходят слухи, что у вас районе то ли погибла, то ли была похищена Ольга Лебедева? Какая-то мутная история, слышал об этом?

– А ты-то откуда знаешь про это? И почему тебя это интересует?

– Как же мне то не знать? Как же мне не интересоваться? Она же владелица крупной сети супермаркетов города «Красный Восток»! Я через сеть этих магазинов некоторые товары приобретаю. А муж! Ты знаешь, кто у нее муж? – в ажиотаже спросил Перчик, – это Александр...

– ...Филиппович Маркштадт, а Ольга моя одноклассница, – закончил Огурцов и чуть не рассмеялся, глядя на вытаращенные глаза Перчика и его отпавшую челюсть.

– И ты... мне не сказал... друг называется.

Из последующих упреков и вообще – разговора, доктор Огурцов выяснил, что Ольга Лебедева среди «торгового люда» столицы области славилась своей жесткостью и неуступчивостью и, по мнению Перчика, ей могли и отомстить, и убрать с дороги, как конкуренты, так и те, кого она разорила. А таковых, оказывается, было немало. Здесь он заметил:

– Кстати, эту торговую сеть создавал еще сам Маркштадт! Но сейчас он к ней не имеет никакого отношения, твоя Ольга там полноправная хозяйка.

Доктор Огурцов услышав эту информацию, с изумлением понял, что его внутренние ощущения сильно расходятся с тем, что ему рассказал Перцев. В его понимании образ Ольги был примерно такой: одинокая, немного лиричная, мягкая, а вот по рассказам Перчика – совсем другая – жесткая, властная. Обдумав это, он предложил:

– Поехали в Комитет! Там расскажешь! Думаю, им будет это интересно, а заодно и записку отдам, коль такие обстоятельства!

До комитета ехали на машине Перцева. Как он сам сказал – на «Перцовом BMW». Уже подъезжая, Огурцов спросил:

– С Неделиной-то видишься? Или прошла любовь, завяли помидоры?

Перчик долго не отвечал и, только остановившись у Комитета и заглушив двигатель машины, нехотя сказал: –

Завяли! Она после родов с годик дома сидела, а потом ушла в адвокатуру. Так что не видимся. Не поверишь – ни разу ее не видел!

– А я встречался... на суде. Она развалила одно мое заключение, грамотно развалила! Правда, я сам дурака сваял, ну два ладно, дело прошлое... Все, пошли к Калмановичу!

Александр Маркштадт, бизнесмен, предприниматель, капиталист, никак не мог для себя решить – кто же он? Как правильно называть то, чем он занят, так сказать должность – в который раз думал он, стоя у огромного, от пола до потолка окна? Скорее, прозрачной стены. Он стоял, перекачиваясь с носков на пятки, и рассматривал панораму города, раскинувшегося на берегах одной из крупнейших рек мира. Маркштадт давно перерос уровень «городского бизнесмена», да и уровень страны тоже, ведь две трети товарооборота осуществлялось со странами ближнего и дальнего зарубежья. Однако свой город он считал именно своим и, как другие крупные «акулы», никак не мог решиться уехать жить куда-нибудь в Европы. Никак не хотел, хотя недвижимость у него была не в одной стране мира.

Внезапно запищал селектор и голосом Анны проговорил:

– Александр Филиппович, к вам Евгений Иванович, начальник службы безопасности.

Мельком глянув на часы: пятнадцать – пятнадцать – приучил вас к *die Genauigkeit und Ordnung*⁵ – и, усмехнувшись, прошел на свое рабочее место и сказал в селектор:

– Прощу! – и сразу же бесшумно открылась огромная дверь, и Евгений Иванович, как всегда подтянутый и внешне невозмутимый, прошел на свое всегдашнее место и, открыв тоненькую папочку, сказал:

⁵ Точность и порядок (нем.)

– Ольга Борисовна, ваша супруга, после взрыва машины уцелела случайно – это наилучшее объяснение нелогичной случайности. Однако есть данные о том, что они знали о возможном взрыве и пересели сознательно, а вот дальше – нелогичные поступки...

– Нелогичными бывают такие поступки, о которых у других – у нас вами, к примеру! – нет всей полноты информации, – недовольно сказал Маркштадт.

– Я в курсе этой теории, – ответил начбез и, остро глянув на собеседника, сказал: – Попрошу не перебивать меня, – после чего продолжил: – Вот смотрите, как все было: двое приезжают на BMW в забегаловку. Через час пересев в банальную «девятку» – зачем спрашивается? – едут в городок, а их немецкую машину взрывают уже после отъезда. Дальше они приезжают в Городок и ночуют у некоего Огурцова, что, в общем-то, объяснимо: они все трое одноклассники. Утром, оставив Ольгу Борисовну на попечение бабушке – бывшей медсестры Огурцова, Волков один едет в сторону Куранска. По дороге его останавливают сотрудники полиции и все – больше о нем вестей нет! Ни где он, ни что с ним! В это же время похищают вашу супругу, разбивая при этом голову бабушке. Больше о вашей супруге вестей нет! Ни где она, ни что с ней! Далее: судмедэксперт Огурцов! Его роль не ясна. Может, случайна – одноклассник, дал приют, пристроил Ольгу Борисовну – по сути, спрятал. В связи с этим наш адвокат написал бумагу в прокуратуру, обвинив его в уголовных преступлениях...

– А зачем? Он же не причастен... Поясните?

– Посмотрим на реакцию правоохранителей: если начнут хоть что-то про него выяснять, пасти его – нам сигнал. А если отмахнутся – сочинив бумагу, что не состоял... не принимал участия... не замечен, – значит, и нам он не интересен. Далее то, что я сказал – это очень вкратце и только основное, но мои ребята просчитали таким образом: поездка у Ольги Борисовны и Волкова не просто,

простите, интрижка на стороне, вдали от очей мужей и жен, это некий план по осуществлению какой-то реальной задачи. Какой – не знаем. Но как начальник службы безопасности чую, что это на вас идет охота, шкурой, спинным хребтом чую и в таких случаях я не ошибаюсь.

– А больше ты ничем не чувствуешь? А то в первую очередь другим местом что-то чуют, – усмехнулся Маркштадт и, встав из кресла, прошелся по большому, но довольно скромному залу: – Что предпринять думаешь? От меня что надо?

– Александр Филиппович, я уже говорил про созданную вами СР – службу разведки и ее начальника, которого зовут Агент. Мне не дает покоя взрывное устройство, использованное... ну вы знаете где! У Агента было такое же! Где оно?

– Агента и его службу забудь. Он не имеет к этому отношения. Он вообще не имеет отношения к городу. Тебе этого достаточно?

– На словах – да, а в душе – нет!

– Ладно, это твое право и твоя обязанность, только вот что, – задумчиво сказал Маркштадт, – тебе надо поговорить с Ямщиком! Знаешь такого?

– Знаком, – коротко ответил собеседник, – жулик средней руки, до законника не дорос, его братва занимается угонами машин.

– Именно! Двое погибших и начисто сгоревших – люди из конкурирующей организации. Вольные стрелки, не желающие идти под начало Ямщика. А потом тебя ждет Александр Марчук. Знаком с ним?

Евгений Иванович кивнул головой:

– Постольку поскольку... Вор в законе, кличка Гинеколог. Все это, правда, в прошлом, ибо ныне он легальный бизнесмен, принят почти во всех высших кругах области, за исключением губернатора. Для того чтобы пролезть на губернаторские приемы он прилагает много сил и мешки

денег, но пока губернатор близко его не подпускает, но и не отталкивает.

– Вот спасибо что просветил, а то я не знал, – с усмешкой ответил Маркштадт. – Обговори с ним все, нас интересующие вопросы. Лишнего не спрашивай. Я с ним договорился. Он в 19 часов будет ждать тебя в ресторане...

– «Сторожевая башня»?

– Да, она самая. Это его ресторан... И еще, если он что-то скажет – можно безоговорочно верить, а если на какой-то вопрос не ответит, ты не настаивай. Это значит что врать – мне врать! – он не хочет, поэтому и смолчит.

– Все, я понял! Пошел. Материалы, где мы более подробно изложили все разумно возможные варианты прошедшего и анализ возможного развития событий здесь! – и Евгений Иванович, положив на стол принесенную с собой папку, вышел.

Глава 8

В полутьме комнаты лицо Ольги, утопающее в подушке, ее спутанные белые и, как бы невесомые волосы, облаком окружали ее голову... и голубые, пронзительные глаза... ее рука, закинутая на лицо... равномерно двигались вверх, вниз, вверх-вниз... и ее совсем сухие губы, которые Олег накрывал поцелуем, когда она издавала полустон-полувсхлип...

– Тише, тише, родная... хорошо как... – и уже через секунду, Ольга сама вскидывала руки и с силой обнимала Олега за шею, плотно прижимала его к себе и шептала:

– Олежек, милый... как хорошо... только тише, тише... разбудим... а-а-а...

И так продолжалось бесконечно. Когда в комнату через маленькие оконца деревенского дома стал просачиваться серый свет нового дня, Олег и Ольга лежали рядом, тесно прижавшись друг к другу, лежали почти неподвижно и лишь иногда шепотом Олег спрашивал:

– Ты моя, правда, моя?

– Боже мой, как хорошо... как я тебя люблю, как я тебя люблю... твоя, вся твоя, твоя, – бессвязно шептала она.

А за окном уже совсем стало светло. Где-то в доме хлопнула дверь, раздался грохот поленьев, принесенных хозяином дома, и приглушенный кашель старого курильщика. Наступал новый день, а с ним и новая неделя. Неделя, которая все расставит по своим местам: всем сестрам раздаст по серьгам. «Наверное, все расставит», – подумал Олег и тихонько, чтоб не потревожить Ольгу, собрал свою одежду и на цыпочках вышел из их крохотной комнатенки.

– Поднялся уже, – утвердительно прогудел голос из-за перегородки и, тут же в дверях появилась колоритнейшая фигура хозяина дома: рост под два метра, окладистая, седая, чуть не до пояса, борода... ладони-лопаты и ко всему этому низкий, могучий бас. Казалось, заговори он громко – стекла в доме потрескаются.

– Иди, попей чай со зверобоем... там, на печи, хлебни, – хитро блеснув глазами, прогудел он, – охлонись, а то, поди, запыхался, бедолага, да и дефку свою замордовал однако... кобель! Иди, иди, – прогудел хозяин и вышел, впустив в дом клубы холодного воздуха.

«Да, – подумал Олег, зябко поежившись, – здесь в тайге уже зима, снегу чуть не по пояс, а в городе снег еще и не выпал наверное», – и с наслаждением отхлебнул из старинной алюминиевой кружки нечто невообразимо приятное. Устроившись у окошечка избушки, он, прихлебывая чай, задумался, вспоминая прошлое и думая о будущем. Олег краем уха слышал, как Ольга говорила Огурчику, что они встретились случайно, но это было не совсем так. Олег давно знал, где и кем работала Ольга, и главное – кем был ее муж. И поэтому встречаться с ней Олег не хотел, но встретился случайно и, эта случайная встреча произвела на него большое впечатление. Он и до этого пару

раз ее видел и запомнил выражение ее лица: холодное, высокомерное с неким оттенком брезгливости к окружающему миру – Хозяйка жизни, как же! А потом он увидел ее без охраны и без какого-либо окружения – она шла совсем одна по маленькому скверику, и поэтому ей не надо было играть на публику, она была самой собой и ее вид его поразил: потухшие глаза и бесконечная усталость на лице. И в тот момент Олег каким-то шестым чувством понял, что Ольга одинока. Одинока и глубоко несчастна, несмотря на все ее богатство. И тогда он, не раздумывая, обогнув небольшой фонтанчик, якобы случайно столкнулся с ней. И дальше все повторилось, как и три десятка лет назад: они внезапно обнялись и стали целоваться, не думая ни о ком и ни о чем. И уже во вторую, или третью их встречу речь зашла о муже и его бурно разрастающихся рогах и на его вопрос:

– А вдруг Маркштадт узнает? Он же... – довольно безразлично ответила:

– А ему начальник охраны уже все доложил! И про тебя, и про нашу встречу в... одной постели. Так что... – а потом Ольга села и со страстью, смешанной с болью, сказала: – Я его ненавижу! – и поведала и про тот давний обман, и о его бесконечных любовницах-секретаршах, и о вооруженном нейтралитете между ними:

– Мне нужна официальная жена. Без этого бизнес, – сказал тогда мой муженек, – не будет столь успешным. Так что ты соблюдай внешние приличия... и не мешай мне! А я не буду мешать тебе... При соблюдении внешних приличий.

– И что ты?– спросил он тогда Ольгу

– А я ему тогда сказала, что вопрос о приличиях не к ней. А к тому, которого он видит в зеркале, и еще я ему коротко пояснила, куда он должен затолкать свой бизнес и ушла. И с тех пор мы с ним больше... да и до этого разговора... раз в месяц у нас-то и бывало это. И меня все

устраивало, но появилась мисс Королева Области... в его постели появилась! И она моего «драгоценного муженька» плотно оседлала и что самое удивительное стала потихоньку вертеть им самим. И Маркштадт... Да, что там говорить! Он ведет себя с ней как впервые влюбившийся пацан, а эта самая королева хочет стать женой олигарха.

Олег тогда задумался и сказал:

– Так нанимай адвокатов и разводишься, требуй свою долю от его заводов, газет, пароходов.

– Мне эта доля не нужна, у меня своих денег достаточно, – сказала тогда Ольга и каким-то резким голосом, бросая короткие, рубленые фразы закончила:

– Я помню, с чего началась наша жизнь. До сих пор помню, как на Урале я руки на себя чуть не наложила. Не поверишь, мне до сих пор снятся сны, что я стою у края моста... стою и начинаю клониться вниз и... всегда просыпаюсь в этот момент. И я уйду после того, как он сам прыгнет с моста! – резко сказала Ольга.

На Олега тогда огромное впечатление произвело не то, что она сказала, а то, как она это сказала и он, много повидавший и испытавший опер, в глубине души содрогнулся. Он, помнится, тогда спросил, что она хочет предпринять, но Ольга довольно беззаботно ответила, что не знает и что надеется на его, Олега, помощь. Они тогда всю ночь обсуждали это... И Олег еще долго думал об этом и дня через три сказал ей:

– А я придумал, что надо делать, – и, помолчав чуточку, продолжил: – а сделаем мы вот что...

И в этот момент все воспоминания Олега Волкова прервались, а он сам чуть с табуретки не упал – это дедушка, увидев, что гость углубился в думы, не услышал его появления и, подойдя сзади, и кашлянул. Легонько, конечно, кашлянул.

– Ну, что хлопец, сказывай какая такая судьбинушка вас в тайгу к нам закинула, а то я ведь не знаю, что и де-

лать-то с вами? То ли вас злыдни преследуют, то ли вы сами злыдни и укукошили кого-то?

– Тьфу, на тебя дедушка, так и окочурится недолго, – вскакивая на ноги, ответил Олег, – мы сначала...

– Нет уж хлопче, сказывай сейчас, пока барышня твоя отдыхает! А то одни сутки вы спали, другие – тешили друг друга. Так что повествуй!

И Олег коротко рассказал об их отношениях, о ее муже и о том, как они встретились и как решили действовать:

– Я оставил Ольгу и поехал в Куранск. Вот по дороге и попался. Да так глупо... Меня, мента, опера, подполковника купили как салагу-первогодка, купили как...

– Не отвлекайся, – прогудел старик, – сказывай по делу!

– В Куранск, значит, поехал... Еду и вижу гаишников. Я сразу просек, что наряд липовый – и нагрудных блях нет, и машина гражданская. В общем я уж совсем было собрался газануть, как вижу среди них знакомого литеху. Я про него знал, что он работает в ГИБДД. А он палочкой помахивает, останавливает. Ну и не успел я еще притормозить, а он кричит, что им моя помощь нужна! Ну, я и остановился, дурак, а они меня сразу выключили... резиновой дубинкой по голове. Пришел в себя в лесочке, куда они меня увезли в своей машине. Они требовали от меня Ольгу, куда, мол, я ее спрятал. И они были твердо уверены, что я ее похитил.

– Ну-ну, – прогудел дед, – и как ты выкрутился?

– Да все просто. У меня на ноге был пристегнут пистолет. Прямо у щиколотки и они, лопухи, его не нашли. Да особо-то, похоже, не искали. В общем, я двоим прострелил руку, а одному ногу. Связал и уехал назад. И вовремя! Опоздай я на 5 минут и все, Ольгу бы увезли и никто бы ее не нашел. Там и улики были против меня. Кстати, умело подобранные.

Некоторое время они молча пили чай. А потом дедушка прогудел:

– И что дальше намерен делать?

– Дальше? Дальше нам надо уйти в подполье, пересидеть не менее двух, а то и трех недель.

– Ну, я такое место найду. Кстати, ты на лыжах как? Ходить умеешь? Или...

– Обижаешь, батя. Конечно, умею.

– Хорошо. Пройдет три недели и что дальше? Чем вам это поможет?

– А все очень просто! Ты, как можно быстрее отправишь из райцентра письмо в Куранск, Тимофею, моему близкому другу. Письмо это сигнал, что пора... Он знает что пора! И отправляет некие материалы Маркштадту, вернее начальнику его охраны. Получив их, муж Ольги прижмет хвост и вякать не будет. И второе письмо – в Следственный комитет – там улики против нового главы разведки Маркштадта, которого все зовут Агент. Это под его руководством и по его приказу пытались Ольгу убрать...

– А зачем ему надо было меня убирать? – это проснувшаяся Ольга, услышав разговор, вышла к мужчинам.

– Как зачем? – ответил Олег. – Ведь эта самая Мисс Область родная сестра агента. А ты, Оленька, сильно мешаешь ей стать фрау Маркштадт. Вот такой расклад. Все примитивно. И еще! О том, что Агент и Мисс Область брат и сестра, правда только по отцу никто не знает, – и, помолчав, уточнил: – Ну, разве что полковник... Начальник Службы безопасности. Да и они сами об этом узнали не так давно.

– А ты, хлопчик, как узнал об этом? – вкрадчиво прогудел дедушка.

– Да очень просто: мы с этим самым Агентом в «учебке» ВДВ были в одном взводе. И вот только, когда мы с Олей... сблизились и стали планы строить, она мне его показала. А я долго вспоминал, где его видел, а, вспомнив, через своих друзей пробил и Мисс Область. Вот и узнал, –

и Олег молча допил чай и, поднявшись с табуретки, постанывая, сделал несколько разминочных движений, сказав: – Все руки гады отбили, мышцы словно деревянные. – И, глянув на деда, спросил: – Так сможешь или?..

Дедушка встал и огладив в бороду, ответил:

– Да куда ж я денусь – и хитро подмигнув Ольге, продолжил: – всенепременно помогу! Се дня собираюсь... одежонку подгоняю, харчишки укладываю, потом я все грузю в прицеп снегохода и завтра рано поутру едем в лесну избу. Там вы и прокукуете до декабря.

– А вдруг туда кто-то явится... охотник какой?

– Туда не явится, – хмуро ответил дедушка, – ты милая отдыхай, а мы с твоим ухажером все соберем.

Глава 9

После разговора Перчика с Калмановичем, минуло дней десять и с тех пор ничего не изменилось. Рассказ Перцева об Ольге и ее личностных, так сказать, характеристиках, руководителем Комитета был выслушан со вниманием, но и не более того. Когда Перец укатил на своей «иномурке», Калманович, пройдясь по своему немалому кабинету, задумчиво сказал:

– И ничего нам это не дает! Разве что взглянуть на проблему немного с другой точки зрения? – И помолчав, закончил: – Так мы это и так сделаем, непременно сделаем!

– А записка Волкова, та, что я тебе передал, тоже ни о чем? Ведь для чего-то он писал ее, что-то изложил в ней... мелким и убористым почерком?

– Изложил... общую канву событий изложил и не более того. Беллетрист! – раздраженно сказал Калманович. – Зачем нам эти сочинения без указания фактов, которые могли бы стать доказательствами...

– Что, совсем-совсем ничего?

– Он написал, что в нужное время представит нужные доказательства! – с тем же раздражением бросил он и добавил: – Шерлок Холмс и миссис Марпл. В игры все играют.

– С чего это ты вдруг взъелся на них?

– С чего, с чего... – пробормотал Антон, – по тем двум сгоревшим трупам подвижки никакой, то есть вырисовывается натуральный «висяк». Сегодня генерал нам за это вставил! А тут еще пейзаель Волков... Я что, после этого радоваться должен?

На этом разговор и закончился, а доктор Огурцов совершенно отключился от всяких внеслужебных дел, ибо конкретной работы навалило как... короче очень и очень много. Поэтому благодаря этой служебной текучке, у него совершенно не осталось времени на посторонние дела. А вот мысли и о Белобрысой, и об Олеге в голове у Огурцова мелькали постоянно: где они, что с ними и даже мыслишка: «А живы ли друзья мои? А не свернули ли им шеи подручные тов. А. Ф. Маркштадта?»

И вот на десятый или одиннадцатый день, когда доктор Огурцов пришел на работу, ему сразу же напомнил о себе телефонным звонком Калманович:

– Иваныч, ты на месте? – и услышав короткий утвердительный ответ, добавил: – Никуда не уходи, сейчас заеду.

Положив трубку, доктор Огурцов с недоумением пожал плечами, подумав: «С чего вдруг в такую рань? Ведь комитетчики раньше девяти утра на работу не появляются, а тут...» – и занялся, было, привычными делами, но не прошло и десяти минут, как появился Калманович. Огурцов оглядел подполковника и с удивлением спросил:

– Ты что, на охоту собрался? – разглядывая одеяние Калмановича: меховую куртку и брюки, унты, свитер.

– Ага, собрался... Вот еще и тебя решил пригласить с собой.

Огурцов снова оглядел собеседника и с довольно кислым видом констатировал:

– Труп?

– Угадал. И не один! Вчера вечером из тайги вышел промысловик и сообщил: в охотничьей избе он обнаружил два промерзших трупа. Это, – протянул он доктору флешку, – снимки.

Вскоре на экране монитора они уже разглядывали пейзажи сибирской тайги, занесенной снегом так, что казалось, он сыпал несколько месяцев подряд и что сейчас не начало октября, а конец февраля. На снимках была запечатлена и невеликая, занесенная по самую трубу снегом охотничья изба. А посреди первозданной красоты горной тайги в избушке были трупы, два трупа, почти целиком закрытые одеялами. У одного из них виднелся подбородок запрокинутой назад головы, а на нем было видно хорошо различимое черное вещество:

– Огнестрел? Копоть от выстрела? – спросил следователь.

– Трудно сказать, – задумчиво ответил доктор, – но, похоже, похоже...

Второй труп был полностью прикрыт одеялом и только у стенки, там, где была голова, из-под одеяла выбивались белые пряди длинных волос. Закончив разглядывать увлекательные фотографии, Калманович сказал:

– До этого места, – он ткнул пальцем в экран монитора, – порядка 140 км. Ну, с сотню, а может чуть больше, проползет ГАЗ-66, а вот дальше – на лыжах. Правда, с нами будет еще снегоход с нартами, но ты сам понимаешь, для кого они предназначены.

Перспектива тащиться в тайгу на несколько дней Огурцова никак не радовала, и он угрюмо спросил:

– А может, эксперту там делать...

– Не может! Выезжаем завтра в 5 утра! Иди, готовься. Кстати, с твоим начальством уже согласовано: к тебе на эти дни пришлют эксперта.

Огурцов тяжело вздохнул, ибо ехать не хотелось, хотя... хотя с другой стороны, не так уж часто в такую перевозанную глухомань удастся забраться. Интересно, а кто...

– Слушай, а кто эти двое? Личности установлены, или...

– ...или! Охотник не подходил и их не разглядывал, даже их лица не сфоткал. И никто об исчезновении людей не заявлял, а по внешним признакам один явно мужик, а другой или другая, или пацан, но, скорее всего, судя по длинным волосам – женщина, блондинка... белобрысая какая-то...

– Белобрысая!!! – взревел Огурцов. – Антон, а вдруг это...

– Лебедева и Волков? – догадливо подхватил он, и задумчиво потеревив свою огромную шапку, сказал:

– У нас таких данных нет. Но как вариант – рассматриваем.

Доктор Огурцов обессиленно сел на стул: «Неужели... Белобрысая... неужели... Волчок?.. Неужели?.. как глупо!»

Начальник службы безопасности бизнесмена А. Ф. Маркштадта Евгений Иванович быстро вошел в приемную и довольно нервно сказал:

– Эльза, срочно передайте это, – и он, кивнув на двери кабинета Маркштадта, протянул ей сложенный листочек бумаги, – срочно!

– Да вы что, Евгений Ива... – начала, было, она, но бывший полковник взревел в чисто армейском стиле:

– Шагом марш! – и, притопнув ногой, повелительно ткнул рукой в сторону высокой двери. Секретарша, пораженная таким видом всегда ровного и выдержанного полковника, не раздумывая, скользнула в эту дверь, а еще через минуту она появилась с еще более круглыми глазами, а за ней из кабинета потянулись члены правления, держа-

тели крупных пакетов акций и прочие важные и осанистые господа, в том числе два заместителя губернатора, лица которых были удивленными, – это если мягко сказать.

– Ну и что случилось, дорогой полковник? Что, дворцовый переворот в столице? Или высадились марсиане и предлагают конкурентоспособный товар? – холодно спросил Маркштадт. – Так это не повод для того, чтобы вламываться ко мне в такой день и прерывать...

– Хватит! – рявкнула безопасность и со всей силы треснула кулаком по столу, – не до шуток.

Олигарх внимательно посмотрел на него и показал рукой туда, где всегда располагался главный охранник, но тот, не обратив на это никакого внимания, прошел к столу олигарха и шлепнул увесистый пакет прямо тому под нос. Сев сбоку от начальства, полковник расстегнул пиджак и ослабив галстук, сказал:

– Две недели назад произошло покушение на Ольгу Борисовну и она пропала. Потом выяснили, что останки не принадлежат вашей супруге. Неделю назад пришло то идиотское письмо, которое вы... так и назвали, хотя там были перечислены те возможные секреты вашей империи, опубликование которых привела бы вас не просто к потерям, а к очень большим финансовым потерям, а самое главное, нанесло бы непоправимый удар по репутации. Что вы тогда сказали? – спросил полковник и сам же ответил: – Того, что может принести мне такой вред, знать никто не может. А теперь прочитайте это, – и показал на те документы, что только что принес.

А Маркштадт и без подталкиваний уже углубился в изучение листочков. Одни он едва взглядом пробежал, другие внимательно перечитывал. И постепенно его лицо из просто заинтересованного стало строгим, затем отчетливо мрачным. Наконец он аккуратно сложил эти листки, подровнял и положил точно посередине своего огромного стола.

– А что здесь? – и он показал на маленький кожаный чехольчик.

– Видеоматериалы, подтверждающие написанное.

– Смотрел?

– Часть. Но и того, что я там увидел...

Маркштадт встал с кресла и пошел к окну. Он стоял у огромного, от пола до потолка окна. Стоял и рассматривал панораму города, раскинувшегося на берегах одной из крупнейших рек мира. Маркштадт давно перерос уровень «городского бизнесмена», да и уровень страны тоже, ведь две трети товарооборота осуществлялись со странами ближнего и дальнего зарубежья. Однако свой город он считал именно своим и как другие крупные «акулы» не спешил покидать свою страну. «А вот сейчас придется», – подумал он, отчетливо поняв, что в самой глубине души он давно был готов к этому. И еще он вспомнил, как лет пять назад после первой беседы с Президентом, будучи и под впечатлением и подшофе, взял и рассказал Ольге о том, каким образом он добился ее руки. И как она, услышав это, вся закаменела и, молча посидев, ушла, не сказав и слова. И еще тогда он понял...

– А ты, Евгений, что думаешь об этом? – и он кивнул на стол.

– Думаете вы, а я анализирую и даю рекомендации.

– Вот и давай их сюда, нечего бездельничать!

Евгений Иванович вытащил из кармана листик и, немного подумав, сказал:

– Первое: во взорвавшемся и сгоревшем BMW вашей супруги не было. Не было там и Волкова. Генетики это точно определили.

Далее, в тот день, возле этого BMW, совпали интересы Ольги, вольных угонщиков, людей Ямщика и некоего четвертого. Когда я с Ямщиком встречался, он все начисто отрицал. Он даже сделал вид, что о существовании этих «Даров Востока» слыхом не слыхивал. Потом я встречался

с Гинекологом и от вашего имени просил надавить на Ямщика, и тот надавил, и Ямщик рассказал Гинекологу, что да, он хотел наказать угонщиков и... В общем, его люди заложили грамм сто в тротиловом эквиваленте в машину и, когда угонщики вскрыли ее и покатали, произошел взрыв. И Ямщик, и взрыватели в один голос утверждают, что да, заложили, да, хотели, но взорвал кто-то другой. И как ни давили на них люди Гинеколога, Ямщик со товарищи «зуб давали, мамой клялись и были готовы век воли не видать», но твердо стояли на своем: не они!

Теперь: в присланном материале есть видео с камеры наблюдения этих «Даров»...

– Постой, постой, а что их разве менты не изъяли?

– Видимо да, но не все. Так вот отчетливо видно, кто закладывал взрывное устройство – это люди Ямщика, видны там и те, кто вскрыл машину и угнал ее!

– Значит, эту мощную бомбу заложили до того? Ты на Агента опять намекаешь?

– Не я, Александр Филиппович, назвал это имя, не я! – ответил полковник, а олигарх поморщившись, сказал: – Продолжайте.

– Потом у нас есть эпизоды с похищением Ольги Борисовны и нападением на Волкова липовыми гаишниками – это нам подкинули люди Гинеколога. Это тоже укладывается в общую картину: мину заложил Агент – в смысле, его люди – и когда ваша супруга вместе с Волковым избежала гибели, то только Агент – как заинтересованное лицо, мог это организовать. Но не это главное. Главное – тот компромат, что приведен в этих документах. Я понимаю, что там есть серьезные факты, но насколько – я не знаю.

– Это очень серьезные факты, но главное не это, главное то, что обнажена структура моего бизнеса. И это делает его... ну, если и не беззащитным, то очень уязвимым и, действительно, может привести к существенным не только потерям, но и к уголовным делам. Вот так, – и, замолчав,

прошелся по кабинету. Потом, остановившись, посмотрел на собеседника:

– Но в том то и дело, что если согласиться на условия того, кто это написал, то можно ничего не бояться.

– Простите, о каких условиях вы говорите? Здесь, – полковник показал на стопку документов, – нет никаких... – но не договорил, ибо Маркштадт вытащил из кармана конверт: – Прочти! Вслух прочти!

И тот вытащил листок. Пробежал его глазами и недоуменно глянул на олигарха.

– Читай!

«Александр! На днях ты получишь документы, из которых все поймешь. Прочитав их, сделай следующее: оформи наш развод, яростным противником которого ты всегда был, затем скупно освети сие знаменательное событие в печати. Просто осветив, не приводя никаких фактов, грязи и никаких деталей. На мой счет – ты знаешь какой! – переведешь деньги, примерно равные стоимости всех моих супермаркетов, а потом делай с ними, супермаркетами все что хочешь. Прощай... милый! Да и еще! Надеюсь, ты понимаешь последствия невыполнения моих условий... милый?»

Р.С. Ты зря мне рассказал о том, каким образом мы стали мужем и женой.»

Евгений Иванович глянул на олигарха:

– Вы же сказали, что Ольга Борисовна не знает??? – и, не дождавшись ответа, спросил: – И что теперь делать?

– А у меня что, есть выбор? – тусклым голосом спросил он и сам же ответил: – Нет выбора!

Глава 10

Следственно-оперативная группа, проламываясь сквозь абсолютно нетронутые снега, поднялась на перевал. Позади остался короткий, но довольно крутой подъем и маши-

на со снегоходом, а впереди, под яркими лучами солнца им улыбалась сказочная картина горной долины с такими же нетронутыми снегами.

– Перекур! – скомандовал Калманович, и все попадали в снег там, где и стояли, благо снега на перевале было не так много. Полежав несколько минут, доктор Огурцов встал и пристально оглядел долину, куда им предстояло спуститься. Она была широка, гораздо шире той, по которой они приехали. Горы ее правого края были крутыми и у основания их, глубоко врезавшийся в снега, петлял узенький, прихотливо извивающийся ручеек. Он то прятался от взора людей за наметами снега, то вызывающе блестел, отражая светом ясного солнечного дня. Горы другой стороны долины были очень пологими, словно долина, лентясь подняться в горы, нерешительно стелилась километровой равниной с редкими, но могучими елями и только потом, словно осмелев, полезла в гору.

– А вон там, – показал рукой подошедший проводник, – избушка с трупами!

– Тьфу, на тебя Семен, всю картину испоганил, – вздрогнул доктор – Ни капли романтики в тебе нет.

– Где ночевать будем? – спросил Калманович.

– Ты начальник, ты и решай! Собсно, есть два варианта. Первый – ночевать километра за четыре до избы – там есть место, а другой вариант – все ж дойти до избы, но туда мы придем уже по темноте.

Калманович думал недолго:

– Ночуем у ручья. Второй день – доходим до избы. Осматриваем трупы и с ними возвращаемся до машины – успеем так?

– Если рано утром выйти, еще по темну, то здесь, – проводник притопнул ногой, – мы будем уже в сумерках.

– Отлично! А спускаться здесь до машины с полчаса. Это вверх мы тащились целых три... П-а-дъ-ем! – заорал подполковник и, вытащив свой «макар», выстрелил в воз-

дух. Хлопок выстрела оказался жиденьким, каким-то не-серьезным, к тому же быстро растворившемся в белом безмолвии.

Дорога до первой ночевки, утренний поход до охотничьей избы прошли спокойно, только доктор Огурцов по мере приближения к «точке возврата» стал заметно нервничать, ибо мысли постоянно крутились вокруг одного: «Неужели они... неужели Ольга... Олег... неужели Олег... Белобрысая, неужели...» И в самой избе ничего не изменилось: те же что и на фото две фигуры под одеялами, та же чернота на подбородке.

– Огнестрел, – раздался рядом голос Калмановича, – вон на стене красные брызги.

И тогда Огурцов, словно очнувшись, шагнул вперед и отчетливо увидел рану в подчелюстной области того трупа, что был крупнее, копоть от выстрела и перевел взгляд на второе тело, наклонился и откинул одеяло. Это была не Ольга! Это вообще был мужик небольшого роста с длинными, светлыми волосами

– Это не они, – радостно вскрикнул судмедэксперт Огурцов, – это не они!!!

– Ну и что ты орешь, чему радуешься? Нам-то теперь работать придется, устанавливать их личности, а он орет как... слон!

Осмотр трупов занял совсем немного времени, ибо оно уже не было. И вот, когда прозвучала команда – собираемся, Огурцов, осматривавший тела, вдруг сказал:

– А вообще-то вы, следователи – тунеядцы и сачки! Боятся даже пальцем шевельнуть...

– Это ты о чем? – ощерился подполковник.

– О том! Пока вы, сэр, гуляете по улице и с умным видом осматриваете окрестности избышки – якобы с целью установления...

– Ка-ро-чи! – рявкнул Калманович.

– А короче – я установил их личности! Вот два их паспорта!

На перевал, несмотря на два груза 200, поднялись еще засветло и сверху увидели машину и дым костра, что создает уют. Один их милиционеров на радостях сорвал автомат и дал в воздух короткую очередь. Вот она прозвучала увесисто, не то что пистолетный пшик! Но еще более громко зазвучала ругань Калмановича по поводу несанкционированной стрельбы... Когда оба автоматчика потянули вниз волокуши, доктор Огурцов, оглянувшись в долину, сказал:

– Как рано здесь приходит зима! Еще только 10 октября, а снегу, снегу...

Стоящий рядом проводник и охотник Семен хмыкнул и ответил:

– А вы, доктор, слово в слово повторили слова разведчиков трассы будущей железной дороги Абакан-Тайшет. В 40-е годы отправили трех изыскателей на разведку будущей дороги. Они погибли – замерзли и утонули. Потом нашли дневники одного из них, в которых была запись, что в конце сентября выпал снег и – «как рано здесь пришла зима».

– Да, это было во время войны, средств не было! Это были – Кошурников, Стофато, Журавлев. Они погибли! Есть даже песня про них. Ладно, пошли, – сказал Калманович – и все трое покатались вниз, к теплой машине, костру.

На следующий день на автодорогу выехали только часам к двум, так как утром тяжело и долго вставали, долго собирались ибо «устали за вечер и половину ночи», а если честно то, и вправду устали, поэтому всю дорогу до авто-трассы они полуспали, чуть не вываливаясь из кресел при постоянных толчках. Огурцов даже подумал, что так и шейный отдел позвоночника вывихнуть недолго. Приехав в село Перово – райцентр соседнего района, территория которого входила в состав межрайонного Следственного

комитета, которым руководил Антон Калманович, они перегрузили «объекты исследования» в спецмашину. Калманович убежал позвонить по телефону, а Огурцов принялся за обед. Он уже заканчивал, как прибежал запыхавшийся подполковник и коротко сказал, что есть новости и что за Олегом с Ольгой «колун ходит», что их надо срочно найти. Потом они пересели в микроавтобус, что выделил им начальник милиции, и покатали домой, отсыпаться. На окраине Перова они проезжали мимо местной достопримечательности – горы с трамплином и несколькими трассами для горных лыж. Все это – и трамплин и все остальное предназначалось для детей, и здесь функционировала ДЮСШ по горным лыжам.

– Валера, притормози, – вдруг сказал Калманович, – дай посмотрю на красоту такую. Смотри, Иваныч, как здорово, а!

– А то ты за эти дни не насмотрелся на эту красоту, на «зеленое море тайги»?

– Да при чем здесь море. Ты туда смотри – сейчас ребяташки покатаются! – И с умилением пробормотал: – Я ведь и сам в таком возрасте здесь катался! Смотри, смотри, пошли...

И доктор тоже стал смотреть, ибо ребяташки – совсем шпингалеты и карапузы – покатались как горох по склону, делая замысловатые зигзаги... и вдруг среди довольно многочисленных зрителей – родителей в основном – увидел до боли знакомые белые, даже белобрысые волосы. Огурцов даже привстал. Ольга!? Точно, Ольга!!! А рядом, как ни в чем не бывало, стоял Олег и, улыбаясь, что-то говорил Ольге.

Некоторое время доктор Огурцов смотрел на ребят в растерянности – ведь только что они с Калмановичем рассуждали о том, что их надо непременно найти и что оперативники, пока они по тайге болтались, отработали все варианты, но все впустую:

– Твои друзья на дно залегли, и теперь можно надеяться только на чудо, – сказал следователь.

Тут доктор встрепенулся и негромко сказал:

– Хочешь увидеть чудо? – и показал рукой в сторону Олега и Ольги. Калманович глянул туда же и, ругнувшись, стал открывать дверь их машины... И в этот момент раздались выстрелы! Дальнейшее доктор Огурцов запомнил плохо и отрывочно: вот Олег толкает Ольгу, вот она падает, затем очень громкий рев мотора, чей-то яростный мат и длинная, длинная автоматная очередь... многоголосые крики людей, снова выстрелы, сильный удар, скрежет металла и... все!

Впрочем, доктор Огурцов сознание не потерял, а просто в какой-то момент обнаружил, что он уже не в машине, а сидит прямо на земле, привалившись спиной к колесу машины, и как это произошло, он совершенно не помнит.

«Джинсы, – вдруг пришла ему в голову идиотская мысль. – Новые! Надел после выхода из тайги, а тут грязь... порвал!!!»

Но тут же все посторонние мысли вылетели из его головы, ибо он услышал:

– Огурец... твою мать, п-а-а-дъем! Волкову помоги, врач хренов!

– Сам хренов, – оглядываясь, пробормотал он, и увидел, что Олег Волков, не двигаясь, лежит на земле, а Ольга, стоя на коленях, тормошит его, плача, и что-то громко кричит. Дмитрий Иванович побежал к ним и, оглянувшись на бегу, увидел, что Калманович, зажимая рукой левый бок, сидит у колеса другой машины. Его ладонь была красной, красное сочилось и между его пальцами. Немного дальше два сержанта с автоматами на плечах обрабатывали кулаками какого-то парня, крича нечто яростно-нецензурное. Все трое тоже были перемазаны красным. Еще дальше на земле лежал труп – Огурцов почему-то с

полувзгляда понял это. Наверное, потому, что вместо головы у него была бесформенная кровавая масса.

«Знатно раскинул мозгами... по дороге», – профессионально-цинично подумалось ему, и тут же постороннее мгновенно испарилось, ибо он подбежал к Олегу и бухнулся на колени. Пульс Волкова, пусть и слабенький, на сонной артерии все же определялся, а вот когда он растегнул его куртку и поднял свитер, увидел напротив сердца огнестрельную рану, из которой сочилась кровь.

И в этот момент слышались далекие, но все усиливающиеся завывания сирен машин «скорой помощи» и соперничающие с ними в этом милицейские.

Глава 11

Олега Волкова оперировали уже третий час и все это время Ольга, сидела, как каменная – не двигаясь и даже, кажется, не дыша. Она не отвечала на вопросы и никак не реагировала на разговоры. В конце концов, ее оставили в покое и лишь изредка санитарочки и медсестры поглядывали – все ли в порядке. К исходу второго часа операции в ординаторскую вернулся Огурцов – он все это время был в предоперационной – и, подойдя к Ольге, сказал:

– Оля, пулю извлекли, операционную рану ушивают. Все хорошо, все нормально, – и, глянув на Ольгу увидел, что на эти слова, она тоже никак не среагировала, будто и не слышала, только из ее глаз потекли слезы. Они текли по совершенно неподвижному, белому лицу, капали на пол, а Ольга даже не улыбнулась. Огурцов, прошедший все это время на ногах, устало опустился на диван и, потянувшись, подумал:

«Сейчас бы стопаря» – и невольно вспомнил события трехчасовой давности, когда медработники «Скорой помощи» осторожно загрузили в машину молчаливого Олега и бурно возмущающегося Калмановича и увезли их в

больницу. А там выяснилось, что у подполковника касательное ранение боковой стенки живота и в брюшную полость не проникает, а посему опасности для его жизни не было. После перевязки он, несмотря на уговоры врачей, сбежал, попросив Огурцова посмотреть за Ольгой. А вот у Олега дело было худо. Пуля вошла в корень легкого и ее с огромным трудом извлекли. И задержись помощь даже не на полчаса, а на минуты, Олега бы в больницу не довезли.

– Дима, – раздался тихий голос Ольги, – у тебя нет ничего... выпить? А то меня что-то заколотило.

И сразу же словно по звонку, открылась дверь и вошел Антон Калманович. Был он бледен, но как всегда бодр и весело деловит:

– Вот удачно-то зашел! Оба-двое здесь. Кто коньяк будет? – спросил он и достал плоскую бутылочку с коричневато-красной жидкостью. Доктор Огурцов быстренько расставил крохотные рюмочки и посмотрел на Ольгу:

– Закусить?

Но она даже глазом не повела в его сторону, а просто взяла рюмочку и медленно выцедила ее содержимое, потом чуточку посидела и разжала пальцы. Рюмка выпала из ее руки и вдребезги разбилась. На мелкие кусочки... а Ольга с легким недоумением посмотрела на то, что еще только что было посудой, и тихо заплакала. Почти неслышно – только плечи подрагивали, а когда растерянные мужчины обступили ее, неловко пытаясь как-то успокоить, она сквозь слезы пробормотала:

– Вот и жизнь наша... на мелкие осколки... не собрать теперь... – потом Ольга всхлипнула и, замолчав, села на диван:

– Дима, ты правду говоришь, он... не умрет?

– Нет, нет, успокойтесь, самое худшее позади, – сказала вошедшая в ординаторскую худенькая, миловидная женщина, – жизнь Олега Волкова вне опасности.

– Ольга Борисовна, это оперирующий хирург Инга

Калманович, а еще она моя жена. Вы ведь тоже не знакомы, – посмотрел он на Огурцова.

– Нет, не знакомы! Но много слышал, – ответил Огурцов, разглядывая ее, – много хорошего! – А Ольга подошла к Инге и, продолжая всхлипывать, поцеловала ей руку.

На том длинный и насыщенный событиями день закончился. По причине позднего времени они поехали ночевать к Антону: «Инга сегодня все равно в больнице на всю ночь, а нам надо стресс снять – так что никаких гостиц». Дома Калманович – человек совершенно не пьющий – набулькал себе полный стакан чего-то жидкого и красно-коричневого и, помолчав, сказал, глядя на стакан:

– Не каждый день в тебя из автоматов садят, – и в три глотка опорожнил его. Подышав в кулак, он сказал: – Нападавших было двое. Одного к тебе увезли – три пули в голове, а другой живехонек...

– Отлично! И что рассказал?

– Да все он рассказал. Вот только дело в том, что он ничего не знает. Их наняли втемную. Описание нанимателя, вот и все... да и то в общих чертах.

– Слушай, а как так получилось, что там оказались наши автоматчики?

Калманович усмехнулся и сказал:

– Да бюрократия наша спасла нас. Пока ты обедал, а я бегал с докладами, наши сопровождающие хотели сдать оружие и, пока их там мурыжили, мы уехали, а сержантов отфутболили. Вот они с автоматами и поехали следом на легковушке одного из участковых – он тоже в Городок ехал. И вот прикинь; подъезжают они к той горе и видят, что их обгоняет какая-то иномарка, из нее вылазят два амбала и давай в кого-то стрелять. Ну а сержанты – по ним. Так что нам повезло.

На этом вечер и весь длинный-предлинный день да и половина ночи закончились, ибо на часах уже было два

часа. Доктор Огурцов уже было лег, но вдруг сел и спросил:

– Слушай, подполковник, все хочу спросить: – А как здесь оказались Ольга и Олег?

– Завтра... – пробормотал засыпающий Калманович, – все завтра!

И доктор Огурцов последовал его примеру: едва его голова коснулась подушки, он провалился в сон. Последней, сонно-затухающей его мыслью была очень оригинальная:

– Ни за что в семь утра не проснусь. Пусть... из пушек... стреляют... хоть...

Утром его ровно в семь разбудил уже одетый и бодрый хозяин:

– Я в милицию... кофе-чай на столе, дверь захлопни и в восемь постарайся быть в хирургии, – и убежал.

– Слушаюсь, – пробормотал сонный Огурец... – раскомандовался! – но, вспомнив про Ольгу и Олега, заторопился и уже через полчаса был в больнице. Доктор Инга тоже встретила его чаем, рассказала о состоянии раненного, а не прошло и десятка минут, появилась и Ольга.

– Она всю ночь глаз не сомкнула, – пожаловалась доктор Инга доктору Огурцову, – так и просидела у постели больного.

– Зато Олег, когда открыл глаза и увидел меня, улыбнулся.

Потом в ординаторскую тихохонько, просочился руководитель Следственного комитета. Он явно был чем-то доволен и даже улыбочив. Огурцов уже хотел было спросить его о причине этих улыбок, как резко открылась дверь и в ординаторскую ввалились два мордоворота:

– Служба безопасности! Всем предьявить...

И сразу же, почти одновременно, вперед шагнули Калмановичи, произнеся почти синхронно:

– Вам кто разрешил... Я подполковник... без халата... сейчас наряд... зайти...

Но «служба безопасности», словно не слыша этих слов, выпятив свои и так не маленькие челюсти, снова рывкнула про документы. Но тут Ольга встала с дивана и, повернувшись к ним, каким-то стальным, лязгающим голосом сказала – да что там сказала – скомандовала:

– А ну, кр-р-ругом! Шагом марш! – и амбалы, к удивлению всех присутствующих поникли, задвинули назад свои челюсти и довольно подобострастно, пролепетали:

– Щас, Ольга Борисовна, нам было велено... Филиппыч...

– Вон! – крикнула она и мордovorоты послушно попятились, уткнулись в дверь и, развернувшись, один за другим выскользнули из помещения, а Ольга, глянув на хирурга Ингу, сказала:

– Это называется: «явление в стенах районной больницы простого расейского миллионера и олигарха деревенскому народу». И это явление меньше чем на компьютерный томограф не потянет. Ведь у вас его нет, Инга Викторовна?

– Нет, – растерянно ответила она.

– Так и олигарха нет, – сказал вошедший мужчина, – господин Маркштадт убыл на жительство в... одну из стран Евросоюза, как того потребовали его деловые связи и проекты, и когда вернется – неизвестно. Впрочем, он меня уполномочил решать кое-какие вопросы. Томограф, говорите? Компьютерный, – и, не дожидаясь ответа, небрежно бросил: – это не вопрос... решим! – и, глядя на Калмановича, четко сказал:

– Позвольте представиться...

– Не надо, – ответил руководитель Комитета, – я вас знаю, доктор Огурцов – тоже, а уж про Ольгу Борисовну и говорить нечего! Сейчас подойдет мой заместитель майор Байбузин и нам следует непременно побеседовать! Всем побеседовать, не так ли Евгений Иванович?

– Для того и прибыл, – ответил тот, – для того и прибыл!

Но тут дверь снова... нет, не открылась – распахнулась! – и в ординаторскую ворвался разъяренный майор Байбузин:

– Антон! Поднимай бойцов СОБРа, а то эти наглецы из дебильной охраны заняли все входы и выходы и выделываются, корчат из себя президентскую охрану и никак не меньше. Звони!

– Стоп, товарищи! Я вопрос урегулирую, – сказал главный телохран и, взявшись за рацию, резко скомандовал: отбой, вариант три, вариант три, – и послушав пару секунд забубнивший из радиации невнятный голос, заорал:

– Вып-а-а-л-нять!!! – и спрятав рацию, уже спокойно сказал: – заставь дураков Богу молиться...

– Все, господа, все! Успокойтесь! Давайте вернемся к нашим баранам... или овечкам? – почему-то, глянув на Огурцова, спросил подполковник Калманович, однако тот, безразлично махнув рукой, ответил:

– А, едино! Шашлык и из того и из другого неплох!

– Вот, правильно! Нам теперь предстоит из разрозненных кусочков разносортных фактов, сложить и испечь шашлык, годный для пополнения уголовного дела, тем более что здесь собрались все те, кто обладает своей частью информации, – ответил Калманович и, скривившись, прижал руку к «ранетой бочине», – как недавно сказал один из сержантов.

– Антоша, больно? – тут же взволнованно спросила хирург и по совместительству жена.

– Да нет, не волнуйся, Инга, все нормуль! Вадим, продолжай. – И майор, открыв папку, сказал:

– Ну, коротко: 20 сентября была взорвана дорогая импортная машинка, принадлежащая госпоже Лебедевой, здесь присутствующей. При этом погибли два угонщика из так называемых «вольных стрелков». Однако специали-

сты-взрывотехники установили, что сила взрыва не соответствовала возможностям заложенного в машину СВУ – самодельного взрывного устройства. Случайно избежавшие гибели Лебедева и Волков – или не случайно? – остроглянув на Ольгу, спросил Вадим, но та никак не среагировала на этот вопросик, – укрылись сначала у своего одноклассника, судмедэксперта Огурцова. Далее...

– А что далее? Незачем расписывать детали того что произошло. Все, все знают! И кстати – не думайте, что мы ничего не знаем и пришли, к вам с протянутой рукой. Нами выявлен тот гаишник, что пытался Волкова похитить. Он задержан. Задержан и Ямщик, и оба они кое-что рассказали. А нас интересуют ответы на вопросы, которые со временем мы и сами, конечно узнаем, но время дорого! Поэтому вот первый вопрос: кто и для чего взорвал машину и второй: какова подоплека всех событий. Так что, Евгений Иванович, начнем с вас, прошу.

– Ну, как вы понимаете, я готов работать с вами в тех пределах, которые оговорены господином Маркштадтом и поэтому...

– Зато мне никто и никаких пределов не оговаривал, поэтому начну я...

– Ольга Борисовна, вы понимаете последствия вашей откровенности? – холодно спросил Евгений Иванович, но Ольга, даже не посмотрев на него, сказала:

– Взрыв машины – это и не взрыв вовсе в обычном понимании этого события. Этот взрыв есть не что иное, как борьба за прибыль! Деньги – вот что лежит в основе взрыва.

– Постойте, постойте, Ольга Борисовна, – озадаченно спросил Байбузин, – зачем вашему мужу вас взрывать? – есть много...

– А кто говорит что мужу? И почему вы решили, что взрывали меня? Отнюдь не меня. Это была попытка устранить Олега... Волкова Олега, – ответила она и в глазах ее снова блеснула слеза.

– Позвольте эту часть рассказа освещу я, – предложил, было, Евгений Иванович, но Ольга жестко ответила:

– Помолчите, рассказчик! – и продолжила:

– Как вы знаете, среди многочисленных предприятий моего мужа есть два, которые добывают золото, или как сказали бы раньше золотые прииски, но так их называть неверно, ибо это весьма разветвленная структура предприятий. Должна отметить, что эти прииски не самое большое и прибыльное дело для сегодняшнего Макштадта, но они были первыми серьезными предприятиями, которые он в начале 90-х приобрел, вернее «прихватизировал». Два года назад Маркштадт решил приобрести еще один прииск, но его опередили. И тогда началась война – сначала финансовая, а потом последовали и какие-то силовые акции. И тогда же появился человек по имени Агент, появились и «Мисс Область» и впервые на моей памяти миллионер и олигарх Маркштадт оказался под чьим-то влиянием.

– Простите, а при чем здесь Волков?

– Олег на новом прииске работал в службе безопасности, и так сложилось, что главным препятствием при покупке этого предприятия стал именно он. Это уже детали, которые я пропущу, да и всего и я не знаю. Их только Маркштадт и Агент знают. Так вот, о машине...

Гибели мы избежали случайно. Олег заметил слежку и предложил оставить машину в «Дарах Востока» у своего сослуживца по Афгану, таджика Сабира.

– А про то, как вас пытались украсть-похитить? – спросил майор.

– Я деталей не знаю. Ворвались два парня, отключили бабушку Зою по голове какой-то палкой, меня отключили, прыснув какой-то гадостью в лицо и в себя я пришла, когда мы с Олегом въезжали в...

– Перово? – подсказал Калманович.

– Да, в него. Мы приехали к знакомому Олега и два дня жили у него – это в соседней деревушке.

– Пять километров отсюда – Кутейниково! – уточнил Калманович.

– А потом этот знакомый по просьбе Олега нас спрятал – привез в однокомнатную квартиру в Перово, которую называл лесной избушкой, – продолжила Ольга.

– А почему сюда? Уж лучше бы, правда, в лесную избушку, – с легким недоумением спросил Огурцов.

– Да все очень просто: с началом лыжного сезона многие жители из двухэтажек сдают свои квартиры приезжим из города, которые едут сюда кататься на горных лыжах. Деньги люди зарабатывают. Была здесь и у того деда квартира. Принцип, если хочешь что-то спрятать, положи на видное место... Даже мы не смогли вычислить, куда исчезли Олег и Ольга, – ответил Антон, – а они под самым нашим носом жили.

На некоторое время повисло молчание, а потом все тот же Огурцов с легким недоумением спросил:

– Ладно, вы не вычислили... лопухнулись... а как же их тогда вычислил тот, кто киллеров нанял?

– Вот это нас сильно интересует, – несколько смущенно ответил Калманович.

– Так дед и продал: сначала деньги получил за то, что спрятал, а потом за то, что продал... – начал майор Байбузин, но его перебила заглянувшая в дверь санитарочка:

– Инга Викторовна, пройдите к больному Волкову.

Инга поднялась и, глянув на Ольгу, приложила палец к губам – мол, тихо всем! – и, стараясь не шуметь, вышла из ординаторской. Доктор Огурцов тоже посмотрел на при молкшую Ольгу. А она, подобрав под себя ноги, боком притулилась в уголке дивана и, тихонько посапывая, спала.

И все осторожненько поднялись и на цыпочках вышли их комнаты. Калманович провел всех в фойе и сказал девушке в белом халате:

– Оксаночка, рыбонька, ключ от кабинета принеси.

– Ага, – ответила девчушка и, прежде чем убежать сказала, – а внизу какой-то мужчина спрашивает о самочувствии раненого!

И Антон тут же ушел вниз. Буквально через пять минут он вернулся в сопровождении импозантного старика: ростом под два метра, окладистая борода...

– Здорово всей честной компании, – могучим и густым басом сказал он, а доктор Огурцов оглядывая его, улыbnувшись подумал: «Илья Муромец, вылитый Илья».

– Дедушка присаживайся – сказал Байбузин, но дед ответил:

– Не-а, ишшо не изболелся... вот проведать Олежку пришел, сказывают, ранили его.

– А ты, деда, его откуда знаешь?

– Оттуда! Они с Иваном, сыном моим, в Афгане вместе служили. Вот только Олежка вернулся хоть и ранетым, а мой пропал без вести.

Все немного помолчали и вдруг доктор Огурцов спросил:

– Деда, а еще кто-нибудь с твоим сыном служил в Афганистане? Ну, тот, кто тебя знает?

– Дык Петька Исаев ишшо знает, – и, оглядев всех, спросил, – так че там с Олежкой?

– Оксана, проводи дедушку к Инге Викторовне! – сказал Огурцов и задумчиво пробормотал: – Узнать бы еще кто он такой, этот Исаев?

– Исаев – это фамилия человека, кличка у которого Агент! – сумрачно сказал главный телохран Маркштадта. Сначала все молча переваривали информацию, а потом Байбузин сказал:

– Вот это и есть заказчик покушения на... – но не договорил, потому, что вошла Инга и, протянув мужу телефон, сказала:

– Больной Волков только что попросил диктофон и вот, – доктор включила, и все услышали негромкий, временами прерывающийся голос Олега:

– Я... Волков Олег сообщаю... взрывное устройство, которым... уничтожена машина Лебедевой... Ольги Лебедевой... когда погибли двое... заложена мной, и инициирован взрыв... тоже мной... я взрыв произвел...

Такого заявления никто, конечно, не ожидал, а потому все – даже оба следователя – озадаченно молчали, но потом общую тишину нарушила Ольга, тихо заплакав. Тихо и как-то тоскливо. Чуть успокоившись, она сказала:

– Это мы с Олегом разработали такой план. Чтобы добиться развода, нам надо было уйти, раствориться в неизвестности и как можно дольше укрываться от взоров Маркштадта и его... клеветов, – и она кивнула в сторону Евгения Ивановича, – за это время мы смогли бы предъявить ему такие документы, которые раз и навсегда заставили бы его...

– И они этого добились, – прервав Ольгу, сказал Евгений Иванович, – вчера оформлен развод, и вчера же он известил конкурентов, что от претензий на прииск отказывается. И еще, – обратился он к Ольге, – мы обеспечим вас и охраной, и великолепными адвокатами, так что...

После этого последовали длинные и нудные юридические процедуры – протоколы, допросы, объяснения, подписи, подписи. В промежутках между этими увлекательными процедурами, доктор Огурцов сходил проведать Волкова. Был Олег очень слаб и почти не говорил. Огурчик посидел рядом несколько минут, а потом доктор Инга его выставила. Волков напоследок сжал руку Огурцова и тихо сказал:

– Позаботься об Ольге, помоги как врач...

Пока Огурцов шел до ординаторской, то с легким недоумением думал, а при чем здесь он и при чем врач? Вернувшись, увидел в ординаторской одну Ольгу и больше никого. Она сидела и печально смотрела в окно.

– Оля, а что за дела? Что с тобой? Зачем тебе врач?

Ольга встрепенулась и сначала недоуменно смотрела

на одноклассника, а потом стала краснеть – лицо, уши и даже на шее появились красные пятна.

– Что такое? Что с тобой?

– Ничего, – тихо и как-то смущенно ответила она, – я к Олегу пойду. – Однако у двери, она вернулась и робко, как провинившаяся школьница, сказала:

– Дима, я беременна... уже двадцать недель... так после УЗИ сказали – и, повернувшись, быстро вышла из комнаты.

Сказать, что доктор Огурцов был ошеломлен – ничего не сказать! Он постоял с открытым ртом и, подойдя к окну, увидел картинку в тему: счастливому молодому папе на крыльце роддома вручали новорожденного и счастье светилось на его лице. А ведь Ольга – первородящая в...

– Как там Олег ему однажды сказал: «а ведь нам обоим больше ста лет», и на тебе – уже двадцать недель беременности. И ему вспомнилась старая бардовская песня:

*А хочешь, я тебе открою тайну,
Один такой малюсенький секрет
Знай, люди не встречаются случайно,
Случайностей, поверь мне, в жизни нет.*

– Дай Бог вам счастья, дай Бог...

Содержание

- Последний полет Ворона. *Повесть*
Дела давно минувших дней. *Рассказ*
Мальформация. *Рассказ*
Черная полоса. *Рассказ*
Зубы судьбы. *Повесть*
Случайная закономерность, или... *Рассказ*
Эхо минувшей войны. *Рассказ*
Олег и Ольга. *Повесть*

Официальный сайт А. А. Бушкова – www.shantarsk.ru

Литературно-художественное издание

**Бушков Александр Александрович,
Величко Владимир Михайлович**

ЗУБЫ СУДЬБЫ. СИБИРСКИЙ ДЕТЕКТИВ
Повести. Рассказы

Оформление обложки *Александра Щавелева*
Шеф-редактор *Владимир Кузьмин*
Художественный редактор *Александр Гладышев*
Компьютерная верстка *Александры Майоровой*
Корректор *Лариса Пруткова*

Подписано в печать 25.02.2015.

Формат 32×84 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 5000 экз.

Изд. № 15-11981. Заказ № О-564.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

ОАО «ОЛМА Медиа Групп»

129085. г. Москва, Звездный б-р, дом 21, стр. 3, пом. I, комната 5.
Почтовый адрес: 143421, Московская область, Красногорский район,
26 км автодороги «Балтия», Бизнес-центр «Рига-Ленд», стр. 3
www.olmamedia.ru

Отпечатано в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

А. Бушков, В. Величко

Зубы судьбы

сибирский детектив

«Зубы судьбы» — книга, продолжающая серию своеобразных «сибирских секретных материалов» Александра Бушкова. В этот раз вместо легенд и чудных, не поддающихся объяснению историй, собранных под обложкой «Сибирской жути» и «...Борьбы с неведомым», Бушков обращается к криминальной хронике недалекого прошлого. И устраивает на примере, кажется, загадочных преступлений, виртуозный сеанс разоблачения. Королю криминального жанра помогает в этом его земляк — судебно-медицинский эксперт, в прошлом — психиатр, Владимир Величко.

 ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru

ISBN 978-5-373-07458-2

9 785373 074582

